

Юрий Топиш

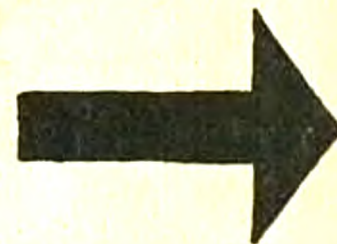
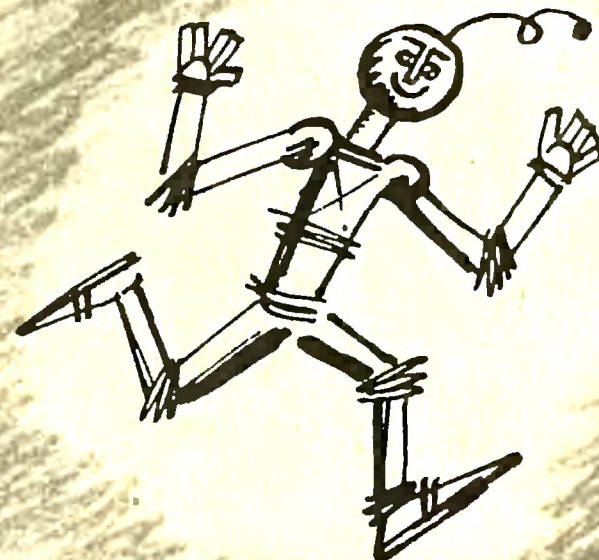
ЕЛ

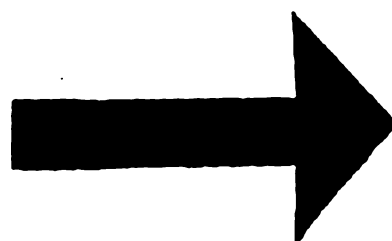
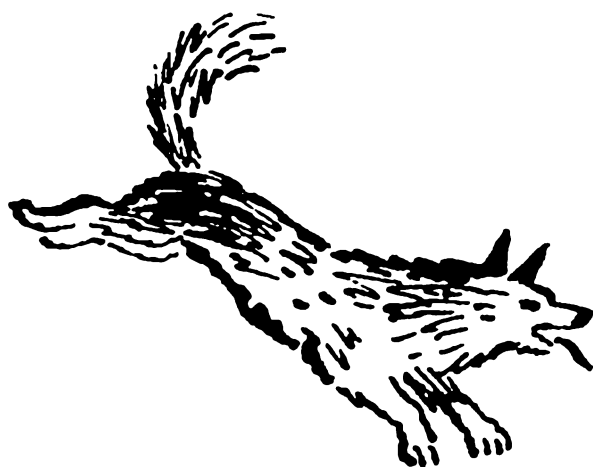
ПО

ГОРОДУ

ВОЛШЕБНИК

ПОВЕСТЬ, В КОТОРОЙ СЛУЧАЮТСЯ ЧУДЕСА...

Юрий
Томин

Шел по городу волшебник

РИСУНКИ Б. КАЛАУШИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ ЛЕНИНГРАД 1970

24

Р 2 мл
Т 56

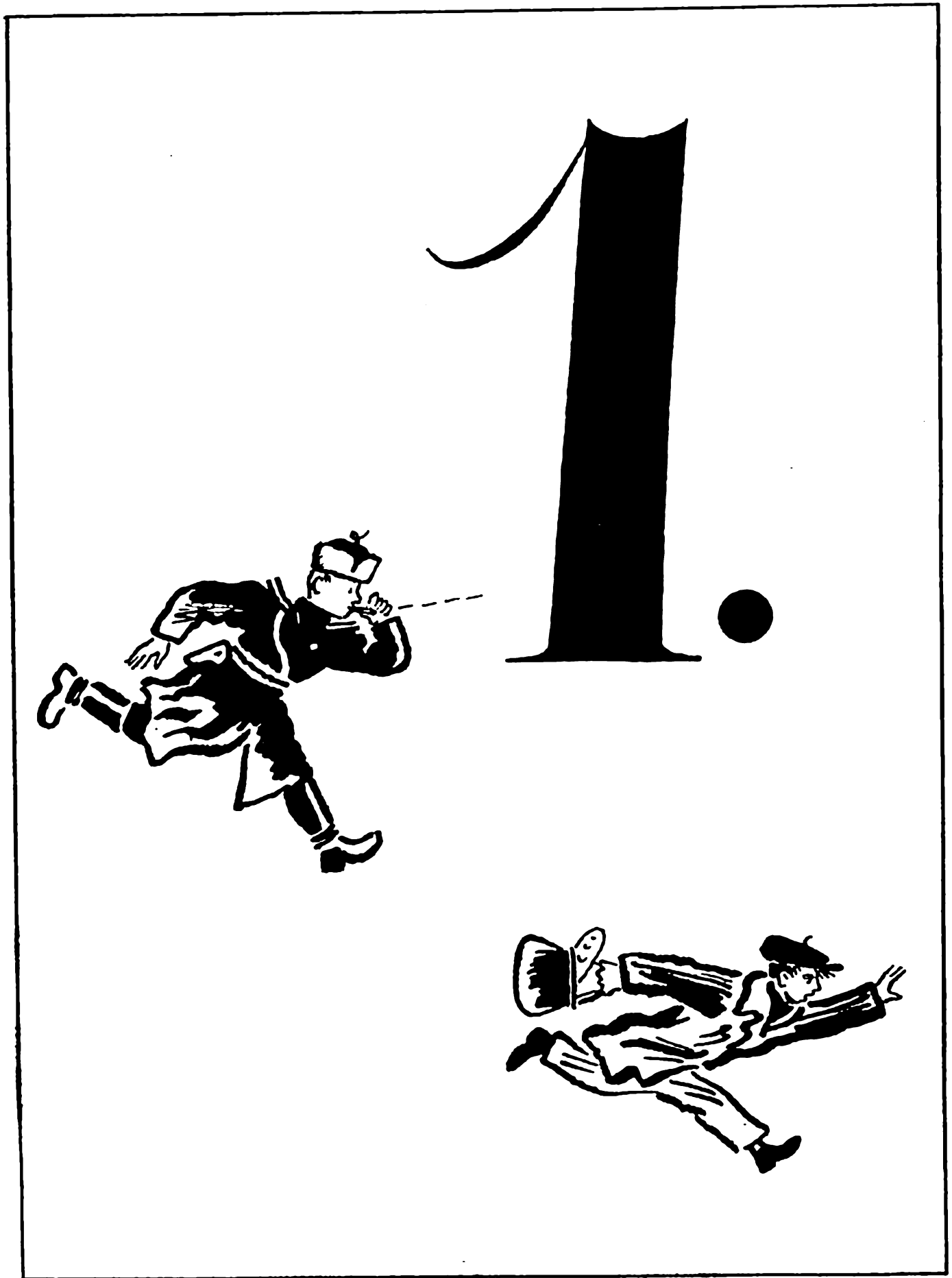
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

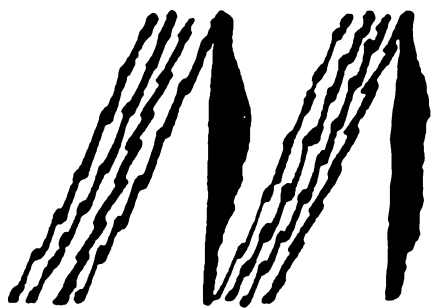
7-6 2

Часть
Первая

Медикъ

ЧУДЕСА

МИЛИЦИОНЕРЫ ОЧЕНЬ ЛЮБЯТ ДЕТЕЙ. ЭТО каждый знает. Любят они не только своих детей, а всех подряд, без разбору. Не верите — посмотрите детские фильмы. В фильмах милиционеры всегда улыбаются детям. И все время отдают честь. Как только постовой увидит мальчика, так сразу же бросает свои дела и мчится, чтобы от-

дать ему честь. А если девочку увидит, — тоже мчится. Наверное, ему все равно — мальчик или девочка. Главное, — успеть отдать честь.

Если же кому-нибудь попадается милиционер, который не улыбается и не отдает честь, то это ненастоящий милиционер.

А все-таки хорошо, что ненастоящие милиционеры иногда встречаются.

В Ленинграде вот есть один такой.

И если бы его не было, то ничего не случилось бы с Толиком Рыжковым...

А случилось вот что.

Шел Толик по проспекту.

Рядом с ним, по мостовой, медленно ехала сине-красная «Волга». Из динамиков, установленных на крыше «Волги», на всю улицу гремел оглушительный и радостный голос диктора:

«Граждане, соблюдайте правила уличного движения! Несоблюдение этих правил часто приводит к несчастным случаям. Недавно на Московском проспекте гражданин Рысаков пытался перебежать дорогу впереди идущей автомашины. Водитель не успел затормозить, и гражданин Рысаков был сбит автомашинной. С переломом ноги он был доставлен в больницу. Граждане, помните: несоблюдение правил уличного движения ведет к несчастным случаям...»

Толик шел рядом с «Волгой» и сквозь боковое стекло видел лейтенанта милиции с микрофоном в руках. Лейтенант был молодой и какой-то очень чистенький. Было странно, что у него такой оглушительный голос, хотя бы и по радио.

Толик внимательно, насколько было видно вперед, оглядел мостовую, стараясь угадать, в каком месте произошло все это с гражданином Рысаковым. Но угадать было невозможно. В обе стороны, одна за другой, катились машины. Здоровенный самосвал, шлепая шинами по асфальту, быстро отставал от вертлявого «москвича», а их обоих, пренебрежительно пофыркивая, обгоняла тяжелая черная «чайка». И все они проезжали, может быть, над тем местом, где «недавно» лежал осторожный Рысаков...

«А что, — подумал Толик, — если бы это случилось не «недавно», а сейчас! Только чтобы машина объехала Рысакова... И — чтобы врезалась в трамвай... Но только чтобы водитель остался цел... А трамвай — сошел с рельс... Но — чтобы пассажиры все остались целы.

А движение по всей улице — остановилось. . . И тогда нельзя было бы перейти улицу. . . И я не пошел бы в школу. . .»

Толик остановился и стал разглядывать пешеходов, которые перебегали улицу, ловко увиливая от автомобилей.

Сине-красная «Волга» ушла далеко вперед. Толик опасно покосился на нее и тоже побежал. Он юркнул между двумя автобусами, пропустил трамвай, «Скорую помощь» и влетел на тротуар перед самой булочной. Толик направился было к двери и вдруг прямо перед собой увидел милиционера. Тот стоял и смотрел на Толика. Он не отдавал честь и не улыбался.

— Ну, иди сюда, — сказал милиционер.

— Зачем? — пробормотал Толик.

— Иди, иди.

Цепляясь носками за асфальт, Толик подошел ближе.

— Вам в школе объясняли, как нужно переходить улицу? — спросил милиционер.

Голос у него был не сердитый и не насмешливый, а какой-то скучный.

— Нам не объясняли, — на всякий случай сказал Толик.

— А ты сам не знаешь, где можно переходить улицу?

— Мне в булочную надо, — тихо сказал Толик.

Милиционер молчал.

— Я очень торопился. . .

Милиционер молчал.

— У меня мама больная, — уже увереннее сказал Толик. — А в школу я вообще не хожу никогда. Я за мамой ухаживаю. Мне просто некогда ходить в школу.

— Чем же она болеет? — спросил милиционер.

— У нее раны. . . — сказал Толик и вздохнул. — От снарядов. . . и от бомб. . . и от пуль. . . Она на фронте воевала. Раньше она мало болела, а теперь — каждый день. И папа — тоже в больнице. Он в милиции работает. Его преступники ранили.

— Как фамилия-то? — спросил милиционер уже не скучным голосом.

— Павлов.

— Вроде слышал про такого, — сказал милиционер после раздумья. — Значит, и в школу тебе ходить некогда?

— Совсем некогда, — вздохнул Толик.

— Ну, беги в свою булочную.

Понурясь, Толик медленно направился к дверям. Вид у него был очень печальный.

В булочной Толик так же медленно ходил между прилавками, шаркал ногами, горбился и думал, что, наверное, многие замечают, какой у него несчастный вид, и догадываются о том, что у него больная мама и отец ранен преступниками.

Опустив батон в сумку и чуть не волоча его по полу, Толик вышел из булочной. Милиционер стоял на прежнем месте. Он все-таки не отдал честь и не улыбнулся, но слегка кивнул. Мотнул головой и Толик. Теперь он ничуть не боялся милиционера.

Прежде чем перейти улицу, Толик посмотрел налево. Он ступил на мостовую и посмотрел направо. И в этот момент увидел Мишку Павлова. Мишка бежал прямо к нему и орал на всю улицу:

— Толик! Анна Гавриловна сказала, чтобы нам с тобой сегодня в школу прийти на час раньше!

Толик отвернулся, как будто Мишка кричал кому-нибудь другому. Но Мишка налетел на него и опять заорал в самое ухо:

— Я сам ее видел! Она сама сказала!

Толик посмотрел на милиционера. Тот уже не стоял на месте, а медленно шел прямо к ним.

Тихонечко, боком Толик двинулся по тротуару. Милиционер пошел быстрее. И тогда Толик бросился бежать со всех ног.

Мишка, разинув рот, постоял, посмотрел, как убегают от него милиционер и Толик, и тоже побежал за ними.

Толик ничего не видел. Если бы ему в эту минуту подвернулась машина, он, наверно, сбил бы машину. Если бы на пути оказалась река, он, конечно, перепрыгнул бы через реку. Он старался изо всех сил, потому что на свете нет ничего хуже, чем убежать от милиционера.

Мишка давно уже отстал, а Толик еще и не разогнался как следует. Милиционер, наверно, тоже еще не разогнался. Он бежал далеко, но догонял понемножку.

На улице останавливались прохожие. Их удивленные лица мелькали мимо Толика быстро, как фонари в метро.

Стук сапог сзади становился все ближе. Толик метнулся к дому и вбежал в парадную. Тут была еще одна дверь — во двор. Он открыл ее, и в этот момент сзади зацокали по ступеням сапоги милиционера. Толик захлопнул дверь и услышал, как она тут же открылась за спиной. Он уже совсем было хотел остановиться, как увидел слева несколько низеньких домиков — гаражей. Между двумя домами была узкая щель. Толик бросился в эту щель и почувствовал, как что-то схватило его и потащило назад. Но тут же он выскочил из щели, и почему-то бежать стало легче.

Мальчишки, столпившиеся по другую сторону гаражей, так ничего и не поняли. Они видели, как промелькнуло что-то и вслед за ним промелькнуло еще что-то, а теперь во дворе стоял милиционер и, разглядывая, вертел в руках сумку с батоном. Он постоял немного и пошел к воротам. Мальчишки посмотрели ему вслед и снова принялись рисовать на дверях гаражей звезды и писать мелом, что «Тоська + Вовка = любовь».

А Толик долго еще не мог остановиться. За его спиной уже никто не тонал, но он на всякий случай пробежал еще четыре двора, пролез

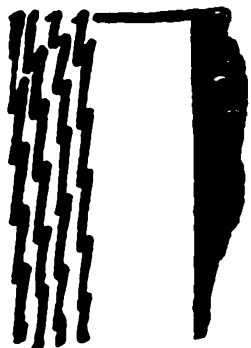
сквозь какую-то трубу, спрыгнул с какой-то крыши и оказался в маленьком дворике.

Лишь теперь он понял, что за ним уже никто не гонится. Толик осматривался, ища дверь или ворота, через которые можно было бы выйти, но видел только гладкие стены. Это был очень странный двор. Высокие стены — без окон и балконов — уходили вверх, под самое небо. Двор был круглый, как колодец, и посреди него стояло что-то большое и круглое, как консервная банка.

Толик завертел головой, стараясь найти сарайчик, с которого он спрыгнул, но никакого сарайчика не было.

В здании, похожем на консервную банку, оказалась дверь. Толик отворил ее и очутился в просторном помещении. Это было очень странное помещение. Откуда-то сверху, с невидимого потолка, один за другим медленно опускались голубые шары. У самого пола они вспыхивали голубым светом и гасли, как будто проваливались. Один за одним плыли они сверху вниз и лопались, освещая все вокруг мерцающим светом.

ПОТОМ ОН УВИДЕЛ МАЛЬЧИКА.

Мальчик сидел за длинным столом. На одном конце стола высилась груда спичечных коробков. Мальчик взял один коробок, внимательно осмотрел его и переложил на другой конец стола.

— Триста тысяч один, — сказал он.

Толик подошел поближе.

Мальчик, не глядя на Толика, взял еще один коробок.

— Триста тысяч два.

— Эй, ты чего тут делаешь? — спросил Толик.

— Триста тысяч три, — сказал мальчик.

— Как отсюда выйти? — спросил Толик. — Где тут ворота?

— Триста тысяч четыре, — сказал мальчик.

Толику стало не по себе. Он даже подумал, что это не живой мальчик, а какой-нибудь электрический, вроде робота. Такой был в кинокартине «Планета бурь». Там робот, похожий на человека, ходил на двух ногах и даже разговаривал дребезжащим, как будто железным голосом.

Толик протянул руку к плечу мальчика и тут же отдернул ее, словно испугался, что его ударит электрическим током.

— Триста тысяч пять, — сказал мальчик.

Толик начал сердиться. Он был не робот, а живой человек. И потому он умел сердиться. А этого, как известно, не умеет делать даже самый лучший и самый электрический робот.

— Триста тысяч шесть, — сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто сердится, а прямо-таки злится.

— Триста тысяч семь, — сказал мальчик.

Толик почувствовал, что он уже не просто злится, а прямо-таки лопается от злости.

— Триста тысяч восемь, — сказал мальчик.

«Ну ладно, — подумал Толик. — Сейчас ты у меня замолчишь». Толик вытянул руку и провел ладонью по спине мальчика, стараясь найти кнопку, которой он выключается. Спина оказалась теплой и совсем не железной.

— Триста тысяч девять, — сказал мальчик, поднял голову и посмотрел на Толика странными голубыми глазами.

— Ты что, оглох?! — крикнул Толик. — Ты, может быть, глухой, да?

— Я все слышу, — ответил мальчик. — Триста тысяч десять...

— Сейчас ты у меня получишь! — рассвирепел Толик. — Я тебе покажу, как дразниться. Я тебе покажу триста тысяч! Получишь раза два, тогда узнаешь, где триста тысяч!

— Не мешай, — сказал мальчик. — Ты же видишь — я только что начал новую тысячу.

— Мне все равно — новую тысячу или новый миллион! — сказал Толик. И вдруг остановился, увидев, как при слове «миллион» глаза мальчика засветились странным голубым светом.

Внезапно у Толика прошла вся злость. Он вдруг подумал, что все это очень странно: и двор без ворот, и комната без окон, и какие-то тысячи, и этот мальчик, хоть и не электрический, но, наверное, ненормальный. И как только он подумал об этом, ему снова стало страшно.

— Миллион. . . — повторил мальчик. — Это важнее всего на свете. Но это так трудно. . . У меня очень мало времени. Но если ты знаешь про миллион, я могу поговорить с тобой две минуты. А потом ты уйдешь. Ладно?

— Я могу и сейчас уйти; ты покажи, где ворота, — сказал Толик.

— Не знаю. . . — вздохнул мальчик. — Зачем нужны ворота? Мне они совсем не нужны. Мне нужно набрать миллион.

— Какой миллион?

— Миллион коробков. Ровно миллион. И тогда у меня будет больше всех в мире.

— Зачем тебе столько? — спросил Толик.

— Так у меня же будет больше всех в мире.

— Ну и что из этого?

— Вот и все, — сказал мальчик. — Больше всех в мире! Понимаешь?

— Понимаю, — послушно ответил Толик.

Он ничего не понимал. Он просто боялся молчать. Если он замолчит, то мальчик снова начнет считать коробки.

— А сколько ты уже набрал? — спросил Толик.

— Триста тысяч десять.

— Здорово! — сказал Толик, стараясь показать, что ему не страшно. — Набрал — и хорошо. Теперь пойдем во двор, и ты мне покажи, где ворота. Знаешь, я от милиционера удирал. . . Ох, и бежал здорово! Но ты тоже молодец: сколько коробков набрал. Теперь можешь показать, где ворота?

— Зачем мне ворота. . . — грустно сказал мальчик. — Мне нужен миллион коробков. Тогда мне хватит их на всю жизнь.

— На какую жизнь? — спросил Толик и, взяв коробок, повертел его в руках. — Обыкновенный коробок. Зачем тебе на всю жизнь?

Но едва Толик прикоснулся к коробку, мальчик вскочил из-за стола, и глаза его снова вспыхнули странным голубым светом.

— Не трогай! — закричал он. — Это не твое. Это все мои коробки. Уходи отсюда! Две минуты кончились. Уходи! Оставь коробок!

Толик попятился от стола. Он хотел повернуться и бежать, но глаза на лице мальчика разгорались все ярче, они становились все голубее и прозрачнее, а Толик пятился и пятился, но не мог отвернуться. словно боялся, что его ударят в спину.

Толик отступал, и стол казался ему все меньше и меньше. Около стола прыгала и бесновалась маленькая, будто игрушечная, фигурка мальчика. Она размахивала тоненькими ручками и грозилла кулачками, величиной с горошину. А на ее лице, будто две звезды, мерцали два холодных голубых огонька.

— Оста-а-а-вь коробо-о-ок. . . — донесся до Толика далекий голос.

Этот голос словно подтолкнул его. Толик зажмурился и бросился бежать, не разбирая дороги. Мимо него мелькали какие-то стены и дома. Потом стали мелькать улицы и города. Затем, уже внизу, поплыли реки и горы. Солнце торопливо бежало по пустому темному небу. Но вот и солнца не стало: все вокруг слилось в одну серую полосу, беззвучно уносящуюся назад.

«Я, наверное, сплю, — подумал Толик. — Я видел темное небо. . . Значит, уже ночь и я сплю. . . Нужно проснуться. Нужно попробовать шевельнуть рукой, и тогда сразу проснешься. . .»

Толик шевельнул рукой и открыл глаза.

На синем небе, как приклеенное, застыло солнце. Оно больше нигде не мчалось. И улица была та же самая. И булочная. Пристально глядя на Толика, подходил тот самый милиционер. А рядом стоял Мишка Павлов и орал:

— Я сам ее видел! Она сама сказала!

«Я еще не проснулся, — подумал Толик. — Наверное, плохо шевельнулся, а на самом деле еще спишь и во сне видишь, будто проснулся».

Толик снова дернул рукой. Что-то зашуршало, застучало у него в кулаке. Толик разжал кулак и глянул вниз. На ладони лежал спичечный коробок. Он был настоящий.

И Мишка был настоящий, потому что он заорал еще громче:

— Ты что, оглох? Неси свой батон домой и бежим в школу!

И милиционер был настоящий. Он взял Толика за руку и сказал:

— Если ты с такого возраста врать научился, что же из тебя дальше вырастет? Ну-ка, повтори, чем болеет твоя мама?

Толик молчал. А Мишка, хоть и не понял пока еще ничего, но все же решил заступиться за друга. Он насупился и сурово глянул на милиционера.

— У него мама и не больная совсем. Чего вы ее больной обзываете? Она совсем здоровая.

— Вот и мне так кажется, — ответил милиционер и потянул Толика за рукав. — Пойдем со мной, мальчик.

КОГДА ЧЕЛОВЕК ИДЕТ ПО УЛИЦЕ РЯДОМ С МИЛИЦИОНЕРОМ, то всем ясно, что его ведут в милицию. И когда его ведут, то понятно, что ничего хорошего он не сделал.

Толик шел по улице рядом с милиционером, и ему казалось, что на него смотрят все прохожие. Конечно, они думали, что он разбил окно, подрался или украл чего-нибудь. И Толик боялся встретить кого-нибудь из знакомых.

А прохожие смотрели на Толика с любопытством и почему-то улыбались. Особенно не понравился Толику один толстый дядька. Мало того, что он сам был толстый! Мало того, что он нес под мышкой расстегнутый толстый портфель, набитый толстыми апельсинами! Мало даже того, что улыбаться он начал чуть ли не за сто метров до Толика! Он еще и сказал, проходя мимо:

— За что забрали, товарищ старшина? Отпустите. Его мама ждет. И засмеялся, очень довольный своей толстой шуткой.

Старшина буркнул что-то непонятное. А Толик подумал: «Вот хорошо, если бы забрали сейчас этого толстого дядьку в милицию. И отобрали бы апельсины. И сидел бы он за решеткой, и плакал, и просился, чтобы его отпустили. А дома сидели бы у окна и плакали его толстые дети, потому что им никогда в жизни уже никто не принесет апельсинов».

Толстяк уже прошел, а Толик, выворачивая шею, все еще смотрел ему вслед. Вдруг произойдет чудо и толстяка все-таки заберут. Толику очень хотелось этого. А когда очень хочешь, то ведь может случиться и чудо... Вот он сейчас пойдет через дорогу и будет переходить ее неправильно — немного правее или немного левее белых кнопок на асфальте, или пойдет по красному свету. Тогда — свисток, и... толстые дети никогда не получают апельсинов.

А толстяк между тем подошел к краю тротуара и... Чудо! Произошло чудо, о котором мечтал Толик! Толстяк переходил улицу между двумя рядами белых кнопок. И тут все было правильно. Но он шел по КРАСНОМУ свету! Вот оно чудо, которое всегда может случиться, если его очень хочешь!

Но оказалось, что вышла только одна половина чуда. Вторая, главная половина, не получилась. Напрасно Толик ждал свистка. Толстяк спокойно перешел улицу и протиснулся в двери продуктового магазина. И Толику стало до слез обидно. А тот, кто должен был забрать толстяка, в этот самый момент легонько подтолкнул Толика в спину и сказал:

— Не задерживайся, мальчик, не задерживайся. Мне на пост нужно возвращаться.

Уже в третий раз попадался навстречу Мишка Павлов. Каждый раз он забегал вперед и проходил мимо, подмигивая левым глазом. Всем видом он старался показать, что он с Толиком заодно. Но помочь

Мишка, конечно, ничем не мог. Даже тем, что, отойдя на безопасное расстояние, строил рожи спине милиционера. Возле милиции Мишка отстал, и Толику стало совсем тоскливо. Вдвоем было как-то веселее.

В отделении милиции за барьером сидел капитан и писал что-то в толстом журнале. Увидев Толика и старшину, он усмехнулся.

— Вы зачем, Софронов, ребенка привели? Разве забыли, что у нас детская комната на ремонте?

— Так точно, забыл, товарищ капитан, — сказал старшина.

— А может, вы не забыли, а просто на посту стоять надоело? Решили прогуляться?

— На улице — погода, товарищ капитан, — сказал старшина. — Это не зима. Сейчас на улице — одно удовольствие. А вот мальчик, товарищ капитан, очень странный. С одной стороны, говорит: мать у него на фронте погибла. . .

— Не погибла. — едва слышно возразил Толик. Но его никто не услышал.

— С другой стороны, — продолжал старшина, — отец, говорит, преступниками ранен. А сам, между прочим, неправду говорит. Это и товарищ его подтвердил. Как фамилия товарища-то? — повернулся старшина к Толику.

— Павлов. . . — совсем тихо проговорил Толик.

— Вот-вот, — сказал старшина, — а сам, между прочим, тоже Павловым назвался. И через дорогу ходит, где ему вздумается.

Услышав последние слова старшины, Толик вздрогнул и жалобно шмыгнул носом. Лишь сейчас он вспомнил, что назвал старшине не свою, а Мишкину фамилию. Какое за это полагается наказание, он не знал, но уж, наверное, самое маленькое — тюрьма или в школе поставят двойку за поведение.

— Хорошо, товарищ Софронов, идите, — приказал капитан. — Только больше мне тут детский сад не устраивайте и пост по пустякам не бросайте. Не первый месяц служите. Пора привыкать. Ясно?

— Так точно, — сказал старшина и ушел.

— Ну-ка, Павлов, повернись ко мне лицом, — сказал капитан. — И объясни, пожалуйста, где тебя так врать научили.

— Почему. . . врать. . . — запинаясь, пробормотал Толик.

— Потому что никакой ты не Павлов. Верно?

— А как моя фамилия? — спросил Толик.

— Это ты сейчас мне и скажешь.

Капитан, усмехаясь, смотрел на Толика, и было件нятно, что фамилию сказать все-таки придется.

— Рыжков.

— Ну вот, теперь ты говоришь правду. Это сразу видно, когда человек правду говорит, а когда врет. Молодец. Твоя мама когда на работу уходит?

— К двум часам, — ответил Толик и победоносно посмотрел на капитана. Сейчас-то он уж точно говорил правду, и капитан ни на чем не мог его поймать. Кроме того, судя по выражению лица капитана, тот вовсе не собирался сажать Толика в тюрьму.

— К двум часам мама ходит на работу, — задумчиво повторил капитан и спросил: — Та самая, которую на фронте убили?

— Я не говорил, что убили! — возмутился Толик. — Это он все выдумал. Я говорил, что ее ранили и она дома лежит.

— Так она, значит, лежа на работу ходит?

Толик ничего не ответил, лишь вздохнул. Чего тут говорить. Не была мама на фронте. А если еще про папу спрашивать, то совсем плохо дело. Папа, наверное, ни одного преступника в жизни не видел.

— Насчет папы и преступников, — сказал капитан, — мы лучше и говорить не будем. Вдруг еще какая-нибудь неприятность выйдет. Верно?

Толик опять ничего не ответил. Он поднял руку и сдвинул кенку на затылок, потому что ему вдруг стало жарко.

— Что у тебя в руке? — спросил капитан.

Толик разжал кулак и протянул капитану коробок со спичками, о котором он давно уже забыл. Капитан взял коробок, раскрыл, вынул одну спичку, повертел ее в руках. Спичка была какая-то странная — без головки. Капитан переломил ее и бросил в пепельницу.

— Куришь?

— Честное слово, нет! — испуганно сказал Толик. — Хоть у кого спросите.

— Верю, — сказал капитан. — На этот раз верю. Врать ты, Рыжков, любишь. Но не умеешь. Улицу переходить, как полагается, ты, конечно, умеешь. Но не любишь. Говори-ка мне быстро номер школы и класс, в котором ты учишься. Я позвоню директору. А может быть, и не позвоню, если с этого дня ты будешь вести себя как полагается.

— Я больше не буду, — всхлипнул Толик.

— Вот я и посмотрю, будешь ты или нет. Говори номер школы и беги домой. А то мама уже думает, что ты пропал вместе с батоном.

Капитан взял ручку и приготовился записывать. Но едва Толик раскрыл рот, за дверями отделения раздался какой-то шум, затем топот. Дверь отворилась, и два милиционера втащили в комнату здорового парня, который изо всех сил упирался. Милиционеры с трудом подтащили его к барьеру, и он встал, покачиваясь и утирая лиловую рожу рукавом пиджака.

— Распивал водку в кафе «Мороженое», — доложил один из милиционеров. — Принес с собой и наливал из-за пазухи.

— А твое какое дело? — заорал парень и рванул на себе пиджак. — Если и выпил — так на свои. Где хочу, там и пью! Я, может, с горя пью.

— Тихо, гражданин Зайцев, — спокойно сказал капитан. — Вы не к приятелю в гости пришли, а в милицию. Причем в истрезвом виде. А горе ваше мы хорошо знаем. Работать не хотите, бездельничаете и пьянствуете — вот и все ваше горе. Не знаем только, откуда вы на водку деньги берете.

— Это мое дело, — неожиданно спокойно сказал парень. — Вы, гражданин начальник, свои деньги считайте. А мои на том свете считают.

— Может быть, — согласился капитан. — Но вот то, что мы вам поверили, когда вас из заключения выпустили, — это уже наше дело. Вас на работу устроили — вы трех дней не проработали. Вам, понимаете, прописку дали в городе, а вы только город позорите. Устраняете, понимаете, скандалы и пьянство. По старой дорожке пошли?

— Да я... да я ведь... Эх! — дурным голосом крикнул парень и снова рванул на себе пиджак. Он нелепо замахал руками, лицо его перекосилось. Милиционеры придвинулись поближе к нему. Толик подумал, что он сейчас бросится на капитана, и на всякий случай отодвинулся в угол. Но парень никуда не бросился. Он схватился за воротник рубашки и несильно дернул. Отлетела верхняя пуговица. Затем покосился на капитана и дернул еще раз. Отлетела еще одна пуговица.

— Бросьте спектакли устраивать, Зайцев, — сказал капитан. — Это я уже видел.

— Да я... — всхлипнул парень. — Я, может быть, целый день работу ищу. Я, может, оттого и пью, что работы нет. Может, у меня руки горят. Я — ч-человек! Понятно, начальник?

Капитан нахмурился. Он машинально вынул спичку из коробка, переломил ее и швырнул на стол.

— Послушать вас, Зайцев, — не человек вы, а прямо голубь. Хотелось бы мне, чтобы вы таким голубем стали. Да не получается...

И тут произошло такое, чего не случалось еще ни в одном отделении милиции. Не успел закончить капитан фразу, как посреди комнаты что-то вспыхнуло и сразу же превратилось в крутящийся серый вихрь. Теплая волна воздуха ударила Толика в лицо. Он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что на том месте, где только что стоял Зайцев, никого не было.

Оба милиционера смотрели на пустое место.

Капитан вскочил из-за стола и замер, широко открыв глаза. И в ту же секунду с пола взвился блый голубь. Он заметался по комнате, ударяясь головой в окна и дверь, отчаянно хлопал крыльями, шаркался от стены к стене, пока случайно не влетел прямо в форточку и, скользя между прутьями решетки, оказался на улице. В окно было видно, как он круто взмыл вверх и исчез.

Капитан растерянно посмотрел в угол. Там стоял Толик.

— Твой голубь?

— Н-нет... чес-с... сло... — дрожащим голосом сказал Толик.

Капитан выскочил из-за перегородки и подбежал к милиционерам.

— Где задержанный?!

— К-к-кажется... у-ушел... — запинаясь, проговорил один из милиционеров.

— Догнать! — закричал капитан. — Догнать немедленно!

— Е-е-есть... — отозвался второй милиционер, и все трое, вместе с капитаном, выбежали на улицу.

Толик из своего угла со страхом оглядывал комнату. Никогда еще не приходилось ему переживать столько приключений в одно утро. Сначала он даже не подумал, что теперь можно спокойно уйти и капитан никогда уже не узнает номера его школы. Толик боялся пошевелиться. Кто его знает... Может быть, стоит шевельнуться, и в комнате снова появятся милиционеры и пьяный Зайцев. Сегодня все может случиться. Толик посмотрел на окно. Может быть, это все-таки сон? Разве не бывает, что человеку снятся милиционеры, голуби, пьяные и даже мальчики со странными голубыми глазами? Бывает. Конечно, бывает. Только почему на одном из прутьев решетки за окном прилепилось и дрожит белое перышко? Оно как раз на уровне форточки, в которую вылетел голубь. И что это за куча тряпья на полу у самого барьера?

Наконец Толик решился выйти из своего угла. Осторожно, боком, он подошел к барьеру. На полу лежала одежда. Сверху был пиджак, из-под него выглядывали две брючины. Из рукавов пиджака торчали обшлага рубашки. Это была одежда Зайцева. Она лежала так, как будто еще хранила форму человеческого тела. Удивительно, что ее не заметили милиционеры. Наверное, очень торопились.

Пока еще ничего не понимая, Толик тронул пиджак носком ботинка и отскочил в сторону. Он боялся, что из-под одежды выскочит пьяный Зайцев. Но никто не выскочил. Пиджак сдвинулся в сторону, и показались ботинки, нечищенные, пожалуй, лет сто.

Сомнений не было. Все это принадлежало Зайцеву.

Но даже если Зайцев был фокусником, если он умел выскакивать из одежды за одну секунду, все равно он не мог убежать без ботинок. Это уж Толик знал точно. Ботинки были зашнурованы. И на всем свете нет такого человека, который умеет снимать ботинки не расшнуровывая. Даже если он пьяный или фокусник.

Внезапно Толик снова вспомнил мальчика со странными голубыми глазами и его отчаянный крик: «Оста-а-авь коро-о-бо-ок!...» Почему он так кричал, если у него было еще триста тысяч таких коробков? Неужели ему жалко одного коробка? Ведь Толик и взял-то его случайно.

И опять Толик подумал, что все это ему снится. Только сон какой-то уж слишком длинный, и непонятно, почему он никак не может кончиться.

Толик подошел к барьеру и, просунув руку, дотянулся до коробка, который отобрал у него капитан. Он потряс рукой, и спички забрякали

в коробке. Да, это был тот самый коробок. И значит, сон тут ни при чем, потому что Толик никогда не носил с собой спичек.

И вдруг Толику все стало ясно. Это было невероятно, сказочно, необыкновенно и в то же время совершенно просто, если допустить, что на свете еще могут случаться чудеса.

Зазвонил телефон на столе капитана. Толик вздрогнул и, словно очнувшись, бросился к двери. Он выскочил на улицу и пустился бежать со всех ног. На этот раз Толик быстро устал: слишком много приходилось ему сегодня бегать. Он свернул в какую-то подворотню и остановился, тяжело дыша. Мимо прошла незнакомая женщина и подозрительно, как показалось Толику, взглянула на него.

— Не набегался еще? — спросила она.

— Извините... — робко сказал Толик, пряча руку с коробком за спину.

Женщина ушла. Толик поднес коробок к самым глазам и стал внимательно его рассматривать. Коробок был обыкновенный. Вернее, он казался обыкновенным. И во всем мире лишь Толик да, может быть, еще мальчик со странными голубыми глазами знали, что коробок был ВОЛШЕБНЫЙ!

Зайцев никуда не исчез. Он ПРЕВРАТИЛСЯ в голубя. «Хотелось бы мне, чтобы вы стали голубем...» — сказал капитан. И Зайцев СТАЛ голубем. Он стал голубем потому, что капитан в это время переломил спичку из коробка, принадлежавшего мальчику со странными голубыми глазами. И если бы капитан знал, что это за коробок, он сразу понял бы, что Зайцев никуда не убежал, а на его глазах вылетел в форточку. Теперь они до вечера будут ловить Зайцева, а Зайцев, распушив хвост, будет прохаживаться по тротуару перед милицией и подбирать крошки.

Так думал Толик. Но чем больше он уверял себя в том, что коробок волшебный, тем страшнее ему становилось. Если этот коробок может превратить человека в птицу, то неизвестно, что он может выкинуть с ним, с Толиком. Хорошо, если еще превратит в голубя, — хоть полетать можно. А если, например, в свинью? Придет Толик в класс. Анна Гавриловна начнет его спрашивать, а он будет только хрюкать! Толик на минуточку представил себе, как ребята таскают его за хвост, а он вырывается и визжит поросычьим голосом. И нельзя никому пожаловаться, потому что ни один человек не станет разговаривать со свиньей.

Чем больше думал он о своей будущей поросычьей жизни, тем опаснее казался ему коробок. И еще показалось Толику, что коробок в его руках как будто стал нагреваться. Что произойдет дальше, Толик дожидаться не стал. Он решил, что на сегодня приключений хватит, швырнул коробок на землю и пошел прочь.

Пройдя один квартал, он снова вышел к булочной. Видно, сегодня все дороги вели к этой булочной, возле которой прохаживался знакомый постовой.

Толик быстро перебежал на другую сторону улицы и уже хотел свернуть в свой переулок, как вдруг чуть не столкнулся с толстым дядькой. Тот выходил из магазина. Кроме портфеля, в руках у него были теперь еще и толстые свертки. Из одного кулька выглядывали толстые сардельки, и дядька придерживал их толстыми пальцами, чтобы они не выпали. Да и сам он стал как будто еще толще и еще противнее улыбался своими толстыми губами. Он не заметил или не узнал Толика, и от этого Толику стало еще обиднее.

И тут Толик подумал: теперь ничего не стоит отомстить толстяку. Ему так захотелось отомстить, что он, позабыв страх перед милиционером, бросился бежать через улицу. Он очень торопился. Он боялся, что толстяк уйдет прежде, чем он успеет вернуться.

Пулей Толик ворвался в подворотню. Коробок лежал на прежнем месте. Толик схватил его и помчался обратно.

Толстяк уже заворачивал за угол. Толик отвернулся к стенке дома, сломал спичку и шепотом сказал:

— Хочу, чтобы этого толстого забрали в милицию.

Толстяк уже почти скрылся за углом. Постовой спокойно прохаживался по улице. Вдруг он остановился, подозрительно посмотрел вслед толстяку, поднес к губам свисток и, отчаянно свистя, побежал наискосок через улицу. Он быстро догнал толстяка и сказал:

— Гражданин, пройдемте в отделение.

Толстяк, ничего не понимая, повернулся к нему.

— Это вы мне?

— Вам, гражданин.

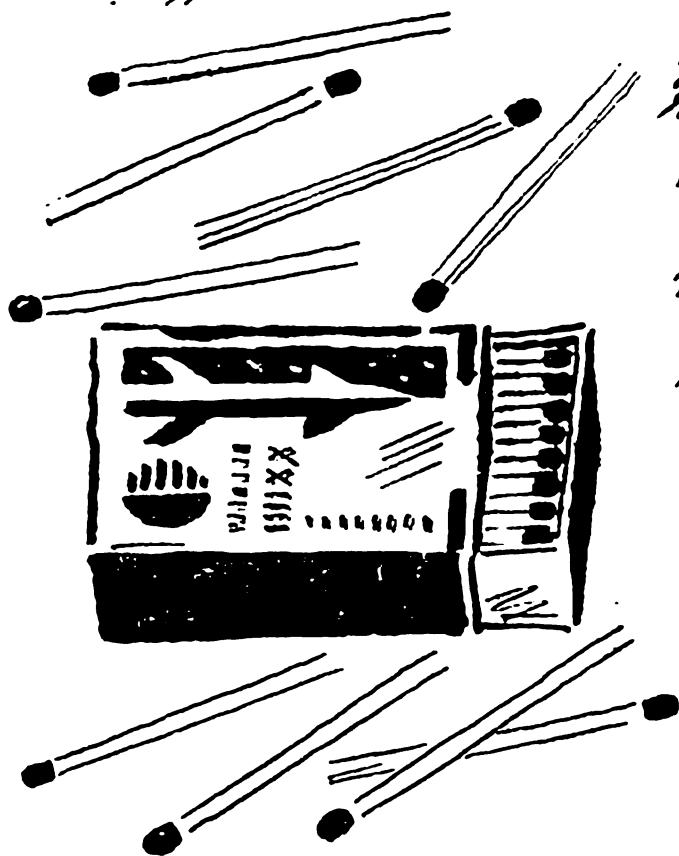
— Но за что? Что я сделал?

— Ничего не знаю, гражданин. Пойдемте со мной.

Толстяк тяжело вздохнул, поправил расползающиеся свертки и покорно пошел вслед за милиционером.

4.

ВЕРЬ ТОЛИКУ ОТКРЫЛА МАМА.

Ничего хорошего в этом не было. Он думал, что мама уже ушла на работу. Она возвратится вечером. А вечером можно было лечь спать пораньше. Никто не станет будить единственного сына, чтобы выругать его за утренние дела.

— Так... — сказала мама.

Мамино «так» тоже не предвещало ничего хорошего. Толик молча шмыгнул мимо нее в ванную. Там он открыл сначала горячую, потом холодную воду, потом сделал среднюю и долго мыл руки. Мама стояла в дверях ванной и молча наблюдала за Толиком. Пришлось мыть и лицо. С мылом. Но мама не уходила. Тогда он стал чистить зубы. И тут мама не выдержала.

— Ты где был? — грозно спросила мама.

— У-гр-р-р... бул... кр-р-л... — ответил Толик, не вынимая изо рта зубную щетку.

— Положи щетку.

Толик вынул щетку и набрал в рот воды.

— Ты где был? — снова спросила мама.

— Очень холодная вода, — сказал Толик и пустил погорячее.

— Я спрашиваю: ты где был?

— Я?

Мама взяла с вешалки полотенце, вытерла Толику рот и вытолкнула его из ванной. Толик хотел удрать в комнату, но мама взяла его за шиворот. Притащила на кухню и усадила на табуретку. Перед Толиком стояла тарелка остывшего супа. Толик схватился за ложку, надеясь оттянуть расплату.

— Не смей есть! — сказала мама.

— А я как раз не хочу есть, — тонким голосом отозвался Толик. — Знаешь, мама, у меня аппетита нет.

— Я тебе покажу «не хочу»! Ешь немедленно!

Толик запустил ложку в суп. Но мама быстро поняла свою оплошность...

— Положи ложку! Отвечай, где был.

— Знаешь, мама, — сказал Толик, — я по улице шел, а там такое большое движение...

— Я опоздала на работу, — сказала мама. — Я все время стояла у окна. Я думала, ты попал под автобус.

— Это не я попал, а Рысаков. Но ты не бойся, его отвезли в больницу.

— Я боюсь, что ты растешь бессовестным негодяем, — сказала мама, и в глазах ее появились слезы.

Теперь Толику на самом деле расхотелось есть. Он очень не любил, если мама плакала. Тогда он просто не знал, что делать. Ему было

жалко на нее смотреть. И хотелось убежать из дому, чтобы не видеть, как она плачет. Но сейчас убежать было невозможно.

Толик посонел, повздыхал и принялся утешать маму.

— А знаешь, чего я на улице видел! — сказал он. — Там на улице один дяденька купил сардельки. Толстый такой. А один мальчик украл у него сардельку и побежал. А милиционер за ним погнался. И я тоже погнался. Я его первый догнал. А милиционер сказал мне «спасибо» и записал адрес, чтобы позвонить в школу. Этого милиционера преступники ранили. А я...

Но мама не дала Толику рассказать про преступников.

— Замолчи, вун, — сурово сказала мама. — Почему-то ни с кем другим ничего не случается. Только у тебя все время какие-то преступники. Мне давно надоело твое вранье. Три дня не пойдешь на улицу!

Толик беспокойно завожился на стуле. Конечно, он виноват. Расстроил маму. Но три дня — это уж слишком.

А мама в это время пристально посмотрела на ноги Толика. Толик тоже посмотрел, но ничего особенного не увидел. Впрочем, и мама не увидела. Она услышала. Просто удивительно, до чего у всех мам чуткие уши. Кроме того, у них ловкие руки.

В одну секунду рука мамы оказалась в кармане брюк Толика и вытащила коробок со спичками.

— Толик, ты куришь! — с ужасом сказала мама.

Толик взглянул на коробок. Он совсем забыл про него, как только мама заплакала. И в ту же секунду он понял, что надо делать. Он выхватил коробок из маминых рук, бросился в ванную и сломал спичку.

Когда Толик вернулся в кухню, мама встретила его радостной улыбкой. Она обняла его, погладила по голове и поцеловала в щеку.

— Славный ты у меня мальчик.

— Угу, — ответил Толик.

— Как ты ловко выхватил коробок, — сказала мама. — Я так обрадовалась. Ты просто настоящий спортсмен.

— Мама, ты на работу пойдешь? — спросил Толик.

— Нет, мальчик, сегодня не пойду. Как же я могу пойти на работу, если тебе нужно погреть суп? Ты ведь устал, бедный, на четвертый этаж поднимался с этим батоном. А я, глупая, сама не догадалась сходить. А батон-то тебе дали какой грязный! Я сейчас сбегая за новым.

— Не надо, мама. Я сам его испачкал. Я этим батоном в футбол играл, — сказал Толик, решив до конца выяснить могущество коробка.

— Батоном? В футбол? — спросила мама и засмеялась счастливым смехом. — Смотри, какой молодец! Я догадалась: у тебя не было мяча и ты играл батоном. Я всегда говорила, что ты сообразительный

ребенок. Но я куплю тебе мяч. Может быть, тебе иногда захочется поиграть мячом. Только ты не думай, что я тебя заставляю играть мячом. Если хочешь, играй батоном.

— Купи два мяча. И канадскую клюшку. И две шайбы, — сказал Толик.

— Обязательно, — сказала мама.

Между тем ловкие мамнины руки делали все, что нужно, и вскоре на столе появился подогретый суп, второе и даже банка консервированных ананасов, которые берегли к празднику.

Мама села напротив Толика и с доброй улыбкой наблюдала за тем, как он вылавливает пальцем кружочки ананасов.

— А почему ты не ешь суп и второе? — озабоченно спросила мама.

— Не хочу.

— Правильно, — сказала мама. — Всегда нужно делать только то, что тебе хочется.

Толик доел ананасы и сунул руку в карман — проверить, на месте ли коробок.

Мама внимательно за ним следила. Она услышала бряканье спичек и тяжело вздохнула.

— Когда я увидела спички, Толик, — сказала мама, — я очень расстроилась. Я сразу догадалась, что ты начал курить. И я расстроилась потому, что во всех магазинах висят эти глупые объявления: «Детям до шестнадцати лет табачные изделия не отпускаются». А ведь тебе всего одиннадцать. Это просто ужасно, что ты не можешь купить себе папирос. Я теперь сама буду для тебя покупать.

Толик посмотрел на маму. Может быть, она все-таки шутит? Чего-чего, а уж курить Толика не заставишь. Подумаешь, удовольствие — дышать всяким дурацким дымом!

Но мама, кажется, не шутила. Ее доброе лицо просто светилось от удовольствия, что она видит Толика и разговаривает с ним. Сейчас она была готова выполнить любое желание сына. И Толик подумал, что если он вдруг поцелует маму, то она снова заплачет, но на этот раз уже от радости. На какое-то мгновение ему стало неловко, как будто он заставил маму сделать что-то нехорошее. И мама, словно маленький ребенок, поверила обману и сделалась послушной, ужасно доброй, но перестала быть прежней мамой.

Однако Толик подумал, что все это не так уж плохо. Ананасы, в конце концов, гораздо приятнее получать, чем подзатыльники. Два мяча и канадская клюшка тоже не помешают. А если искать виноватых, то Толик здесь ни при чем, а виноваты спички и мальчик со странными голубыми глазами.

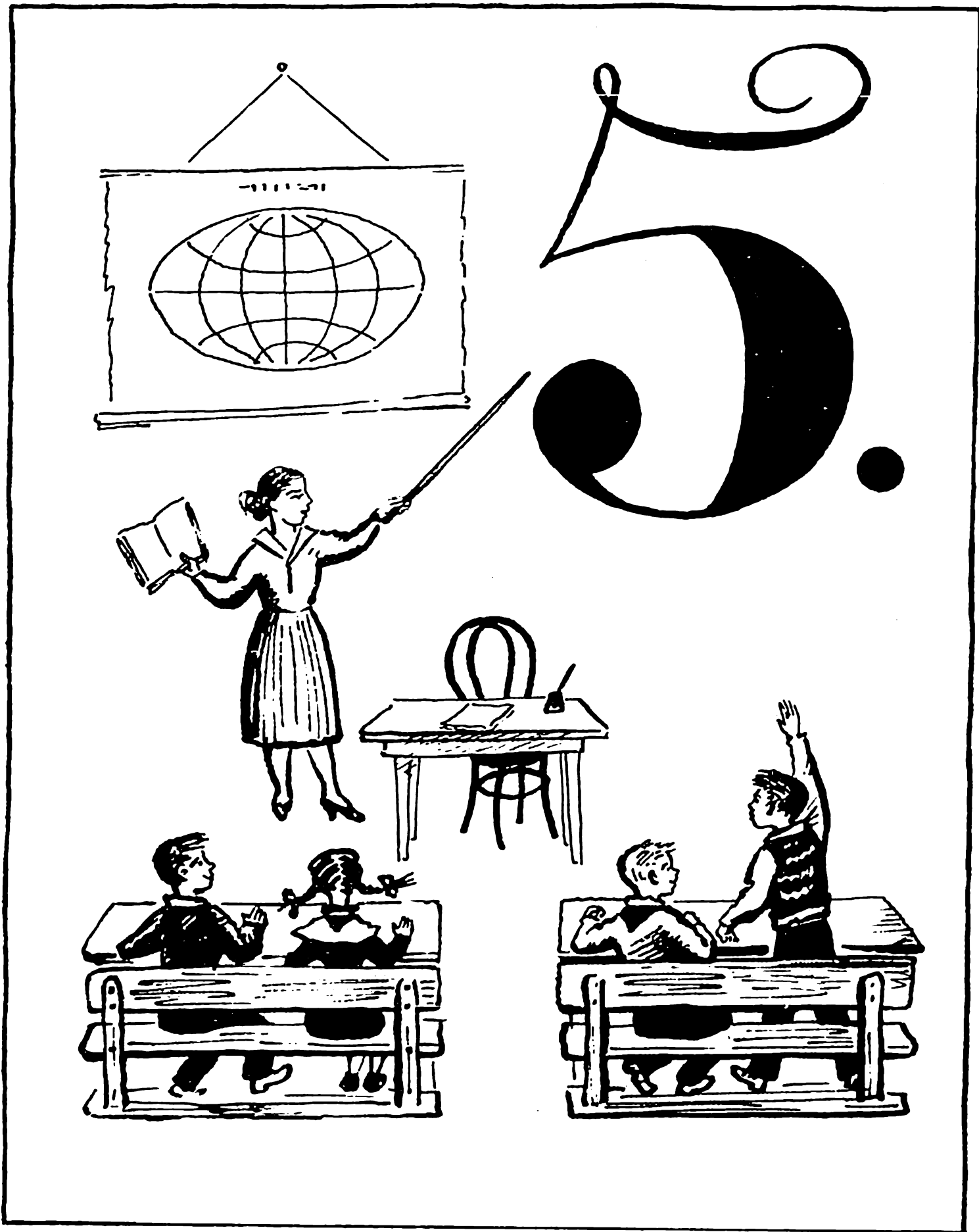
Все же, чтобы доставить маме приятное, Толик сказал, что он вовсе не курит и курить никогда не будет. И мама обрадовалась так же, как раньше, когда думала, что Толик начал курить.

Затем мама пошла в комнату и сложила в портфель учебники и тетради Толика. Она специально проверила по дневнику расписание уроков, чтобы положить все нужное и ничего не забыть.

На прощание она еще раз поцеловала Толика, открыла ему дверь и все время махала рукой, пока он спускался по лестнице.

А Толик, спустившись вниз, остановился. Он засунул руку в карман, нащупал коробок и засмеялся от удовольствия.

Началась новая, совершенно сказочная жизнь.

КОГДА ТОЛИК ВОШЕЛ В КЛАСС, ВСЕ УЖЕ СИДЕЛИ на местах. Анна Гавриловна показывала что-то на карте. Она обернулась на скрип двери.

— Добро пожаловать, Рыжков. Ты почему опоздал?

— Я? — спросил Толик.

— Ты, — сказала Анна Гавриловна.

— Я... — произнес Толик и задумался.

Учительница улыбнулась.

— Не успел еще придумать?

— Я... нет... — сказал Толик.

— Садись на место, Рыжков.

Анна Гавриловна повернулась к карте и стала объяснять дальше. Толик сел на свое место.

— Отпустили? — спросил Мишка.

— А ты никому не говорил?

— Нет.

— Теперь можешь говорить, мне все равно, — прошептал Толик и похлопал себя по карману.

— Чего там у тебя? — спросил Мишка.

— Ничего. Много будешь знать — скоро состаришься, — ответил Толик.

— Рыжков и Павлов! — сказала Анна Гавриловна, не оборачиваясь.

Мишка и Толик притихли и стали слушать. Анна Гавриловна рассказывала о том, как изменится карта нашей страны через десять лет. Она говорила о плотинах, которые построят за это время. Говорила о реках, как они разольются шириной чуть ли не с море.

— Я теперь могу любую реку переплыть, — шепнул Толик.

Мишка посмотрел на него и молча постучал по лбу согнутым пальцем. Но Толик даже не рассердился. Мишка ведь не знал ничего.

Потом Анна Гавриловна стала рассказывать о том, какие богатства скрываются на дне океанов: всякие водоросли, которые можно есть, нефть и что-то еще такое, чего Толик не расслышал, потому что в этот момент говорил Мишке:

— Я теперь и океан любой могу переплыть.

Мишка снова постучал пальцем по лбу. На этот раз Толик обиделся.

— Сам дурак, — сказал он. — Не знаешь ничего — и молчи.

— Рыжков, — сказала Анна Гавриловна, — повтори, что я говорила.

Толик вскочил с места.

— Вы говорили про плотины и про водоросли.

— Что я говорила про плотины и про водоросли?

— Их можно есть.

— Плотины можно есть?

Ребята дружно засмеялись. Мишка тоже засмеялся. Толику стало совсем обидно. Если бы они знали, что у него в кармане, то не смеялись бы, а плакали от зависти.

— Плотины нельзя есть, — буркнул Толик. — Они железные.

— Они бетонные, — сказала Анна Гавриловна. — Ставлю тебе двойку за невнимательность.

Двойку Толику получать не хотелось. Двоек у него в этой четверти не было. Это не очень приятно — в первый раз получать двойку. И Толик сунул руку в карман.

— Ой, Анна Гавриловна, можно выйти на минутку?

— Что случилось?

— Мне... мне плохо...

Анна Гавриловна пожала плечами.

— Иди.

Толик выскочил за дверь. Пока он ходил, учительница открыла журнал и поставила против фамилии Рыжков двойку.

Толик вернулся почти сразу. Он скромно сел на место рядом с Мишкой и уставился на Анну Гавриловну. Учительница подняла голову.

— Рыжков, — сказала она, — я поставила тебе двойку за невнимательность. А теперь... я... переправлю ее... на... пятерку. Я делаю это потому, что... потому... Я не знаю почему. Так нужно. Ты... очень... хороший... ученик... Рыжков.

Анна Гавриловна подняла руку и устало потерла лоб.

— На сегодня закончим, — сказала она и быстро вышла из класса.

Ребята все, как один, посмотрели на Толика. Они ничего не понимали. Они знали Анну Гавриловну с первого класса. У нее никогда не было любимчиков. Двойки она всегда ставила за дело. Пятерки — тоже за дело. Ответил плохо — двойка, хорошо — пятерка. Толик почти всегда отвечал хорошо. Но сегодня он, конечно, заслужил двойку.

Наконец Лена Щеглова не выдержала.

— Эй, Рыжков, — сказала она. — Отличник Рыжков. Расскажи еще про железную плотину.

И сразу ребята повскакали с мест и окружили парту Толика.

— Отличник! — закричали они. — Отличник! Плотину съел.

— Она, может, пошутила, — отбивался Толик. — Может быть, у нее голова болит, вот она и ушла.

— Ни чуточки она не пошутила, — сказала Лена Щеглова. — Она переправила двойку на пятерку. И даже кляксу поставила. Я сама видела. Она из-за тебя ушла.

А Леня Травин — мальчик, который умел играть на скрипке, — сказал:

— Ты должен извиниться перед Анной Гавриловной.

— Чего мне извиняться! — возмутился Толик. — Я сам себе, что ли, поставил? Она сама поставила! Я за нее отвечать не буду.

— Тогда мы сходим и попросим, чтобы она тебе опять на двойку переправила. Потому что это нечестно, — сказал Леня.

— И пожалуйста, — засмеялся Толик. — Все равно она тебя не послушает. Ты лучше на скрипке играй.

— Кто пойдет со мной к Анне Гавриловне? — спросил Леня.

Но идти почему-то никто не захотел. Даже Лена Щеглова, хотя она и считала себя самой справедливой девочкой в классе. Наоборот, ребята один за одним стали отходить от парты Толика и рассаживаться по местам. И Лена отошла. Только напоследок она сказала:

— Трусливо и нечестно.

— После уроков получишь, — ответил Толик.

Возле парты остался один Леня.

— Тогда я один пойду, — сказал он.

— Ха-ха-ха, — сказал Толик. — Ни капельки не страшно.

В этот момент открылась дверь и в класс заглянул директор. Ребята вскочили. Четвертый класс здорово боялся директора. Его и пятые классы боялись. И шестые, седьмые, восьмые — тоже. Потому что он мог исключить кого угодно в два счета.

— Какой у вас урок? — спросил директор.

— Природоведение, — ответила Лена Щеглова.

— А где Анна Гавриловна?

— Она... ушла.

— Куда ушла?

Ребята молчали. Им не хотелось выдавать учительницу. Если директор узнает, что она поставила вместо двойки пятерку, то может и ее исключить в два счета.

Наконец Леня, который собирался уходить в музыкальную школу и потому немножко меньше других боялся директора, сказал:

— Очевидно, у нее голова заболела.

— Гм, — сказал директор и вышел.

И сразу все опять набросились на Толика. Ребята кричали, что из-за него теперь попадет Анне Гавриловне. Может быть, ее даже исключат из школы. Тогда Толик пускай лучше в класс не приходит. А Лена Щеглова предложила пойти и все честно рассказать директору и попросить, чтобы он простил Анну Гавриловну. Тогда все набросились на Лену. Потому что если рассказать, то директор наверняка все узнает. А так, может быть, и не узнает. В классе стоял такой шум, что никто не услышал, как вошла Анна Гавриловна.

— Почему вы так шумите? — сказала она. — Вас на одну минуту нельзя оставить. Садитесь по местам.

Ребята быстро расселись, поглядывая на Анну Гавриловну. Всем было интересно узнать, что сказал директор. А может быть, директор ее и не встретил? Лучше, если бы не встретил.

Учительница сидела за столом, наморщив лоб. Она как будто хотела что-то вспомнить и не могла. И молчала.

Первой не выдержала Лена Щеглова.

— Анна Гавриловна, — сказала она, — а сейчас директор приходил.

— Я знаю, — кивнула Анна Гавриловна.

— А мы сказали, что у вас голова болит...

Анна Гавриловна обвела взглядом класс. Она увидела сияющие лица.

Всем было приятно, что они так ловко обманули директора.

Анна Гавриловна улыбнулась, и сразу исчезли морщины на ее лбу.

— Вот вы какие заговорщики, — сказала она. — А я и не знала...

— Конечно, — ответила Лена. — Вы не бойтесь, Анна Гавриловна. Мы никому не скажем.

— Что же вы не скажете?

— Что вы Рыжкову пятерку поставили.

— Ничего не понимаю, — сказала Анна Гавриловна. — Конечно, я поставила ему пятерку. Почему это нужно скрывать? Он очень хорошо отвечал. Я ДОЛЖНА была поставить ему пятерку.

Ребята переглянулись. Они никак не могли понять, что случилось с учительницей. На время все даже забыли про Толика. А Толик съехался и сполз немного под парту, чтобы стать незаметнее. Уж он-то знал, в чем тут дело.

— Ничего не понимаю, — повторила Анна Гавриловна. — Почему вы на меня так смотрите? Что случилось, Щеглова?

— Я... я не знаю, Анна Гавриловна... — растерянно сказала Лена и села.

Учительница в недоумении посмотрела на Толика.

— Рыжков, может быть, ты объяснишь, в чем дело? Почему все так волнуются из-за твоей отметки?

— Я... я не знаю...

Толик поднялся за партой и склонил голову набок, будто и ему самому все было удивительно. В этот момент комок жеваной промочки стукнул Толика по уху.

— Громов, выйди из класса, — сказала Анна Гавриловна.

Женя Громов молча направился к двери. Его не в первый раз выставляли из класса. Но сегодня все понимали, что Громов пострадал ни за что. Все с сочувствием смотрели на Женю и потихоньку показывали кулаки Толику. Даже Леня Травин показал кулак, хотя он никогда не дрался. Леня боялся повредить пальцы. Тогда из него не получится великий скрипач.

Дверь за Громовым закрылась.

— Я жду, Рыжков, — сказала Анна Гавриловна.

Толик покраснел и завопил руками. Он очень жалел, что посту-

нил так неосторожно. Он уже понял, что пятерки надо получать совсем по-другому. С завтрашнего дня у него будут одни пятерки. А сейчас... Сейчас надо что-то отвечать.

— Я, Анна Гавриловна, — начал было Толик, но тут же как-то странно дернулся и плюхнулся на скамейку. Это Саша Арзуханян, дотянувшись ногой под партой, стукнул его под коленку.

— Арзуханян, сядь на переднюю парту. — сказала Анна Гавриловна.

И Саша Арзуханян, который не боялся спорить даже с самой учительницей, на этот раз молча прошел по классу и сел на переднюю парту.

— Сядь, Рыжков, — сказала Анна Гавриловна. Она обвела взглядом класс и добавила: — Я всегда думала, что мы с вами друзья. И у нас был уговор: все честно рассказывать друг другу. Пока я выходила, что-то случилось. Но вы не хотите со мной разговаривать. Я вижу, что вы ко мне стали плохо относиться...

— Нет, Анна Гавриловна! Нет! — закричали ребята.

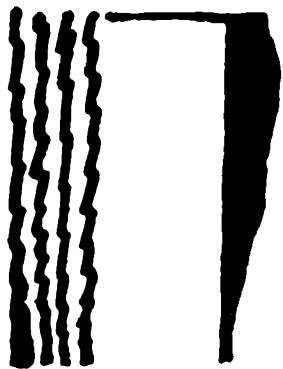
Но учительница продолжала:

— Подумайте и сами решите, будем мы с вами дальше дружить или нет. А наказывать я никого не буду. Ни Громова, ни Арзуханяна. Можете вести себя как хотите.

Раздался звонок. Анна Гавриловна взяла журнал, указку и вышла из класса. Ребята молчали. Потом Саша Арзуханян сказал:

— Ну ладно, Рыжков, пусть только уроки кончатся...

ПОСЛЕ УРОКОВ ТОЛИК ВЫШЕЛ ИЗ КЛАССА ПОСЛЕДНИМ. Он не пошел сразу на улицу. Он походил по пустым коридорам, заглянул в спортзал. Там старшеклассники играли в баскетбол. Толик прокрался в зал и сел в уголке на скамейку. Несколько минут его не замечали, но потом мяч откатился к самым его ногам. Потный и свирепый десятиклассник подобрал мяч и закричал на Толика:

— Ты чего под ногами путаешься!

— Я не путаюсь, — сказал Толик.

— Ты еще у меня поговори! — зарычал десятиклассник.

Толик встал со скамейки и тихонько пошел к дверям. Бесполезно спорить с десятиклассником. Особенно если он проигрывает. Когда проигрывают, всегда злятся не на того, на кого нужно.

Толик поднялся на второй этаж, заглянул в пионерскую комнату. Там уже никого не было. На третьем этаже тоже никого не было. Лишь в дальнем конце коридора слышалось какое-то поскребывание.

Толик побрел туда. Там была нянечка. Она вытирала пол сырой тряпкой. Она покосилась на Толика, но ничего не сказала. Толик стал смотреть, как она вытирает пол. Наконец нянечка не выдержала.

— Ты чего домой не идешь? — сказала она. — Сегодня телевизор детский.

— Детский уже кончился, — ответил Толик. — Его в пять показывают.

— Ну все равно — иди. Не мешайся, — сказала нянечка.

— А хотите, я вам помогу?

— Чего это с тобой сегодня случилось? — удивилась нянечка.

— А я вообще люблю помогать.

— Сказано тебе — иди, — рассердилась нянечка. — Еще наработаешься.

Делать нечего. Толик медленно спустился по лестнице. Осторожно приоткрыл дверь и выглянул на улицу. За оградой школы, на тротуаре, стояли ребята. У Толика похолодело в животе. Он надеялся, что они уже ушли. Но они не ушли. Они ждали Толика. И вовсе не затем, чтобы пригласить его поиграть в футбол или шайбу.

Там были Женя Громов, Саша Арзуханиян, Леня Травин. Немного в стороне от них стоял Мишка Павлов. Мишка драться не будет, скорее всего он заступится, потому что Мишка все-таки друг. Травин тоже не в счет. Если он придет домой с поцарапанными пальцами, его за это не похвалят. Зато уж Громов и Арзуханиян времени терять не будут. Они всегда ходят вместе, заступаются друг за друга. Их побанваются даже пятиклассники.

Толик вздохнул и сунул руку в карман. Очень уж ему не хотелось тратить спичку на такие пустяки. Но ничего не поделаешь. Шишки получать ему не хотелось еще больше.

Толик достал коробок. Прежде чем сломать спичку, он еще раз выглянул за дверь. Может, ушли? Ну ладно, пускай стоят. Им же хуже. Теперь Толик знал, что загадать. Он и сейчас такое загадает, что они не обрадуются.

Толик переломил спичку. Второпях он забыл про Мишку. Конечно, про него не надо было загадывать. Мишка, наверное, остался, чтобы помочь Толику. Но Толик об этом просто не подумал. Он загадал про всех сразу и вышел на улицу.

Ребята увидели его.

— Иди, иди, — сказал Арзуханян. — Иди, не бойся. Из-за тебя Анна Гавриловна с нами поссорилась. Сейчас ты получишь.

— Толик, не бойся! — крикнул Мишка.

— А ты, Павлов, лучше отойди, — сказал Громов. — А то и тебе попадет.

— Не вмешивайся, Павлов. Я уже не вмешиваюсь, — сказал Леня Травин и засунул поглубже в карманы свои драгоценные руки.

— А я и не боюсь! — крикнул Толик. И, чтобы ребята еще больше разозлились, добавил: — Чихать я на вас хотел. Понятно?

Толик подошел и встал напротив Арзуханяна.

Тогда Мишка тоже подошел и встал сзади Толика. А Женя Громов встал сзади Мишки.

— Да ты не бойся, — сказал Арзуханян и сплюнул на ботинок Толика, но не попал.

— Да я не боюсь, — ответил Толик и сплюнул на ботинок Арзуханяна и попал.

— Ах, так? — сказал Арзуханян.

— Да, так... — ответил Толик.

— Ну, тронь... — сказал Арзуханян.

— А ты тронь, — ответил Толик.

— Я-то трону.

— Попробуй.

— Я-то попробую.

— Чего же ты не трогаешь?

— Я-то трону, — сказал Арзуханян, размахнулся и стукнул Громова.

— Ты чего дерешься! — закричал Громов и стукнул Мишку.

— Ты чего пристаешь! — закричал Мишка и стукнул Леню Травина.

Леня Травин очень удивился. Он подумал немного, вынул из карманов свои драгоценные руки и стукнул Арзуханяна. Началась свалка. Громов, Арзуханян, Травин и Мишка колотили друг друга, а Толик стоял рядом, но они как будто не замечали его. Они кричали:

— Вот тебе за Анну Гавриловну!

— Вот тебе за пятерку.

В общем, поднялся такой шум, что ворона, примостившаяся на

ночь под крышей школы, проснулась, посмотрела вниз, каркнула и полетела досыпать на другую улицу.

Интереснее всего было то, что Арзуханян все время пытался стукнуть Громова, хоть они и дружили с первого класса. А Травину, который вообще уж ни в чем не был виноват, больше всего доставалось от Мишки. А сам Травин не обращал на Мишку внимания. Он вцепился в Арзуханяна и выкручивал ему ухо своими музыкальными пальцами.

Все это продолжалось до тех пор, пока к ним не подошел какой-то гражданин с веником под мышкой. Наверное, он шел из бани, потому что лицо у него было красное, распаренное. Не долго думая, он хлестнул Травина по спине веником, затем оттащил Арзуханяна от Громова и сказал басом:

— А ну, кто хочет в милицию?

Больше он ничего не успел сказать. Через секунду на месте драки ничего не осталось. Травин, Арзуханян и Громов удирали через проходной двор. Они бежали очень быстро, хотя за ними никто не гнался. А Мишка и Толик улепетывали на другую сторону улицы. Они пробежали квартала два и пошли шагом.

— Ничего себе дела, — сказал Мишка, когда немного отдышался. — Я даже не понимаю, чего я с ними драться стал. Я думал за тебя заступиться. А они тебя даже не тронули. Я драться не хотел. Только знаешь чего... — Мишка оглянулся и прошептал: — У меня руки будто сами размахивались. Честное слово! Я хочу в сторону отойти, а меня будто кто-то не пускает. И руки сами размахиваются... И я — бац! бац! А сам даже не хочу вовсе.

— У тебя, Мишка, руки правда сами размахивались, — подтвердил Толик. — Ты не виноват. Это я виноват. Я про всех загадал, а про тебя забыл загадать, чтобы тебе не драться.

— При чем тут «загадал»? — удивился Мишка.

— При том. Знаешь, у меня чего есть?

— Чего?

— А ты никому не скажешь?

— А я про милицию сказал? — обиделся Мишка.

— Тогда слушай, — сказал Толик. — Сначала ты не поверишь. Но я тебе докажу. У меня есть...

Но тут Толик замолчал. Он вдруг подумал, что Мишке не надо рассказывать про коробок. Конечно, Мишка — друг. Он никому не проболтался про милицию. Но одно дело милиция, а другое — коробок. За этот день Толик так привык к чудесам, что ему казалось, будто он всю жизнь живет с этим коробком. А Мишка может кому-нибудь проговориться. Тогда у Толика коробок отнимут. Или стащат. Можно сказать, один раз в жизни повезло. Зачем же болтать об этом первому встречному? Конечно, Мишка не первый встречный. И Толик обязательно с ним поделится. Он даст Мишке пять спичек. Или даже

десять. А может быть, половину. Но не сейчас. Потом. Завтра. Или послезавтра.

— Так чего у тебя есть? — нетерпеливо спросил Мишка.

— Да ничего у меня нет, — сказал Толик. — Просто я пошутил.

— А ты не врешь? — подозрительно спросил Мишка.

— Нет. Когда я тебе врал? — спокойно ответил Толик.

— А за что тебя в милицию забрали?

— Дорогу перешел неправильно.

— Я хотел с тобой вместе в милицию пойти, а потом испугался, — признался Мишка.

— Все равно ты бы ничего не сделал, — сказал Толик. — Они же сильнее.

— Сильнее, — согласился Мишка.

Некоторое время приятели шагали молча. Они уже подошли к переулку, где жил Толик. И тут Мишка спросил:

— Толик, а почему тебе Анна Гавриловна пятерку поставила? Ты же плохо отвечал. Я ведь сам слышал.

— Я неправильно загадал... — начал было Толик и спохватился. Конечно, загадал он неправильно. Нужно было загадать, чтобы хорошо ответить. А он сломал спичку и сказал: «Пускай мне поставят пятерку». Анна Гавриловна ничего не могла поделать. Ей пришлось поставить пятерку за плохой ответ.

А ребята все заметили. Про них Толик ведь не загадывал. Больше он такой глупости не сделает. Но Мишке пока знать об этом совсем не обязательно.

— Чего ты неправильно загадал? — спросил Мишка. — Ты уже второй раз говоришь про «загадал».

— Я же не виноват, — сказал Толик. — Она сама поставила. Ты же сам видел.

— Я видел, — согласился Мишка. — Только я все равно ничего не понимаю.

— До свиданья, Мишка, — сказал Толик. — Меня папа ждет.

— Завтра придешь? Будем самолет доделывать.

— А хочешь, я тебе настоящий самолет подарю? — засмеялся Толик.

Но Мишка, конечно, не догадался, что Толик говорит всерьез. Он уже привык, что Толик любит сочинять небылицы. И, как всегда в таких случаях, Мишка постучал по лбу согнутым пальцем. И на этот раз Толик не обиделся. Ведь он говорил правду.

Через две ступеньки Толик взлетел на четвертый этаж.

— Здорово, приятель, — сказал папа, открывая дверь.

Телевизор кончился? — спросил Толик.

— Для вас кончился, для нас начался, — ответил папа. — Двоек много нахватал?

Толик швырнул портфель на стул.

— Одну пятерочку нахватал, — сказал он небрежно. — Мама дома?

— Мама на работе. Есть будешь?

— Открой баночку ананасов, — попросил Толик.

— Я тебе дам ананасов, — пригрозил папа. — Я уж тут видел одну пустую банку. Твоя работа?

— Мама сама дала.

— Напрасно дала, — сказал папа. — Договорились же — к празднику. Я вообще не понимаю, что с ней сегодня случилось. Она звонила мне на работу и просила купить тебе два мяча, канадскую клюшку и две шайбы. Зачем тебе два мяча и две шайбы?

— Просто так, — сказал Толик. — Я пошутил. Можно один мяч и одну шайбу. Купишь?

— Посмотрим на ваше поведение, — сказал папа. — Ты, старик, на кухне сам справишься? А то у меня второй тайм начинается.

— Ты смотри, — согласился Толик. — Я сам погрею.

— Молодец, старик, ты у меня уже совсем взрослый, — сказал папа и убежал к телевизору.

У папы сегодня было хорошее настроение. Наверное, его команда выигрывала. Он всегда называл Толика «старик», если ему было весело. А маму тогда называл «старуха». Маме это не нравилось. А Толику было все равно — старик так старик.

На кухне Толик допил остатки ананасного сока из банки. Затем он поставил на плиту кастрюлю с супом, достал из кармана спички и... сразу забыл про суп. Зато вспомнил, как глупо он израсходовал сегодня столько спичек. Эх, если бы начать день сначала. Ведь если говорить всерьез, то почти все спички были истрачены почти зря.

Первую капитан сломал и выбросил в пепельницу, но ничего не сказал, и она пропала, как самая обыкновенная спичка.

Второй спичкой капитан превратил Зайцева в голубя. Зайцев не понравился Толику. Но оттого, что на свете стало одним Зайцевым меньше, а одним голубем больше, Толику не было никакой пользы.

Третья спичка отправила толстяка в милицию. Это еще ничего. В другой раз не будет смеяться. Пусть поплачет вместе со своими толстыми детьми.

Четвертая — маме. Хорошо это или нет, еще неизвестно. Если купят мяч, клюшку и шайбу, тогда еще ничего.

Пятая — совсем глупая. Ведь из-за нее пришлось потратить и шестую. А главное, ребята все равно не забудут про пятерку. Про них ведь Толик не загадывал. Еще из этого дела придется выкручиваться. Вот явится завтра Толик в школу, а его снова начнут спрашивать про пятерку...

Толик вздохнул. Ничего не подслаешь. Надо потратить еще одну.

Толик переломил спичку и сказал:

— Пускай ребята забудут про пятерку.

Толик с сожалением разглядывал обломки спички. Это были мячи, клюшки, отличные отметки, банки ананасов и сотни порций мороженого. Все это пропало вместе со спичкой.

«А может быть, я могу загадать еще какое-нибудь желание?» — подумал Толик и крикнул первое, что пришло в голову:

— Хочу сто сливочных тянучек!

Толик посмотрел на потолок, откуда, как он думал, свалятся тянучки. Но на потолке тянучек не было. Там сидела первая весенняя муха и потирала ладошки.

Одна спичка могла выполнить зараз только одно желание.

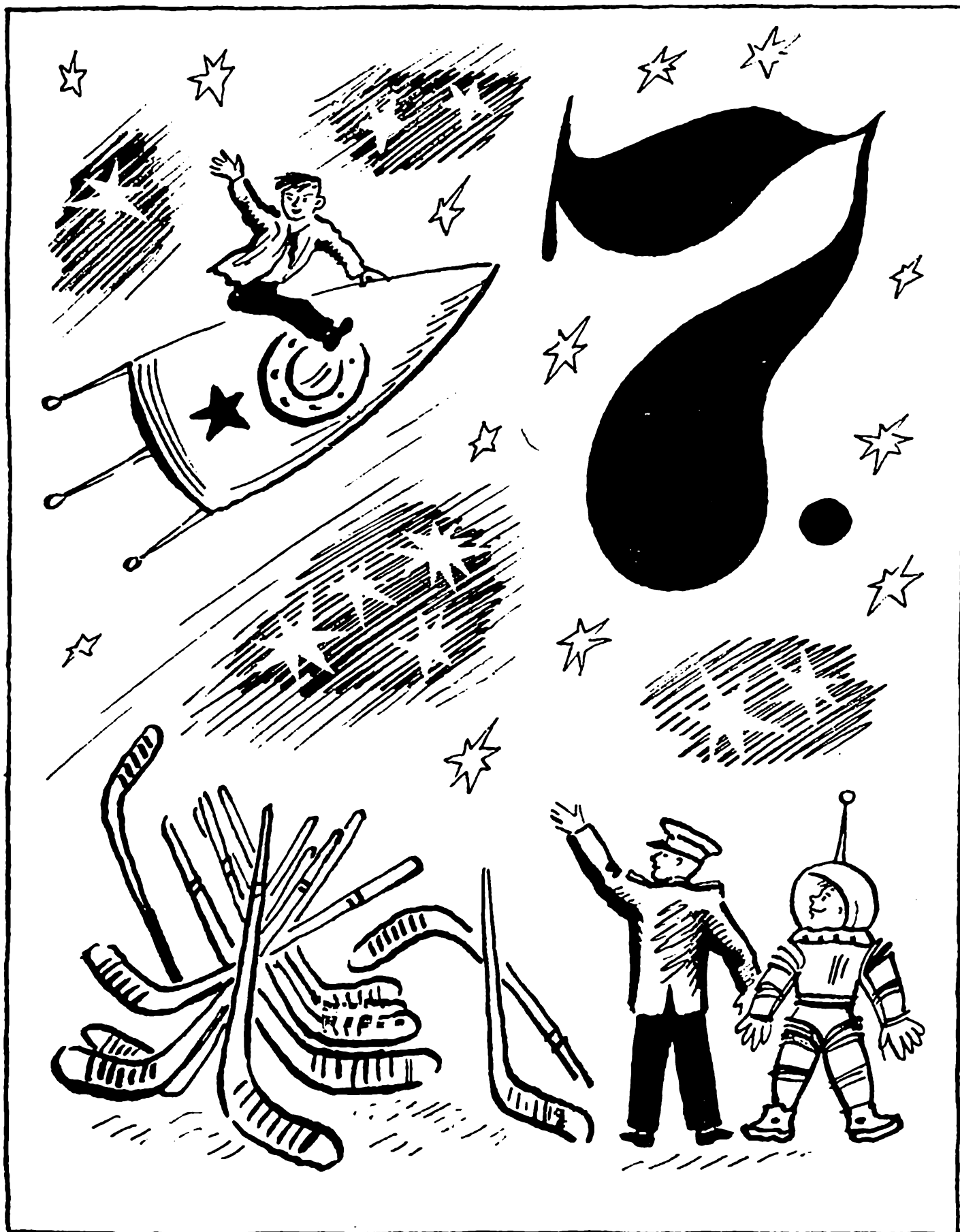
Толик выложил на стол все спички и принялся их пересчитывать.

В этот момент в комнате, где сидел папа, раздался оглушительный рев телевизора. Затем выбежал папа и крикнул:

— Старик, наши ведут два-ноль! Будет тебе клюшка!

Толик быстро прикрыл спички руками, но папа не обратил на них никакого внимания и снова скрылся в комнате.

А Толик моментально собрал спички и отправился спать. Он очень устал сегодня и заснул сразу. Ему снилась прекрасная жизнь, в которой исполняются все желания. Ему снилось все сразу: горы клюшек, тысячи мячей и еще, как они с Мишкой летят на космическом корабле «Восток-1», а снизу стоит Гагарин, грозит им пальцем и кричит, чтобы они скорее спускались.

УТРОМ ТОЛИК ПРОСНУЛСЯ РАНО. ОН ДОЛГО лежал с открытыми глазами и все старался понять, отчего сейчас так хорошо и приятно. Он чувствовал себя так, будто сегодня был первый день каникул, а впереди — длинное лето, когда можно каждый день купаться и не ходить в школу. В общем, что-то радостное было впереди, но никак не вспоминалось, что именно.

В коридоре слышались осторожные шаги. Поскрипывал паркет. Это мама тихонько пробиралась на кухню. Тихонько, чтобы не разбудить Толика. На кухню — чтобы приготовить ему завтрак.

Толик слышал, как зашумел газ и звякнуло что-то железное. Потом все стихло. Наверное, мама прикрыла дверь.

Толик закрыл глаза и стал вспоминать все в обратном порядке. Вот он летит на спутнике, а внизу — Гагарин. Мишка — рядом. Он в космическом костюме. А Толик — в школьной форме. И как будто он не внутри кабины, а снаружи. Но дышится ему легко, и он видит Гагарина, который приказывает им спускаться. А Толик кричит: «Все в порядке. Самочувствие отличное!» — и увеличивает скорость. Это, конечно, сон.

А вот — канадские клюшки, сложенные кучами, как дрова. И это сон.

Папа вбегает на кухню и кричит, что наши ведут: два-ноль. Это уже не сон, потому что перед этим было... И тут Толик вспомнил, что было перед этим, и похолодел. Он быстро сунул руку под подушку. Коробок был там. «Ура!» — крикнул Толик. Конечно, крикнул он мысленно, про себя. Кричать вслух не стоило: мама могла услышать и поинтересоваться, почему он кричит «ура», вместо того чтобы чистить зубы.

Коробок лежал под подушкой. И теперь было понятно, отчего Толику так легко и совсем не хочется спать.

Все это было оттого, что коробок не приснился. Он был настоящим. Он был волшебным. А Толик был теперь самый счастливый человек на свете.

Дверь чуть приоткрылась. В щелке показался настороженный мамин глаз.

— Ты не спишь? — послышался шепот.

— Я давно проснулся, — ответил Толик, засовывая спички поглубже под подушку.

— С добрым утром! — сказала мама, входя в комнату. — А я уже приготовила тебе завтрак — твои любимые оладьи с вареньем. Иди скорей умывайся.

— Можно, я не буду умываться? — спросил Толик.

— Конечно, — охотно согласилась мама. — Ходи грязный, если тебе хочется.

Толик подозрительно взглянул на маму. А мама ласково смотрела на Толика. И лицо ее сияло таким доброжелательством, что сомнений не оставалось: коробок продолжал действовать.

— И зубы чистить не буду, — сообщил Толик.

— Ну, разумеется, — сказала мама и нахмурилась. — Я всегда возмущалась матерями, которые принуждают своих детей чистить зубы. Но я не из таких. Дети должны делать, что им хочется. А матери должны выполнять все их желания. Иначе — для чего бы мне жить на свете? Конечно, только для тебя — самого дорогого и любимого моего мальчика.

Пока невымытый Толик уплетал оладьи с вареньем, мама не сводила с него глаз. Она следила за каждым его движением, подкладывала на тарелку варенье, подвигала поближе стакан с кофе и, казалось, была вне себя от счастья, наблюдая, как Толик пережевывает оладьи нечищенными зубами.

— Спасибо, — сказал Толик, прожевав девятую оладью.

Мама смутилась:

— Ну что ты, Толик... Это я должна сказать тебе спасибо.

— За что?

— За то, что ты так хорошо покушал.

— Не стоит, — сказал Толик. — Мам, я пойду уроки учить.

— Ты у меня умница, — сказала мама. — Учи хорошенько. Будешь ученым.

— Или пойду лучше погуляю? — спросил Толик.

— Конечно, лучше погуляй, — обрадовалась мама. — Зачем тебе уроки учить! Не всем же быть учеными. Расти лучше неучем.

Засунув коробок поглубже в карман, Толик вышел во двор.

Утро было солнечное, но во двор солнце еще не пришло. Оно гуляло где-то над крышами, с которых свесились уже маленькие, истекающие последними слезами сосульки.

В этот двор солнце приходило лишь к концу дня. И это было очень хорошо. Только поэтому сохранилась еще в дальнем конце двора небольшая площадка с утоптаным снегом, на которой ребята гоняли шайбу.

Они были там и сейчас. Ровесники Толика, и ребята поменьше, и даже совсем малыши. Первыми выходили гулять малыши: им не нужно было учить уроков. Они приносили палки, обломки дедовых тросточек, доски от ящиков и прочее деревянное барахло. У них не было ни одной настоящей клюшки, а шайбу заменял резиновый мячик. Малыши кучей носились по площадке, орали, били друг друга по ногам своими палками и воображали, что играют в хоккей.

Попозже, выучив уроки, выходили ребята из третьих, четвертых и пятых классов. Малышей прогоняли с площадки, и начиналась игра уже посерьезнее. Настоящих клюшек и у них было немного, но зато была шайба, а самодельные клюшки все-таки походили на взанправ-

дашние, потому что состояли из двух палок, прибитых друг к другу под углом.

Когда Толик вышел из дому, час малышей уже кончился. Некоторые, правда, пытались робко дотронуться своими палками до настоящей шайбы, прыгающей по площадке, но их «слегка» подталкивали, и они вылетали с площадки быстрее шайбы.

Играли без коньков. Воротами служили два ящика, поставленные набок.

— Иди сюда, Толик, — позвали ребята.

Толик нехотя подошел. Играть ему хотелось. Но он знал, что никто не отдаст ему клюшки, а свою Толик сломал два дня назад.

— У меня клюшки нет, — сказал Толик.

— Становись на ворота.

— На воротах тоже клюшка нужна.

— А ты вон у него возьми.

Толик хмуро взглянул на последнего малыша, чудом уцелевшего на площадке. В руках у него было что-то вроде обломка костыля. Не очень-то большое удовольствие играть такой закорючкой! Но все же это лучше, чем стоять в стороне.

— А ну дай сюда! — приказал Толик.

Малыш жалобно взглянул на Толика своими ясными глазами и протянул ему закорючку.

— А ну беги отсюда! — грозно сказал Толик.

Малыш понял, что до конца игры клюшки ему не видать как своих ушей. А если ее сломают, то и вообще не видать. Но ничего не поделаешь. Малыш вздохнул и отошел в сторону, мечтая о том времени, когда он вырастет и ему купят настоящую клюшку и он этой клюшкой огрест Толика по затылку.

Игра началась стремительной атакой на ворота Толика. Нападающие и защитники столпились возле ящика и молотили клюшками по шайбе. И так как они ударяли почти одновременно, то шайба не двигалась ни назад ни вперед, а лишь слегка подпрыгивала на месте. Наконец кому-то удалось вытолкнуть ее на свободное место. Толик заметался в воротах, встал на одно колено, как это делают настоящие вратари. Бросок! Шайба попала Толику в колено и отскочила в поле. Тут же ее подхватили защитники и помчались к другим воротам. Толик потер ушибленное колено, но, увидев, с каким восхищением смотрят на него малыши, выпрямился и небрежно сплюнул.

Тем временем шайба застряла у чужих ворот. Ее гоняли с края на край, швыряли по воротам издали и с близкого расстояния, но никак не могли попасть. Там не было вратаря, и вместо ворот поставили совсем маленький ящик.

Наконец один нападающий из команды Толика вывел шайбу за ворота и забил ее с другой стороны в щель между досками. Игра прекратилась. Ребята сгруппировались в кучу и спорили, считать гол или нет.

Толику было скучно. Не очень большое удовольствие торчать в воротах и ждать, пока к ним подкатится шайба. Может быть, еще целый день будут гонять на серединке. Тем более, что скоро придут шестиклассники и семиклассники и погонят с поля всех до единого. У них своя игра.

Скучая, Толик оглядывал двор. Он увидел, как из парадной вышла мама и направилась на улицу. Она торопилась, наверное, в магазин.

Но вот шайба снова вернулась к воротам Толика. На этот раз его огрели клюшкой по другому колену и забили гол. Потом снова долго застряли на противоположном конце площадки. Шайбу, забитую сквозь щель, не засчитали, и, значит, противник вел один-ноль. От этого становилось еще скучнее. Толик любил забивать, а не пропускать голы.

Снова появилась мама. Она что-то несла в руках. Нет, не что-то! Толик бросил ворота и побежал маме навстречу. Ребята остановили игру и с завистью смотрели, как мама Толика протягивает ему новенькую канадскую клюшку.

— Ты просил две, — сказала мама, — но в магазине осталась одна-единственная. Я уж с ними ругалась, ругалась... Говорят, одна, больше нет. И мячей нет. Просто безобразие! Я сейчас поеду в универмаг.

— Ничего, — сказал Толик, — потом купишь. Тебе ведь на работу надо.

— Ну, работа — неважно, — отмахнулась мама. — Важно, чтобы у тебя было все необходимое для этой замечательной игры, хоть я и не знаю, как она называется.

— Мама, иди, пожалуйста, на работу, — нервно сказал Толик. Он видел, что ребята прислушиваются к их разговору. Он боялся расспросов.

— Если ты меня отпускаешь, я иду. До свиданья, мальчик, — сказала мама.

Ребята засмеялись. Толик небрежно швырнул клюшкой обломок сосульки, и ребята сразу позабыли, чему они смеялись. Тут было не до смеха. Настоящая новенькая полированная клюшка была просто замечательна.

— А ну-ка дайте шайбу, — сказал Толик.

Ему подвинули шайбу.

— А ну-ка отойдите от ворот, — сказал Толик.

Все послушно посторонились.

Толик поправил шайбу клюшкой, приладился и швырнул. Шайба с грохотом влетела в ящик. Клюшка, так хорошо спружинившая во время броска, нервно подрагивала в руках Толика. Толик ногой отшвырнул закорючку, с которой он стоял в воротах.

— Забирай свою палку! — крикнул он малышу. — Давайте, ребята, поехали.

Играл Толик ничуть не лучше других. Но все так почтительно расступались перед ним, боясь повредить новую клюшку, все так подсовы-

вали ему шайбу, чтобы посмотреть, как такая клюшка бросает по воротам, что Толику без особого труда удалось забить две шайбы. После этих шайб ему стало казаться, что он и на самом деле играет лучше всех. Он стал командовать.

— Пас! — орал Толик. — Кому даешь, мазло? Мне давай!

И ему давали. И он швырял по воротам. И мазал. И попадал. И у него была новая клюшка.

Толик носился по двору, орал на своих и на противников и не замечал ничего вокруг. А замечать стоило. Во двор помаленьку собирались старшеклассники. Среди них был Олег Чичерин, по прозвищу Чича. У него тоже не было клюшки.

— Пас! — заорал Толик, выбегая на край площадки.

А на краю площадки Толик кого-то задел плечом. Он на секунду остановился, поднял голову и замер. Прямо на него, мерзко улыбаясь, смотрел Чича.

— А ну покажи, — сказал Чича, протягивая руку к клюшке.

— Это моя клюшка, — тихо сказал Толик.

— А ну дай сюда! — приказал Чича.

Чича постучал клюшкой о снег, попробовал ее на изгиб и подошел к шайбе. Рисуюсь, он поплевал на перчатки, толкнул шайбу носком ботинка и с ходу бросил ее в ящик. Бросок был сильный. Ящик даже чуть не опрокинулся.

— Поехали, — сказал Чича.

Толик и его ребята стояли в сторонке и смотрели, как носилась по площадке банда старшеклассников. У них почти у всех были настоящие клюшки. И поэтому клюшку Толика никто не жалел. По ней лупили точно так же, как и по остальным. Каждую секунду она могла превратиться в обломки. И Толик не выдержал.

Он выбрал минутку, когда Чича оказался рядом, и попросил:

— Чича, отдай.

— А ну иди отсюда! — грозно сказал Чича и треснул по шайбе изо всей силы.

В эту минуту Толик ненавидел Чичу. Он помнил про коробок и понимал, что может отнять клюшку в любой момент. Но ему не хотелось тратить волшебную спичку на такие пустяки. Уже и так много спичек было истрачено совершенно напрасно. И Толик попробовал последнее средство.

— Я маме скажу, — пообещал он и направился к своей парадной.

— Стой, — приказал Чича, которому вовсе не хотелось связываться ни с какой мамой. — Давай тогда так. Собирай свою команду. А я соберу свою. И мы сыграем. Если проиграем мы, то отдадим вам свои клюшки. А если проиграете вы, то отдадите свои клюшки нам. И все будет честно.

Чича подмигнул своим. Старшеклассники дружно заржали. Каждый из них был чуть ли не на голову выше Толика. Выиграть у них

было невозможно. Толик понимал, что его подначивают. Но именно потому, что его подначивали, ему стало особенно обидно. Тем более, что вся эта банда старшеклассников смеялась так нахально, будто играли они сильнее всех в мире. Уж наверное, они были не сильнее волшебного коробка!

— Ну и сыграем! — сказал Толик, внезапно решившись.

— Один период — десять минут, — сказал Чича. — По нашему уговору — на клюшки. Не забудь про уговор.

— Сам не забудь, — отозвался Толик. — Давай, ребята, кто со мной?

Но приятели Толика благоразумно жались в сторонке. Никому не хотелось расставаться со своими клюшками. В этот момент Толик увидел Мишку, которому наскучило ждать дома.

— Мишка, иди сюда! — крикнул Толик. И обернулся к Чиче. — Мы с ним вдвоем сыграем.

— Давайте двое на двое, — согласился Чича, ставший вдруг очень покладистым. — Уговор тот же. Если у него нет клюшки, на одну твою сыграем. А выиграете — обе наши заберете.

Старшеклассники снова заржали. Они просто чуть не валились на землю от хохота. Пока они смеялись, Толик объяснил Мишке, в чем дело.

Верный Мишка согласился сразу, хотя и не умел играть. Он считал, что друзья должны помогать друг другу в любом случае. У него не было клюшки, но он согласился играть ногами.

— Ты им, главное, мешай побольше, — сказал Толик. — А забивать я буду.

— Ну, скоро вы там? — сказал Чича, выбрав у своих друзей самую лучшую клюшку.

Толик, не отвечая, бросился в парадную, сломал спичку и произнес:

— Хочу забить двадцать голов. — Он был уверен, что двадцати хватит.

Толик и Мишка встали на середине поля. Против них стояли Чича и самый здоровый из старшеклассников.

— Команде младших — физкультпривет! — сказал Чича.

— Команде старших — физкультпривет! — сказал Толик.

Он понимал, что хитрый Чича нарочно старался сделать вид, будто все идет по правилам. Но не ответить было нельзя. И все действительно получилось будто бы по правилам. Теперь только последний негодяй мог не отдать клюшку после проигрыша.

Один из старшеклассников вбросил шайбу. Толик и Чича одновременно опустили клюшки, одновременно коснулись шайбы и...

Никто ничего не понял. Шайба, словно оттолкнувшись от клюшки Толика, со свистом понеслась по воздуху и грохнула в ящик. Старшеклассники разинули рты. Они подумали, что Чича случайно бросил по

своим воротам. Даже сам Чича недоуменно вращал головой и соображал, как же это его угораздило швырнуть шайбу не в ту сторону.

— Ноль-один, — сказал наконец Чича. — Вбрасывай.

И снова шайба забила в ящике.

Семь раз вбрасывал Чичин приятель шайбу, и семь раз, прежде чем игроки успевали сделать хоть один шаг, она оказывалась в ящике старшекласников.

Чича так и не понимал, в чем дело. После каждого гола он оглядывался на своих приятелей. А приятели теперь уже думали, что Чича решил дать фору. Сначала они посмеивались, но после седьмой шайбы перестали смеяться. Они кричали, что довольно валять дурака — пора играть по-настоящему.

После десятого гола Чича нахально оттолкнул Толика прежде, чем шайба коснулась земли, завладел ею и повел к воротам. Не ожидавший такого приема, Толик даже не пытался его догнать. И счет стал 10:1. Еще девять раз повторил Чича тот же прием. 10:10. Толику никак не удавалось прикоснуться к шайбе. Старшекласники задыхались от смеха. Им казалось ужасно остроумным, что Чича сперва дал такую фору, а теперь запросто выигрывал.

Не до смеха было только Чиче. Десять шайб достались ему с трудом. Он забивал их один, не обращая внимания на своего приятеля. А тот напрасно бегал к воротам и ждал паса. Чича не доверял ему, потому что играл лучше. Но все же Чича заметно устал. Да еще Мишка путался у него под ногами, и его приходилось обводить.

При счете 11:10 в пользу старших Мишка перешел к решительным действиям. Играть он не умел, но старался изо всех сил. Он бросался Чиче в ноги, пинал его клюшку, преграждал ему дорогу. Он знал, что в хоккее разрешаются силовые приемы, и поэтому не очень обижался, когда после сильного толчка летел на землю. Мишка готов был расшибиться в лепешку. И он помаленьку расшибался: ушиб локоть, колено и даже каким-то образом умудрился получить шишку на затылке. В общем-то, Мишка был тихим человеком. Но он очень хотел помочь Толику. И это ему удалось. Во всей этой суматохе Толику удалось четыре раза прикоснуться к шайбе. И неизменно шайба оказывалась в ящике Чичи. 11:14 в пользу младших.

— Зажми его! — крикнул Чича, показывая на Мишку. — Возьми его на корпус!

Чичин приятель подбежал к Мишке и «взял его на корпус». Вполне законный силовой прием. Да, вполне законный... Только Мишка был килограммов на пятнадцать легче и после «законного» приема покатился по земле и влетел головой в собственные ворота-ящик. А вслед за ним влетела шайба, брошенная Чичей.

Так оно и пошло: один «брал на корпус» Мишку, а другой обводил Толика и забрасывал шайбу. И когда до конца игры оставалось две минуты, счет стал 19:16 в пользу Чичи.

И вот уже старшеклассники придвинулись поближе, чтобы дать Толику по шее, если он не отдаст свою клюшку. И вот уже Толик мысленно простился с этой клюшкой, недоумевая, почему коробок его так подвел. А Чича, утирая со лба пот, хищно поглядывал на клюшку, беспокоясь о том, чтобы Толик не сломал ее за последние две минуты.

И вдруг Толик почувствовал, что тело его стало необычайно упругим и легким, как пружина. Страх перед Чичей пропал. В руках ощущалась какая-то необыкновенная сила. Ноги перестали скользить по снегу. В одно мгновение он догнал Чичу, отнял у него шайбу, развернулся и швырнул не глядя. Гол!

Снова судья ввел шайбу в игру. И снова Толик шутя отнял у Чичи шайбу. Гол!

Приятель Чичи бросился ему на помощь, но на дороге у него самоотверженно лег Мишка. Чича, выпятив грудь, бросился на Толика. Он здорово разозлился. Он уже не думал о шайбе, а думал лишь о том, как бы сбить с ног, смять и даже р-р-растоптать Толика, который опозорил его перед всем двором.

Чича обрушился на Толика всей своей восьмиклассной тяжестью. А Толик, с неизвестно откуда взявшейся смелостью, легко и свободно «взял его на корпус». Он подставил плечо и тут же ловко вильнул в сторону. И Чича грохнулся на землю вместе со своим восьмилетним образованием.

Пока он лежа болтал ногами и ругался, Толик устремился к шайбе.

Гол!

19:19.

Судья поднял шайбу.

Он подошел к центру площадки, подождал, пока Чича займет свое место, и посмотрел на часы.

— Осталось пять секунд, — сказал он.

Судья тоже был приятель Чичи.

Он держал шайбу над клюшками Толика и Чичи, но не выпускал ее из рук. Он нахально затягивал игру, ожидая, пока кончится время. Старшеклассники уже мечтали о ничьей.

— Осталось три секунды, — подлым голосом сказал судья и крепче сжал шайбу, чтобы случайно не выпустить ее из рук.

— Две секунды...

И в этот момент шайба шевельнулась в его кулаке. Она выпрыгнула из его рук и упала на клюшку Толика.

— Гол! — заорал Мишка.

20:19!

Победа!

Малыши, отойдя на всякий случай подальше, издавали радостные вопли и стучали по мусорному баку своими костыликами. Им было приятно, что младшие набили старшим.

А старшие радостных воплей не издавали. Они молча смотрели на Чичу и ждали.

Чича облизнул сухие губы.

— Давай еще сыграем, — хрипло сказал он.

Толик, не отвечая, ковырял клюшкой снег.

— Ну, — сказал Чича.

— Мы же договорились: десять минут. Я твою клюшку не возьму. Мне не надо, — примирительно сказал Толик.

— А я говорю — сыграем еще! Понял?

Толик растерянно оглянулся. Хромая, к нему подходил Мишка. Но что мог сделать Мишка? У Толика вся смелость вдруг куда-то пропала. Он уже не чувствовал себя легким и сильным.

— Давай идти на центр! — приказал Чича. — Еще десять минут.

И Толик поплелся на центр поля. Он очень боялся Чичи. Так боялся, что даже забыл про коробок. Но тут его остановил Мишка. Мишка ничего не знал про коробок, забывать ему было нечего. И он хорошо помнил, что игра окончилась со счетом 20 : 19.

— Чича, — сказал Мишка, — мы же договорились на десять минут. Ты лучше отдай клюшку, а то у меня еще не все уроки сделаны. Мне домой нужно.

Чича даже рот раскрыл от такого нахальства.

— Чего?.. — изумленно проговорил он. — Это кто тут Чича? Ты кому сказал Чича, клоп несчастный?!

И Олег Чичерин, по прозвищу Чича, поднял руку, чтобы ударом по Мишкиному лбу показать, в чем разница между восьмым и четвертым классом.

— А ну стой! — послышался негромкий голос.

Рядом с площадкой, прислонившись к стенке дома, стоял высокий человек в синей с помпоном шапочке. Он давно уже стоял тут, наблюдая за игрой. В особенности пристально он следил за Толиком. К Толику первому он и обратился.

— Подойди ко мне, мальчик.

Чича опустил руку и насупился. Он не любил, когда посторонние вмешивались в его дела. Толик подошел к незнакомцу.

— Как тебя зовут?

Толик сказал.

— Хоккей любишь?

— Люблю, — ответил Толик, — а что?

Незнакомец написал что-то на листке блокнота и протянул листок Толику.

— Приходи в пятницу на летний каток. Будешь играть в детской команде. Согласен?

Толик торжествующим взглядом посмотрел на старшеклассников. На глазах всего двора его приглашали играть в настоящей команде. Еще бы тут не согласиться!

— Согласен, — сказал Толнк.

— А теперь иди ты сюда. — незнакомец помахнул пальцем Чичу.

— Ну чего? — недовольно спросил Чича.

— Ничего. Отдай ему клюшку. И запомни: настоящий спортсмен не играет ни на деньги, ни на клюшки. Но ты хотел без труда забрать клюшку у младшего. Теперь отдавай твою.

— А вам какое дело... — начал было Чича, но вдруг поперхнулся, внимательно взгляделся в незнакомца и воскликнул:

— Вы товарищ Алтынов, игрок сборной СССР?

— Это неважно, кто я, — сказал незнакомец. — Ты лучше клюшку отдай.

— Да я с удовольствием отдам, — сказал Чича, одной рукой протягивая Мишке клюшку, а другой показывая ему кулак. — Пусть берет. А вы меня в команду запишете?

— Нет, не запишу.

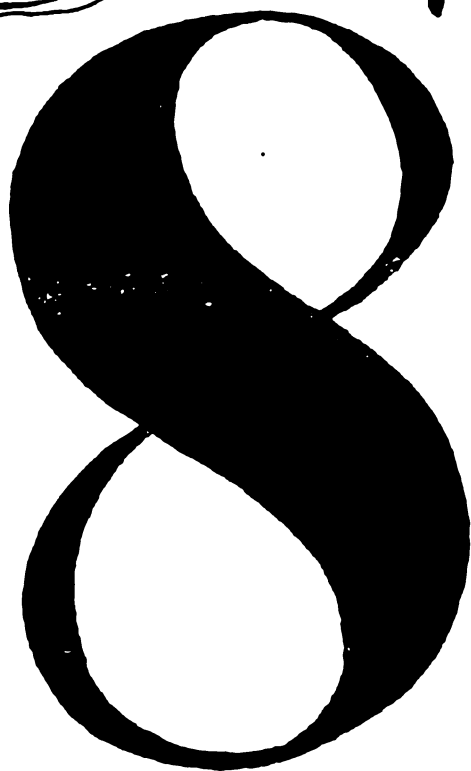
— А мне клюшки не надо, — сказал Мишка. — Я все равно играть не умею. Пусть лучше у него останется.

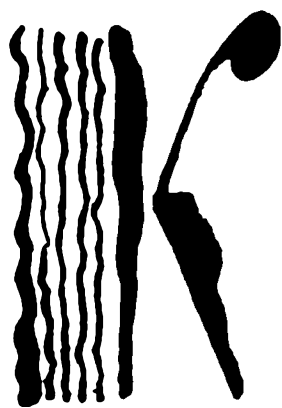
Незнакомец внимательно посмотрел на Мишку и улыбнулся.

— А ты тоже приходи. Ты очень смело играл. А хоккей — игра для смелых людей.

— Да я же играть не умею, — сказал Мишка.

— Это неважно, — сказал незнакомец. — Играть можно научиться, а вот мужеству — трудновато. Приходите оба. Я буду ждать.

ОГДА ЗА ЧАС ДО ШКОЛЫ ТОЛИК ПРИШЕЛ к Мишке, тот все еще сидел за арифметикой.

— Два примера осталось, — сказал Мишка. — Столько уроков задают. Учишь, учишь целый день — погулять некогда.

— А я теперь не буду учить, — сообщил Толик.

— Ну и будешь двойки получать.

— Буду пятерки получать, — сказал Толик. — Могу поспорить. Давай поспорим. Если я хоть одну четверку получу, можешь мне сто щелчков по лбу дать. А если не получу, — тебе сто щелчков.

— Ну да, — сказал Мишка, — ты, наверное, на сегодня все выучил, а я должен тебе лоб подставлять.

— Я даже и не думал учить.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Ну и получишь двойку, если вызовут.

— Ну давай поспорим. Слабо?

— Давай, — согласился Мишка. — Только я все-таки арифметику доделаю. А ты посиди пока.

— Я посижу, — сказал Толик. — Я посижу и подумаю, в какое место твой лоб щелкать.

Мишка ничего не ответил. Он уткнулся в тетрадку. А Толик принялся расхаживать по комнате. Пять минут тому назад он истратил десятую спичку. И на этот раз желание было загадано что надо. Теперь Толик знал все уроки до конца года. До самого лета он мог не прикасаться к учебникам. Дома у него лежали тетрадки с заданиями, приготовленными на месяц вперед. А голова Толика была просто начинена ответами на любые вопросы. И все это — без труда, все сделалось само собой, стоило лишь сломать спичку.

Толик расхаживал по комнате и думал о том, как здорово ему повезло. Он может сделать все что угодно и потребовать все что угодно — хоть ТУ-104. Можно стать Героем Советского Союза. Или — чемпионом мира. Или — знаменитым артистом, вроде Олега Попова. Или пожелать тысячу банок консервированных ананасов. Только делать все надо осторожно, чтобы не получилось, как на уроке Анны Гавриловны.

Толик покосился на Мишку, который дописывал свою арифметику. Стоило истратить спичку, и Мишка тоже знал бы уроки хоть на десять лет вперед. Толик обязательно поделится с ним спичками. Но не сейчас. Может быть, завтра, когда придумает все свои желания. А что останется — Мишке. Ведь все-таки он — друг и с ним нельзя не поделиться.

Наконец Толику надоело молчать. Он подошел к Мишке и заглянул через его плечо в тетрадку. Мишка аккуратно выводил цифры. Толику стало смешно, что он так старается.

— Ну что, выучил? — спросил Толик. — А сколько будет дважды два?

— Не остроумно, — сказал Мишка. — Ты лучше не мешай.

Толик походил еще немного. Он услышал, как за дверью кто-то скребется, и открыл дверь. В комнату вошла Майда — большая овчарка. Толика она знала, но не обратила на него никакого внимания. Она подошла к Мишке и положила передние лапы ему на плечи.

— Толик, отстань, — сказал Мишка.

Толик засмеялся. Мишка обернулся, и Майда лизнула его в щеку.

— Лежать! — приказал Мишка.

Майда вздохнула и улеглась возле Мишки.

— Стоять! Майда! — грозно сказал Толик.

Майда покосилась на него.

— Сидеть!

Но Майда и ухом не повела. Она слушалась одного Мишку. Толик давно завидовал Мишке. Теперь он мог завести себе хоть сотню собак, даже почище Майды. Но Толику было обидно, что Майда — старая знакомая — не обращает на него никакого внимания. Ему очень хотелось, чтобы Майда его лизнула или хотя бы положила лапы на плечи. Ведь собаки никогда не подлизываются и не врут. И если к тебе хорошо относится собака, — значит, и сам ты неплохой человек.

Толик встал на четвереньки и подполз к Майде. Он подставил ей щеку, чтобы она лизнула его, как Мишку. Майда отвела морду в сторону. Она даже закрыла глаза, как будто ей было противно смотреть на Толика.

— Дура, — сказал Толик.

Майда вздохнула, поднялась, потянулась и вышла из комнаты с таким видом, будто ей надоело слушать глупости.

— Мишка, — сказал Толик скучным голосом, — сколько будет трижды три?

Мишка дописал ответ последней задачки и встал.

— Все, — сказал он. — Можно идти в школу.

— Нет, ты скажи, сколько будет трижды три.

— Девять.

— Воображала, — сказал Толик. — Профессор арифметики.

Но Мишка не стал ссориться, потому что он был человек добрый, и ребята вместе пошли в школу.

Пожалуй, не стоит рассказывать, как прошел этот день. Потому что главное случилось не на уроках, а после них. Во время уроков Толика вызывали три раза, и он получил три пятерки. И это не стоило ему никакого труда. Язык сам собой болтался у него во рту и говорил то, что нужно. Он отвечал точно, как написано в учебнике. Толик даже не слушал, что произносит его язык. Он знал, что все будет правильно.

Учителя его похвалили. Анна Гавриловна тоже похвалила, но сказала, что напрасно он говорит слово в слово по учебнику, как будто у него своих слов нет. Все же пятерку она поставила. А ребята про вчерашний день ничего не напомнили и ничего Толику не сказали.

После уроков Толик вместе со всеми вышел на улицу.

— Эй, ребята, — сказал он, — подождите, я сейчас Мишке буду щелчка давать. Он мне проспорил. Мишка, иди сюда.

— Я-то проспорил, — сказал Мишка. — Может быть. Только ты врешь, что уроки не учил. Если бы не учил, ты бы на пятерки не ответил.

— Честное слово, не учил!

— Честное слово, врет, — сказал Саша Арзуханян.

— Очевидно, врет, — заключил Леня Травин.

— Кто врет?! — возмутился Толик.

— Ты, — сказала Лена Щеглова. — Ты, ты, ты... И еще раз: ты, ты, ты...

— Я вру?! А хочешь, докажу?

— Не докажешь, — сказала Лена. — Не докажешь, не докажешь...

— Я не докажу? Да я... Да у меня... — сказал Толик и сунул было руку в карман, но вовремя опомнился.

— Ну, чего у тебя?

— Ничего, — ответил Толик. — Мишка, подставляй лоб.

И хотя ребята были на стороне Мишки, никто за него не заступился, потому что всем было интересно посмотреть, как он получит сто щелчков. Да Мишка и не допустил бы, чтобы за него заступались. Он подошел к Толику и подставил лоб.

— Бей.

Первый раз Толик щелкнул на совесть. Даже ногтю стало больно. Ребята, обступившие их, засмеялись, потому что удар вышел звонкий, а Мишка зажмурился.

После двадцати ударов на Мишкином лбу появилось красное пятно.

— Теперь в другое место бей, — посоветовал Леня Травин. — А то нечестно.

— Куда хочу, туда и бью, — сказал Толик, — правильно, Мишка?

— Ты давай бей, — ответил Мишка. — Ты меня лучше не спрашивай.

Толик ударил еще три раза.

— Хватит, — сказал Толик. — Остальное я тебе прощаю.

Мишка покраснел. Он пошире расставил ноги, как будто хотел лучше укрепиться на земле.

— Мне твоего прощения не нужно, — сказал Мишка. — Семьдесят семь осталось. Бей дальше.

— А я не буду! — заупрямился Толик.

— Тогда я вообще с тобой не разговариваю, — сказал Мишка.

— Все равно бить не буду!

Мишка исподлобья взглянул на Толика, поднял с земли свой портфель и молча пошел прочь. Ребята, поняв, что представление закончилось, тоже разошлись. Толик остался один. Он видел, как, сгорбившись, будто неся на плечах большую обиду, удаляется от него Мишка. Толику вдруг стало нехорошо и тоскливо, словно он остался один во всем мире. Он убеждал себя, что спор был все-таки честный. Уроков он на самом деле не учил. И щелчки, которые получил Мишка, тоже были честными. Но на душе у него было по-прежнему противно, а Мишка уходил все дальше и дальше.

— Мишка, подожди! — крикнул Толик и бросился вдогонку. — Мишка, ведь ты же проспорил, — сказал он, дергая друга за рукав. — Чего ты обиделся, если сам проспорил?

— Отстань, — сказал Мишка. — Я не обиделся. Я с тобой не разговариваю.

— А хочешь мне щелкнуть? — предложил Толик.

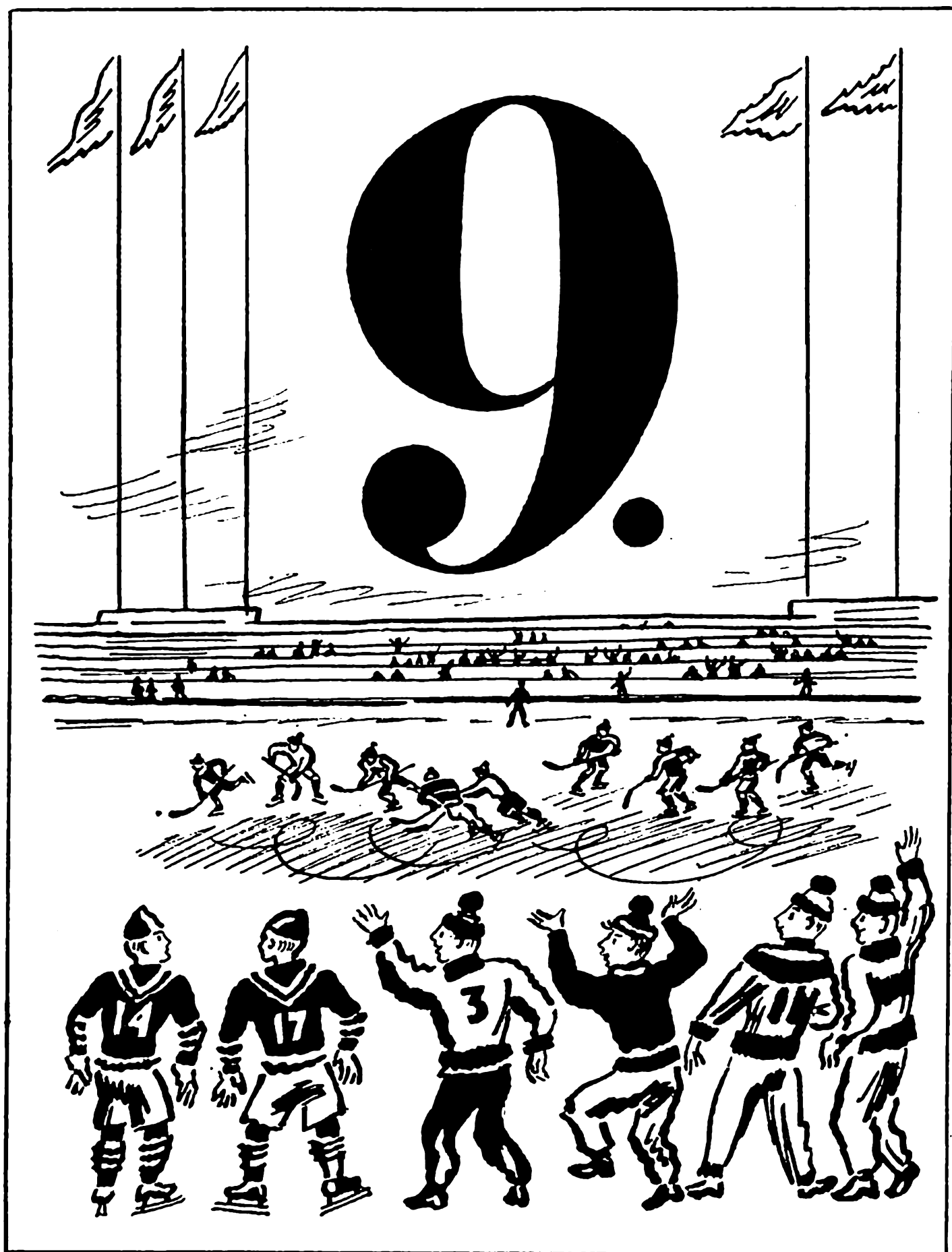
Мишка наклонил голову и зашагал еще быстрее. Он больше ничего не отвечал и не оборачивался, и Толику вдруг стало жалко Мишку и обидно, что они поссорились. Почему-то было жалко и себя тоже и очень хотелось придумать что-нибудь, отчего все стало бы по-прежнему.

Конечно, Толик мог сломать спичку и Мишка побежал бы к нему обниматься. Сначала Толик так и хотел сделать. Но тут же он подумал, что таких друзей коробок мог наделать сколько угодно. А Мишка все-таки был один.

Внезапно решившись, он выхватил из кармана коробок, подбежал к Мишке и протянул ему спички.

— Мишка, — сказал он, — ладно, давай мы их пополам разделим. Можешь сам разделить. Ты ведь еще ничего не знаешь. Ты сам раздели, а потом я тебе расскажу.

Но Мишка молча оттолкнул его руку. Спички рассыпались по тротуару. А пока Толик их подбирал, Мишка скрылся за углом дома.

А ЛЕТНИЙ КАТОК ТОЛИКА ОТПУСТИЛИ НЕОХОТНО. Не мама, конечно, а папа. Вечером мама и папа долго спорили о том, можно ли Толику играть в хоккей. Папа говорил, что при игре в хоккей ничего не стоит поломать ноги или, в лучшем случае, потерять один — два зуба.

— Я не хочу, чтобы мой сын стал калекой. А хоккей очень грубая игра, — сказал папа.

— То-то ты и сидишь целый вечер перед телевизором, — ответила мама.

— Там играют взрослые. И они вовсе не мои дети, — сказал папа.

— А Толик мой сын. И он имеет право делать все, что ему хочется, — сказала мама, нежно поглядывая на Толика.

— Кажется, он и мой сын тоже, — сказал папа, сердито глядя на маму.

— Ты его совсем не любишь!

— Я вообще не понимаю, что с тобой случилось, — сказал папа. — Ты разрешаешь ему все что угодно. А он этим пользуется. Он все время от нас что-то скрывает. Он даже врать стал больше, чем обычно. Или ты хочешь, чтобы он вырос лгуном?

— Да, — с гордостью сказала мама. — Он милый маленький, славный лгун. За это я его и люблю...

Папа подозрительно посмотрел на маму. Потом Толика выслали из комнаты, и он не слышал, о чем они говорили дальше. Наверное, мама все же сумела переспорить папу — утром Толика отпустили без всяких разговоров.

Теперь, по дороге на стадион, он мечтал о том, как здорово он будет играть в хоккей и как его покажут по телевизору. Папа перестанет сердиться, когда увидит, что Толик забьет десяточка два шайб в ворота какой-нибудь заграничной команды. А что так будет, Толик не сомневался. Недаром перед уходом из дому он сломал спичку и загадал, чтобы играть сегодня лучше всех в мире.

Когда Толик пришел на каток, на ледяном поле играли взрослые. На пустых трибунах сидело десятка три ребят. Среди них был Мишка. Толик подошел к ребятам и поздоровался. Все ответили, а Мишка даже не посмотрел в его сторону. Мишка разглядывал небо, на котором в эту минуту не было ничего, кроме маленького облачка.

«Вот сломаю сейчас спичку — сразу целоваться полезет», — подумал Толик. Но пока он раздумывал, стоит ли тратить спичку на такие пустяки, подошел тренер. Это был тот самый человек, который пригласил сюда Мишку и Толика.

— Меня зовут Борис Александрович Алтынов, — сказал тренер. — Сегодня у нас первое занятие. Майки, трусы и тапочки у всех есть?

Ребята переглянулись, пошептались, и самый храбрый спросил:

— А зачем майки и тапочки? Разве мы будем играть в тапочках?

— Играть мы пока не будем, — сказал тренер. — Займемся физической подготовкой. Потом будете учиться правильно держать клюшки, правильно стоять на коньках. Играть начнем не скоро. А теперь — марш в спортзал. Он под трибуной.

— А кто уже умеет играть? — спросил Толик.

— Играть из вас никто еще не умеет, — сказал тренер. — Вам еще надо на льду стоять научиться.

— А я умею, — сказал Толик. — Вот честное слово!

— Это тебе кажется, что умеешь, — усмехнулся тренер.

— А вот умею, — настаивал Толик.

Тренер оглядел погрузневших ребят. Им тоже хотелось играть на ледяном поле, а не заниматься «физической подготовкой». При чем тут подготовка, если хоккей — игра и нужно играть и забивать шайбы. На лице тренера появилась загадочная улыбка.

— Володя! — позвал он судью, носившегося по полю вместе с игроками. — Владимир Васильевич, подойди сюда, пожалуйста.

Судья остановил игру и подъехал к бортику.

— Вот тут у меня игроки собрались, — сказал тренер. — Все играть хотят. Не возьмешь ли одного попробовать? — И, наклонившись к уху судьи, добавил шепотом: — Мальчишки способные, но воображают, что уже все умеют. Особенно вот этот. Между прочим, как раз самый способный. Только скажи ребятам, чтобы не толкнули случайно, понимаешь?

— Все понятно, — судья подмигнул тренеру и сказал Толику: — Иди переодевайся. В раздевалке тебе все дадут.

В раздевалке Толик провозился минут пятнадцать. Он никак не мог разобраться в гуде снаряжения, которое ему дали; спасибо, гардеробщик помог.

— Кем же ты будешь играть? — спросил тренер.

— Нападающим.

— Очень хорошо. Будешь играть вон за тех, синих. Иди на место.

Толик вышел на площадку. Игроки, улыбаясь, разглядывали маленького хоккеиста. Даже не хоккеиста, а так... хоккеистика. Рядом с высокими игроками Толик казался очень маленьким и щуплым. А «синие» и «зеленые», с их квадратными спинами, широченными плечами, шлемами, выглядели как настоящие роботы. Все они были мастерами спорта.

Игра началась. Шайбой завладел игрок «зеленых». Толик быстро откатился назад, в оборону. «Зеленый» вел шайбу, не глядя на Толика. Он даже и не старался обвести мальчишку, а просто ехал и лишь возле самого Толика круто свернул в сторону, чтобы не задеть его плечом.

Толик вытянул руку с клюшкой и... «зеленый» промчался мимо, а шайба осталась у мальчишки. Толик ни о чем не думал. Все делалось само собой. Руки и ноги тоже двигались сами. Не теряя ни се-

кунды, Толик, набирая скорость, помчался к воротам противника. Он обвел защитника, бросившегося ему навстречу, вышел один на один с вратарем и сильнейшим броском послал шайбу в ворота. Вратарь упал. В последнее мгновение он успел подставить клюшку, и шайба грохнула о борт с такой силой, словно ею выстрелили из пушки. Ее тут же подхватили «зеленые» и повели к противоположным воротам.

Вратарь, лежа на льду, с удивлением смотрел на Толика. Такой сильнейший бросок мог сделать мастер, но никак не мальчишка. Впрочем, вратарь не знал, что этот мальчишка сегодня — сильнейший игрок мира. Не знали этого, к несчастью, и остальные «зеленые».

Поначалу они играли, не обращая на Толика внимания. Или, вернее, они старались как-нибудь случайно не задеть его или не стукнуть. Они вовсе не думали, что мальчишка может им помешать. Они хотели только доказать ему, что он не умеет играть. Но это им дорого обошлось. Пока они деликатничали, Толик несколько раз отобрал у «зеленых» шайбу. Почти не глядя, он передавал шайбу своим «синим», сам выходил к воротам и бросал. Отобрать у него шайбу было почти невозможно.

Через две минуты Толик забил первый гол.

Через четыре минуты еще два гола забили «синие» с его подачи.

Но ни «синие», ни «зеленые» ничего не понимали. Этот мальчишка, который вихрем носился по площадке, отнимал шайбы и забивал голы, играл как мастер. Он играл лучше всех. Это было совершенно ясно.

Взгромоздившись на трибуну, на поле смотрел изумленный тренер Борис Александрович Алтынов — игрок сборной СССР и щипал себя за ухо, чтобы проверить, не снится ли ему все это. Он был готов поклясться, что мальчишка играет лучше его самого. И более того. Он готов был поклясться, что еще никогда в жизни не видел такого великолепного хоккеиста.

Тем временем по стадиону уже разнесся слух, что на поле происходят какие-то чудеса. Спортсмены, закончившие тренировку, повылезали из раздевалок на трибуны. Из своей комнатки прибежал директор стадиона. И даже гардеробщик поднялся наверх, потому что в раздевалке никого не осталось.

Все смотрели на Толика и подсмеивались над «зелеными» мастерами, которые ничего не могли поделать с мальчишкой.

«Зеленые» начали понемногу злиться. Они уже не объезжали Толика, а вступали с ним в борьбу, толкали его на борт, старались отнять у него шайбу. Но это удавалось очень редко. Толик ловко увертывался, и клюшка в его руках была как живая. Когда Толик забил второй гол, судья чуть не выронил изо рта свисток, потому что шайба была брошена издалека, а вратарь даже не успел шевельнуться.

На трибунах ревели, хохотали, свистели и топали от восторга ногами развеселившиеся спортсмены. Уж они-то понимали кое-что в хок-

кее. И они видели, как мальчишка чуть ли не один обыгрывает команду мастеров.

Наконец судья, не выдержав, раньше времени дал свисток окончания игры.

— Я больше не могу, — сказал он тренеру. — Я сейчас сойду с ума. Или, может быть, я уже сошел с ума? Откуда ты выкопал это чудо?

— Я, кажется, сам сойду с ума, — сказал Борис Александрович. — Этот парень стоит целой команды. Мне нечему его учить. Он играет лучше меня.

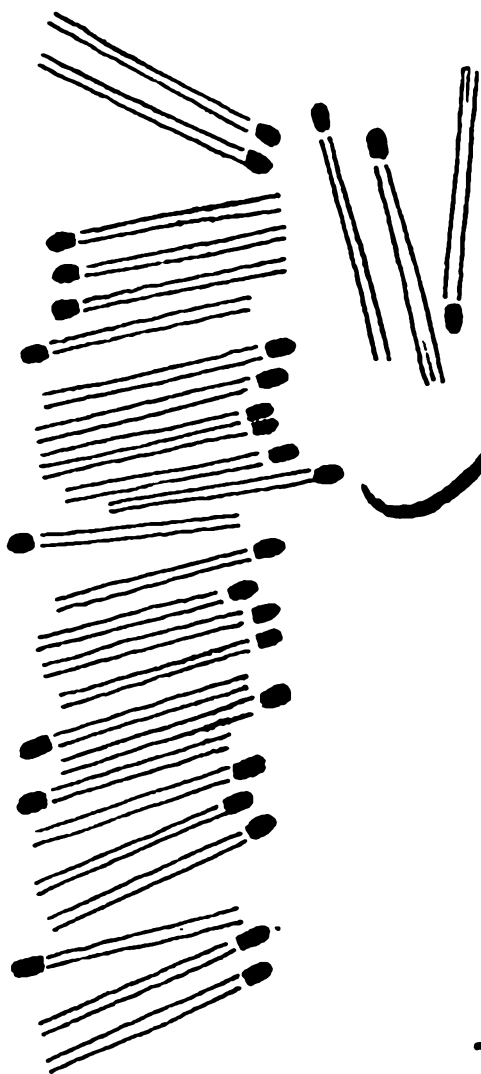
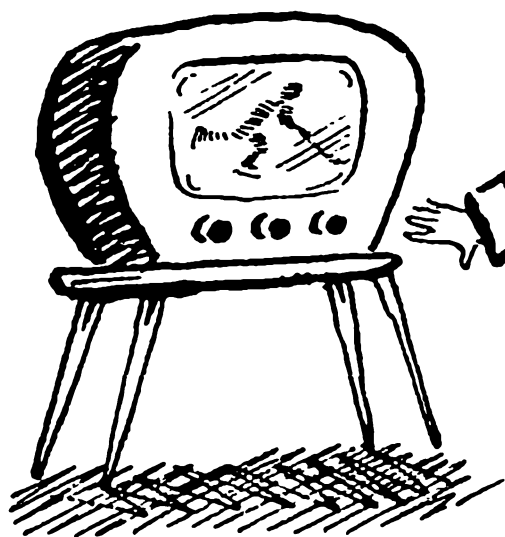
— А он сам-то нормальный? — спросил судья, подозрительно поглядывая в сторону Толика. — Ведь этого же просто не может быть. Может, у него какое-то особое сумасшествие — хоккейное?

Тренер почесал в затылке, подумал и пошел к Толику, которого обступила большая толпа. Он растолкал «зеленых» и «синих» мастеров, молча взял Толика за руку и повел его в медицинский пункт.

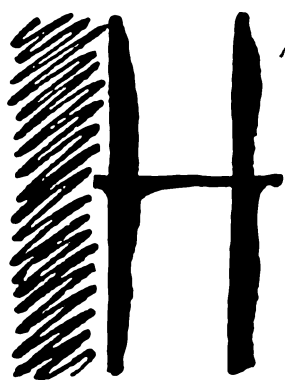
— Нормальный ребенок, — сказал доктор, выслушав, выстукав и осмотрев Толика. — Вполне нормальный мальчик. Еще не развился физически, но у него все впереди... Наберет и вес и мускулатуру. Вы говорите, обыграл «зеленых»? Простите, не верю. Ему лет одиннадцать-двенадцать. Его не допустят играть даже за юношескую команду.

— Я сам не верю, — сказал тренер. — Он игрок мирового класса. Я хоть сейчас поставил бы его в сборную СССР.

Идя вдоль трибуны к выходу, Толик чувствовал себя героем. Краешком глаза он видел, что все поглядывают на него, а краешком уха слышал удивленный и восторженный шепот: «Это он. Смотрите, вот он идет. Этот мальчик играет лучше любого мастера». Уже у самого выхода Толик обернулся и показал язык мальчишкам и Мишке Павлову, которые остались заниматься «физической подготовкой».

10.

НИКОГДА ЕЩЕ НИ У ОДНОГО ШКОЛЬНИКА В МИРЕ не было такой прекрасной жизни. В школе Толик получал одни пятерки. При этом ему не нужно было тратить на уроки ни одной минутки. Времени свободного было очень много, и Толик по два раза в день ходил в кино — на десятичасовой сеанс и на одиннадцать тридцать. Мама с удовольствием давала ему деньги. А вечером Толик смотрел телевизор, все передачи подряд. Даже те, которые детям до шестнадцати лет смотреть не полагается. Самое противное было, конечно, сидеть в школе. На уроках Толик скучал, потому что знал все наперед до самых каникул. И ему приходилось придумывать себе разные занятия: то помечтает, какое бы ему еще загадать желание, то почитает потихоньку книжку, а то начнет в этой книжке разукрашивать рисунки: мужчинам пририсовывает усы, а женщинам бороды.

Хорошо было бы вообще не ходить в школу. Но Толик понимал, что этого делать нельзя. Объяснить это было очень трудно. Нельзя же попросить у коробка, чтобы все не обращали на Толика внимания. Тогда и жить будет неинтересно.

Один раз Толик совсем было собрался рассказать все Мишке и помириться с ним. Конечно, придется дать Мишке половину спичек. Но разве для друга жалко! И разве Толик — жадина? Конечно, нет. Толику так захотелось поделиться с Мишкой, что он даже не стал досматривать телевизионную передачу и заперся в ванной, чтобы разложить спички на две кучки. Он клал их перед собой; одну — налево, другую — направо. Спичек оставалось тридцать девять. Одна оказалась лишняя. Толик подумал немного и положил ее к себе. У него стало двадцать, а у Мишки — девятнадцать. «Какое-то глупое число, ни на что не делится», — подумал Толик и прибавил себе еще одну спичку. Теперь у Мишки стало восемнадцать. Прекрасное число: делится на два, на три, на шесть и на девять. «Вот и хорошо, — снова подумал Толик, — вот и нужно его разделить на два». Еще девять спичек перекидали направо, у Мишки осталось девять. Правая кучка стала большой, а левая совсем маленькой. «Это несправедливо, — размышлял Толик. — Если Мишка узнает про такую дележку, он обидится. А не сказать ему нельзя, потому что это будет нечестно. Нечестно поступать нельзя. Значит, не нужно делить, тогда и говорить будет не о чем».

И Толик смешал все спички в одну кучу. Мишка ни о чем не узнает. И значит, все будет честно и не обидно.

Толик спрятал спички как раз вовремя. В дверь ванной постучала мама.

— Толик, — сказала она извиняющимся голосом, — прости, если я тебе помешала. Но уже поздно. Можно, я лягу спать? Или тебе еще что-нибудь нужно?

— Мне... ничего, — ответил Толик, но тут же спохватился. — Нет, мама, подожди. Мне нужен велосипед. Купишь?

Мама схватилась за голову.

— Бедный мальчик! — сказала она. — Как же я раньше не подумала. А мне даже и в голову не приходило. Идем скорее!

Мама взяла Толика за руку и повела в комнату, где папа досматривал телевизионную передачу.

— Евгений, — торжественно проговорила она, — ребенку нужен велосипед.

— Что значит — нужен?

— Это значит, что он хочет велосипед!

— А пароход он не хочет?

— Это неуместные шутки, Евгений.

— Я не шучу. Ты же знаешь, что у нас сейчас мало денег. Велосипед может обождать.

— Нет, не может! — возмутилась мама. — Как это можно откладывать, если наш славный мальчик хочет кататься на велосипеде?

— Не такой уж он славный, — сказал папа. — А ты его за последнее время совсем избаловала. Вот я сам возьмусь за его воспитание.

— Ты это десять лет обещаешь.

Папа встал и с треском выключил телевизор.

— Толик, выйди из комнаты, — громко сказал он. — Немедленно ложись спать. Никакого велосипеда тебе не будет.

— Толик, не ходи, — звонко сказала мама. — Не ложись спать. У тебя будет два велосипеда. Самых лучших.

Толик переводил взгляд с папы на маму, сопел и очень жалел, что затеял этот разговор. Он вовсе не хотел, чтобы папа с мамой ругались. Раньше они иногда спорили, но не ссорились. А теперь началась самая настоящая ссора.

— Ты могла бы не обсуждать этого вопроса при ребенке! — кричал папа.

— А что тебе ребенок! — кричала мама. — Ты его совсем не любишь!

— Я не люблю?!

— Ты не любишь! Ты его ненавидишь!

— Ты просто дура! — сказал папа.

Мама ахнула. Толик увидел, как она побледнела. Папа вдруг замолчал и растерянно посмотрел на маму. А мама быстро повернулась и убежала на кухню.

Папа схватился за голову и зашагал по комнате. Он ходил, будто не замечая Толика. А Толик стоял посреди комнаты и не знал, что делать. Наконец папа остановился и посмотрел на Толика. Лицо у него было виноватое.

— Что же мы с тобой натворили, старик, — тихо сказал он.

Толику было жалко папу. И маму тоже было жалко. И еще ему было жалко спички, которая могла все уладить. Если мирить всех, кто ссорится, то никаких спичек не хватит. Но все же теперь поссорились папа и мама. Толик вздохнул и пошел в ванную. Там он сломал спичку и загадал, чтобы папа и мама помирились.

И тут же мимо двери ванной простучали каблуки мамы. А затем слышались в коридоре тяжелые шаги папы. Толик выглянул за дверь.

Папа и мама стояли посреди коридора и смущенно улыбались друг другу.

— Ты на меня не сердись, пожалуйста, — говорил папа.

— Это ты на меня не сердись, — говорила мама.

— Я, конечно, виноват.

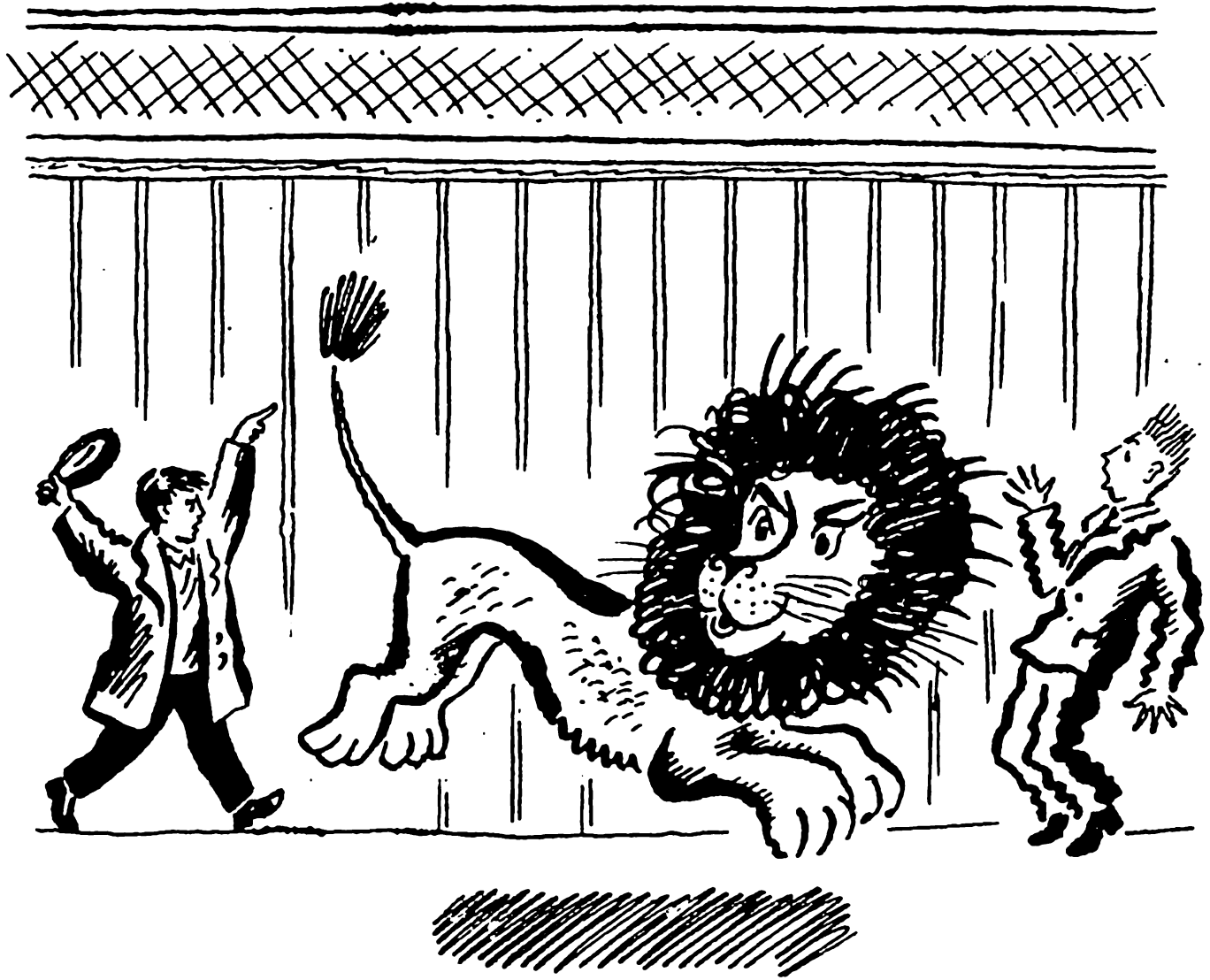
— Это я виновата.

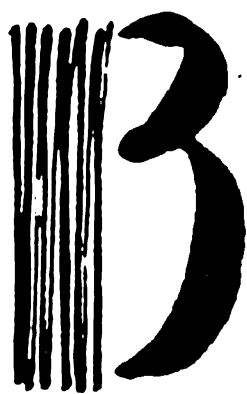
— Нет, нет, — сказал папа. — Ты ведь так устаешь. И дома и на работе. Разве я не вижу? И я... я ведь тебя очень люблю.

— Я тебя тоже люблю, — ответила мама. — А мы можем купить Толику велосипед?

— Попробуем, — согласился папа.

Толик потихоньку вышел из ванной и направился спать.

ВОСКРЕСЕНЬЕ УТРОМ ТОЛИК ВЫКАТИЛ ВО ДВОР новенький «орленок». У парадной он постоял немного, проверил, как работают ножной и ручной тормоза, позвонил в звонок. Конечно, можно было ничего не проверять — все проверили в магазине и еще раз дома. Но Толику хотелось, чтобы вокруг него собралось побольше ребят.

Ребята обступили его и тоже попробовали тормоза и звонок. Те, у кого был свой велосипед, ничего не сказали.

А те, у кого велосипеда не было, сказали, что «орленок» — ерунда, потому что «турист» лучше: у него три скорости.

А потом Толик поехал кататься. Он три раза проехал мимо Мишкиных окон и все поглядывал. Но Мишки все не было. Тогда Толик поехал на площадку, где на асфальте ковырялись малыши со своими клюшками-закорючками. Он разъезжал между ними и мешал играть. Малышам это не понравилось, но они понимали, что Толик большой и сильный и ничего с ним не поделаешь. Они даже не обижались, и Толику вскоре надоело задираться.

Толик снова поехал к Мишкиной парадной. Он знал, что Мишка все равно выйдет гулять с Майдой.

Так все и получилось. Минут через пять Мишка с Майдой на поводке вышел из парадной. Толик разогнался и проехал совсем рядом. Но Мишка будто ничего не заметил. Только Майда, натягивая поводок, покосилась на хозяина, будто спрашивала: разорвать этого нахала или не стоит?

— Рядом! — сказал Мишка, и Майда успокоилась.

Тогда Толик снова разогнался и помчался навстречу Мишке, будто хотел его сбить. Он знал, что Мишка не выпустит Майду. Но он немного не рассчитал. Он затормозил слишком поздно. Майда прыгнула, заслоняя хозяина. Поводок натянулся. Майда присела на задние лапы, но Толик уже не мог удержаться и налетел на нее. Велосипед выскользнул из-под Толика, и Толик упал. Он лежал на асфальте, а над ним, растопырив лапы, стояла Майда и грозно рычала.

— Ко мне! — скомандовал Мишка. Майда села у его ног.

Толик поднялся, едва не плача. Он ведь просто хотел пошутить. Может быть, он даже хотел помириться с Мишкой. И если он чуть-чуть не рассчитал, то это не значит, что на него нужно набрасываться с овчаркой.

— Ты чего собак напускаешь? — сказал Толик.

— Ты сам налетел, — сказал Мишка. — Скажи еще спасибо, что она в наморднике. А то бы от тебя одни кусочки остались.

— Это на тебя надо намордник надеть, — ответил Толик. — Если я захочу, от тебя самого и от твоей Майды одни кусочки останутся.

— Захоти.

— Ну, посмотришь, — сказал Толик и сунул руку в карман.

Мишка спокойно смотрел на Толика. Он был под защитой Майды. Кроме того, он привык, что Толик всегда придумывает всякую ерунду, и не боялся его угроз. Он даже не подозревал, что через секунду может превратиться в какого-нибудь голубя или червяка и потом ему всю жизнь придется жить в земле и выползать на поверхность лишь дождливой ночью, как это делают все черви.

Толик нащупал в кармане коробок и на несколько секунд задумался. Это и спасло Мишку, потому что как раз в эту минуту подошел Чича.

— Новенький велосипед, — сказал Чича. — Люблю новые велосипеды. Дай прокатиться.

— Я еще сам не катался, — сказал Толик.

Чича усмехнулся.

— Тебя и не спрашивают, катался ты или нет. Я говорю: прокатимся?

Не дожидаясь ответа, Чича протянул руку, чтобы поднять велосипед. Толик растерянно смотрел на Чичу и чувствовал себя, наверное, так же, как малыши, когда он мешал им играть в шайбу. Конечно, он мог и Чичу превратить в червяка. Но Толик даже не подумал об этом, потому что Чича был большой и сильный и Толик его боялся.

И вдруг Толик услышал Мишкин голос.

— Не трогай велосипед. Не твое — и не трогай.

— Это еще что за мастер спорта, — ухмыльнулся Чича. — Давно банок не получал? Я могу...

Но Мишка не стал спорить с Чичей. Он подошел к велосипеду, показал на него рукой и сказал Майде:

— Охраняй!

Майда немедленно улеглась рядом. Она высунула язык и, склонив голову набок, спокойно и равнодушно поглядывала на Чичу, будто он был не большой и сильный восьмиклассник, а какой-нибудь жалкий малыш. Чича покраснел. Ему не хотелось отступать на глазах всего двора. Он снова протянул руку к велосипеду. Майда сморщила нос и легонько заворчала, показывая зубы.

— Ты лучше уйди, Чича, — сказал Мишка. — Мы же тебя не трогаем.

И Чича сдался. Он заложил руки за спину и отошел насвистывая, будто ничего не случилось и будто он просто поговорил немного с приятелями.

Мишка поднял велосипед.

— Смотри, у него педаль сломана, — сказал он Толику таким тоном, словно они никогда не ссорились.

И Толик тоже ответил ему так, будто никогда не хотел превращать Мишку в червяка:

— Ну и пускай. Мне теперь мама хоть десять велосипедов купит.

Все же Мишка решил проводить Толика, чтобы его не очень ругали. Он отвел Майду домой, а потом они вдвоем втащили велосипед по лестнице.

Дверь открыла мама. Это было очень кстати. Мама первая увидела сломанную педаль и прошептала:

— Вот и умница! Не успел во двор выйти — уже педаль сломал. Ты просто замечательный мальчик. Только папе не говори. А велосипед мы починим завтра.

Мишка с удивлением уставился на маму Толика. Он еще никогда не слышал, чтобы родители хвалили детей за сломанные велосипеды.

На шум в передней вышел из комнаты папа. Мама заслонила от него велосипед, и папа ничего не заметил.

— Здоров, Михаил, — сказал папа. — Ты почему давно не заходил?

— Так... — замялся Мишка. Ему не хотелось говорить, что они с Толиком ссорились. — Так просто, дядя Женя... Уроков много. И я еще на каток хожу, в хоккейную школу.

— Поломают вам в этой школе все ноги, — сказал папа. — Вы поосторожней играйте. Как там Анатолий играет ничего?

— Он просто здорово играет. Тренер говорит: лучше всех.

— Ну уж и лучше всех, — засмеялся папа, и было видно, что он доволен. Он даже крикнул в кухню: — Старуха, слышишь, наш Анатолий лучше всех играет!

— Я никогда в этом не сомневалась, — сказала мама, высываясь из кухни. — Но я еще раз прошу тебя не называть меня старухой.

— Ты, старуха, шуток не понимаешь, — засмеялся папа. — Все же видят, что ты молодая и красивая.

— Ладно, старик, иди обедать.

— Пойдемте, старики, — сказал папа. — Сегодня наши с Америкой играют. Я еще хочу хоккей посмотреть.

После обеда мама, как обычно, принялась за мытье посуды. Папа постоял около нее минутку и поговорил о том, что теперь, когда пустили горячую воду, мыть посуду — одно удовольствие. Затем он пошел настраивать телевизор, чтобы посмотреть матч с Америкой.

Мишка и Толик вышли на улицу. Еще в парадной они сняли га-loши и запрятали под лестницу. Во дворе они размотали шарфы и засунули их в карманы. Теперь они шли по улице, перепрыгивали через лужи, и им было приятно оттого, что сегодня так тепло, и оттого, что они помирились.

— Пойдем в зоопарк, — предложил Толик.

— Денег нет, — вздохнул Мишка. — Я-то давно хотел жирафу посмотреть. Ее недавно привезли.

— Не беспокойся, — сказал Толик и показал рубль. — Мне мама сколько хочешь денег дает.

— Я тебе потом отдам, — пообещал Мишка.

Но Толик лишь улыбнулся. Откуда же было Мишке знать, что Толик мог достать денег сколько угодно. Просто он еще не придумал, как сделать так, чтобы никто не заметил, что у него много денег.

В зоопарке Толик купил два билета и два эскимо, которые ребята тут же скормили медвежатам на площадке молодняка, хотя это и строго запрещалось делать. Впрочем, на это запрещение никто не обращал внимания. Все кидали медвежатам конфеты, печенье и даже яблоки. За барьером ходила уборщица и ругалась, и уговаривала, но все было напрасно. За всеми она уследить не могла. Как только она уходила на один конец площадки, сейчас же начинали кормить медвежат в другом. И уборщица говорила, что посетители ведут себя хуже медведей, а ума у них вообще меньше, но ее никто не слушал.

Толик и Мишка долго простояли возле площадки. Они видели, как затеяли возню два медвежонок. Медвежата боролись, вставая на задние лапы, и сопели совсем как люди. Потом они оба набросились на львенка и принялись его тормошить. Львенок терпел, терпел, но затем не выдержал и закатил медвежонку такую оплеуху, что тот два раза перевернулся через голову. От такой оплеухи восьмиклассник Чича, наверное, сразу же помер бы. А медвежонок только почесался и побрел к решетке выпрашивать конфеты.

Затем ребята отправились смотреть слона. Он был все такой же, как и раньше, — старый, морщинистый и умный. Слону бросали монетки, а он подбирал их хоботом и совал в карман сторожу. За это сторож давал слону морковку или капустный лист. Слона было немного жалко. Он казался слишком большим для своей тесной клетки. И смотрел он как-то по-человечески грустно, будто знал что-то свое, о чем не хотел рассказывать людям, которые ему давно надоели.

Толик бросил слону монетку, и ребята пошли к белым медведям.

Медведи плавали в большом бассейне, огороженном барьером с высокой сеткой. Родители поднимали своих детей и ставили их на барьер, чтобы они лучше могли разглядеть медведей. Одна мама рассказывала своей маленькой дочке, как однажды, когда не было сетки, в бассейн свалилась девочка.

— Она была непослушной, — говорила мама. — И она всегда капризничала. Вот как ты иногда капризничаешь.

— Она убежала от медведей? — спросила девочка.

— Нет, она была непослушной, и ее разорвали на куски.

Девочка смотрела на маму, и глаза ее наливались слезами. А мама говорила:

— Видишь, как важно быть послушной? Если ты будешь слушаться свою маму, то тебя никогда не съедят белые медведи!

Тогда девочка заплакала и стала проситься домой, потому что ей больше не хотелось смотреть никаких зверей. Мама стала ее уговаривать, но девочка не слушала и плакала еще сильнее. Тогда Толик

потихоньку скорчил ей рожу. Девочка очень удивилась и замолчала. А мама повела ее дальше.

Около клетки со львом толпился народ. Мишка и Толик тянулись на цыпочках, чтобы разглядеть, что делается возле барьера. Там разговаривали, смеялись и было почему-то очень весело.

Ребята с трудом протиснулись к барьеру и увидели Чичу. Он стоял, окруженный приятелями, и рычал на льва.

— Рррр... — говорил Чича. — Ну, позлись, позлись... Укуси меня. Чего же ты меня не кусаешь? Иди сюда... Не бойся, не трону.

Приятели покатывались со смеху. А Чича, очень довольный и очень храбрый, потому что лев находился за толстой решеткой, разошелся еще больше.

— Выходи из своей клетки, — говорил он не то льву, не то приятелям. — Я с тебя шкуру сниму и пущу голым в Африку.

А приятели просто заикались от смеха. Они раньше и не знали, какой Чича остроумный парень.

— Я из тебя компот сделаю, — сказал Чича и, подобрав щепку, швырнул ее в сторону клетки.

Лев даже не шевельнулся. Он лежал на брюхе и, прищурившись, сонно смотрел на Чичу. Ему как будто не было никакого дела до Чичи. Но когда Чича протянул за барьер руку, веки льва чуть дрогнули, а пушистый кончик хвоста чуть шевельнулся... Затем он снова равнодушно прикрыл веки.

А храбрый Чича продолжал смешить приятелей.

Толик хотел уже отойти от клетки, пока Чича их не заметил и не рассчитался за старое, но неожиданно его остановил Мишка.

Мишка любил животных и не любил Чичу. Он пролез вперед и сказал:

— Чичерин, а зачем ты его сюда зовешь? Ты сам к нему зайди. Чича с изумлением глянул на Мишку.

— Это что еще за голос из подземелья! — сказал он. — Ах, товарищ Павлов, здрасте. Вам сейчас морду набить или после?

— Ты ему набей, — сказал Мишка и кивнул на льва. — Ты же из него хотел компот сделать, вот и сделай. Зайди к нему в клетку и сними с него шкуру. Ты же обещал снять с него шкуру.

— Я вот с тебя сейчас шкуру сниму, — пригрозил Чича, оглядываясь по сторонам.

Какой-то мужчина, стоявший рядом, нахмурился и сказал Чиче:

— Вот что, молодой человек, иди-ка ты отсюда. Хватит паясничать. Мальчик тебе правильно замечание сделал. Он хоть и меньше тебя, да умнее.

— Точно. Он умнее, — сказал Чича, выбрался из толпы и остановился в сторонке, ожидая, пока выйдут Толик и Мишка. Приятели, посмеиваясь, стояли около него. Толик понял, что на этот раз им не уйти от Чичи.

— Мишка, — прошептал Толик, — давай выйдем — и бежать. Может быть, он не догонит.

Мишка упрямо повел плечом.

— Не буду я от него бегать.

— Надает.

— Пускай.

— Нет, не пускай, — сказал Толик, внезапно разозлившись. — Если уж так, то никому он не надает. Я из него самого сейчас компот сделаю. Он мне тоже давно надоел.

Мишка взглянул на здорового Чичу, и хоть ему было не очень весело, засмеялся и постучал пальцем по лбу.

— Опять хвастаешь.

— А вот посмотришь, — сказал Толик. — Идем, не бойся.

Они выбрались из толпы. Чича, переглянувшись с приятелями, направился к ним медленной походочкой. Он шел прямо к Мишке. На Толика он внимания не обращал. И совершенно напрасно. В эту секунду Толик доставал из кармана спичечный коробок.

Чича лениво подошел к Мишке и протянул к нему руку.

Толик переломил спичку и прошептал несколько слов.

И в то же мгновение толпа ахнула и отпрянула от барьера. В клетке льва, вытянув вперед руку, стоял неизвестно откуда взявшийся парень.

Это был Чича.

Несколько секунд все глядели молча. Никто не двигался с места. Лев медленно повернул голову и смотрел на Чичу, изумляясь такому нахальству. Он уже немало лет прожил в зоопарке и привык видеть людей по ту сторону решетки, но никогда ни один человек не заходил к нему в клетку.

Лев шевельнул ноздрями, принюхался, и хвост его нервно застучал по полу. Он узнал человека, который его дразнил.

Чича стоял раскрыв рот и выпучив глаза.

Он зажмурился на мгновение и снова открыл глаза. И тогда от страха у него задрожали ноги, потом руки и, наконец, даже уши. Он понял, что лев настоящий.

Лев медленно поднялся на ноги. И тогда люди, стоявшие возле клетки, закричали страшными голосами. Одни побежали прочь, закрывая глаза руками, чтобы ничего не видеть. Другие, посмелее, стали бросать во льва землей и песком. От дальних клеток уже мчался сторож, размахивая железным крюком. Бежали работники зоопарка согнутыми и железными пиками в руках.

В этой суматохе никто, даже Мишка, не обратил внимания на то, что Толик достает из коробки еще одну спичку.

Лев присел для прыжка. Чича снова зажмурился; ему легче было умереть с закрытыми глазами.

И вдруг все снова ахнули и замерли.

Рядом с Чичей в клетке неожиданно возник мальчик. Он снял с головы шапку и взмахнул ею. И лев, приготовившийся к прыжку, вдруг поджал хвост и, пятась задом, скрылся в дверце, которая вела в зимнее помещение.

В этот момент подбежал один из работников зоопарка, пустил из огнетушителя струю и окатил Чичу с головы до ног. Чича открыл глаза, поморгал и глупо улыбнулся. Затем он посмотрел на колоду, о которую лев точил свои когти, и хлопнулся в обморок.

Подбежавший сторож трясущимися руками отпирал засов клетки. А со всех концов зоопарка сбегались посетители, узнавшие о происшествии. Они на бегу расспрашивали друг друга о случившемся, и когда собралась громадная толпа, все уже знали, что какой-то сумасшедший парень забрался в клетку ко льву, а какой-то безумный смельчак вскочил в клетку и спас парня.

Чичу выволокли из клетки и положили на скамейку, и доктор стал приводить его в чувство.

Толика обступили со всех сторон. Всем хотелось взглянуть на мальчика, который не испугался дикого льва. Все называли его на «вы» и хвалили наперебой.

Тут подоспел директор зоопарка и стал целовать Толика в обе щеки и жать ему обе руки. Но директора оттеснил высокий человек с фотоаппаратом и стал фотографировать Толика, директора и сторожа. Когда же, наконец, директор опомнился и захотел сдать в милицию главного виновника — Чичу, то возле скамейки он увидел одного лишь доктора.

— Странный случай, — сказал доктор, разводя руками. — Юноша почти не подавал признаков жизни. Я уже думал, что придется вызывать «Скорую помощь». Но стоило мне отвернуться на секунду, чтобы достать шприц из сумки, как он вскочил и бросился бежать...

— Ничего странного, — нахмурился директор. — Хулиган, а отвечать за свои поступки не хочется. Вот и удрал.

— Я имею в виду не это, — сказал доктор. — Он побежал не к выходу, а прямо к забору и перепрыгнул через него...

— Вполне понятно — испугался, — сказал директор. — Тут некогда искать выход.

— Я имею в виду и не это, — сказал доктор. — Взгляните на забор. Высота его примерно метра три. Если не ошибаюсь, мировой рекорд по прыжкам в высоту значительно меньше.

— А ну вас с вашими рекордами, — сказал директор. — Мне сейчас не до рекордов. Идите, пожалуйста, в мой кабинет. Нужно составить акт. Наверняка будет расследование. Человек в клетке — за это, знаете ли, меня по головке не погладят.

А вокруг Толика по-прежнему гудела толпа. Человек с фотоаппаратом снимал Толика и сверху, и снизу, и с боков, расспрашивал его о родителях и об отметках и записывал ответы в книжку. Толик сиял.

Впервые в жизни он почувствовал, как приятно быть героем. Мальчишки смотрели на него с завистью. Мужчины хлопали его по плечу и жали руки. Женщины смотрели на него с восхищением и жалели, что у них нет таких сыновей. Они переговаривались шепотом, и Толик слышал, что у него волевое лицо, мужественный взгляд и горделивая осанка. Такие вещи можно, конечно, слушать хоть до вечера. Но, к несчастью, вмешался директор зоопарка. Подойдя к Толику, он еще раз поцеловал его в обе щеки и повел к себе в кабинет, сопровождаемый большой толпой.

— Подождите! — закричал им вслед высокий фотограф. — Я корреспондент газеты. Мальчик мне еще фамилии не сказал.

— Зайдите потом, — ответил директор. — Мы составим акт. Будет там и фамилия.

Когда Толик и директор вошли в кабинет, там уже был доктор.

— Вот полюбуйтесь на нашего героя, доктор, — торжественно произнес директор.

Доктор взглянул на Толика. А Толик взглянул на доктора и заморгал глазами. Перед ним в белом халате сидел толстяк, который покупал толстые апельсины своим толстым детям.

Доктор шевельнул толстыми бровями, и на лице его появилась толстая удивленная улыбка.

— Я где-то видел вашего героя, — проговорил он. — Постоите! Ну-ка, скажи, тебя забирали когда-нибудь в милицию?

— Меня? — спросил Толик.

— Тебя.

— Ни разу в жизни, — сказал Толик.

— Странно... — протянул доктор.

— Ничего странного! — возмутился директор. — Неужели вы можете допустить, что такой отважный мальчик мог сделать что-нибудь плохое.

— Я имею в виду не это, — сказал доктор. — Я уверен, что я видел его. И каждый раз, как я только его встречаю, случаются чудеса. В тот день, когда я встретил его в первый раз, меня совершенно ни за что забрали в милицию. Сначала этот мальчик шел с милиционером, а потом этот же милиционер задержал меня и привел в милицию. Самое интересное, что милиционер даже не мог объяснить своему начальнику, за что он меня задержал. Сегодня я встречаю этого мальчика во второй раз, и оказывается, что он каким-то образом проник в клетку со львом и спас человека, который тоже попал туда неизвестно как. Все это очень странно...

— Ничего странного, — возразил директор. — Вы просто обознались. А что касается клетки, то я сейчас же уволю сторожа, который забыл ее запереть.

Но только директор произнес эти слова, дверь отворилась и вошел взволнованный сторож.

— Товарищ директор! — сказал сторож. — Я вот все хожу и никак понять не могу. Вы уж извините... Как они туда попали? Клетка-то на засове была, а засов — на замке. На два оборота заперто было.

— А вы уверены? — спросил директор.

— Не я один, все видели, — ответил сторож. — Спросите хоть у кого.

— Странно... — сказал директор и повернулся к Толику. Но он увидел лишь, как мелькнули подметки его ботинок, и услышал, как они простучали по ступеням.

Директор высунулся в окно и увидел, что храбрый мальчик улепetyвает со всех ног к воротам.

— Держите героя! — закричал директор.

Посетители, гулявшие по аллеям, обернулись на его крик, но так как вокруг не было никого похожего на героя, подумали, что кто-то шутит.

— Это очень странно, — проговорил директор, вытирая вспотевший лоб и опускаясь на стул.

— Ничего нет странного, — отозвался доктор. — Просто мы с вами сошли с ума. Позовите скорее доктора.

Уже около самого дома Толика догнал Мишка.

— Ты почему убежал? — спросил он.

— А разве я бежал? — спросил Толик.

— Ты как ненормальный бежал.

— Просто я очень бегать люблю, — сказал Толик.

— Толик... — нерешительно спросил Мишка. — Толик, ты правда был в клетке? И Чичерин был в клетке? Или мне все это показалось?

— А чего особенного? — сказал Толик. — Все так и было.

— Но ведь он стоял рядом со мной. И ты стоял рядом со мной... А потом вдруг — ты в клетке... И я ничего не заметил...

— Я очень быстро прыгнул, — сказал Толик. — Если бы я прыгнул медленно, лев его разорвал бы на кусочки.

— И ты совсем-совсем не боялся?

— А чего тут бояться! Что я — львов не видел?

— А зачем ты убежал от директора зоопарка?

— Они мне тысячу рублей хотели дать за подвиг. Ну, я и убежал из скромности.

— А почему ты сказал, что отец у тебя дрессировщик? Он же не в цирке работает, а в институте.

— Да чего ты все спрашиваешь: «Почему, почему?» Говорят тебе: потому что потому — и все.

Мишка с сомнением посмотрел на Толика. Он еще хотел спросить, когда это Толик научился играть в хоккей лучше мастеров спорта. Но в этот момент ему пришла в голову странная мысль. А может быть, Толик — это не Толик? Настоящий Толик не то что в клетку со

львом, но и в клетку с мышью не полез бы. И в хоккей настоящий Толик играл не лучше других ребят. И еще вспомнилась Мишке мама Толика, которая сегодня совсем не была похожа на прежнюю маму. Прежняя не стала бы хвалить Толика за сломанный велосипед и прятать его от папы.

Чем больше вспоминал Мишка, тем яснее становилось ему, что этот мальчик не Толик, а может быть, какой-нибудь шпион, и мама его тоже не мама, а шпионка или переодетая воровка. Пожалуй, не следовало говорить Толику о своих подозрениях, а нужно было позвать милиционера и задержать Толика, и спросить его, где настоящий Толик, с которым Мишка дружил с первого класса. Но Мишка был человек прямой, хитрить не любил, и он спросил прямо:

— Слушай, ты Толик или не Толик?

Но Толик совсем не удивился, как будто давно ждал этого вопроса. Он закатал штанину, и Мишка увидел на его ноге бородавку, которую они в прошлом году пытались остричь ножницами.

Толик был настоящий.

В ОДИН ИЗ ДНЕЙ НЕДЕЛИ АННА ГАВРИЛОВНА пришла на урок с газетой в руках.

— Прежде чем начать урок, — сказала она ребятам, — я хочу прочитать вам одну заметку о случае в зоопарке.

Ребята положили руки на парты, закрыли тетради и приготовились слушать. Особенно довольны были лодыри, которые не сделали уроков. Они готовы были слушать хоть целый день.

Анна Гавриловна села за стол и раскрыла газету:

— Заметка называется: «Герой остался неизвестным».

Ребята смотрели на нее, широко открыв глаза. Один лишь Толик, скромно опустив голову, ковырял перышком парту.

Анна Гавриловна кончила читать, положила газету на стол и оглядела притихший класс.

— Вот это да! — сказал наконец Саша Арзуханян.

— Исключительно мужественный поступок, — согласился Леня Травин. А Лена Щеглова вздохнула и сказала:

— Вот если бы у нас в классе были такие мальчишки...

— Тут есть фотография, — сказала Анна Гавриловна и лукаво взглянула на Толика. — Как знать, может быть, этот мальчик и на самом деле из нашего класса.

Ребята дружно засмеялись. Они подумали, что учительница шутит. Они стали оборачиваться друг к другу и спрашивать: «Может быть, это ты?» И каждый отвечал: «Ну конечно, это я». А Саша Арзуханян пнул Толика ногой под партой и спросил: «Может быть, это ты, Рыжков?»

— Это я, — сказал Толик.

В классе поднялся дружный хохот. Все знали, что Толик боится даже белых мышей. И Анна Гавриловна тоже смеялась. Но если бы ребята внимательнее на нее посмотрели, то увидели бы, что она все время переводит глаза то на газету, то на Толика.

— Покажите портрет Рыжкова! — смеясь кричали ребята. — Анна Гавриловна, Рыжков говорит, что это он!

Учительница подняла над столом газету.

Те, кто сидел поближе, сразу перестали смеяться. Постепенно замолчали третьи и четвертые ряды. И вот уже на задней парте кто-то хихикнул в последний раз и умолк. Лишь один близорукий Леня Травин продолжал веселиться. Тогда Женя Громов хлопнул его по макушке.

В классе наступила полная тишина. А с газетной страницы на ребят смотрело улыбающееся круглое лицо Толика.

— Рыжков... — в ужасе прошептала Лена Щеглова.

— Значит, это в самом деле был он, Рыжков? — спросила учительница.

— Да, Анна Гавриловна, это я, — сказал Толик.

— Почему же ты не назвал свою фамилию?

— Я боялся...

Ребята засмеялись, но тут же сами зашикали друг на друга. Они не хотели пропустить ни одного слова Толика.

— Чего же ты боялся?

— Я боялся, что меня мама заругает.

Класс просто взорвался радостным хохотом. Это было действительно смешно: человек совсем не боится льва, но ужасно боится мамы. Герой оказался еще и остроумным.

Ребята повскакали с мест и окружили парту Толика. Всем интересно было, как это случилось и кто был человек, которого спас Толик. И каждый хотел дотронуться до Толика и хлопнуть его по спине, потому что не часто удастся хлопнуть по спине такого великого человека, победителя львов. Анна Гавриловна будто и не замечала беспорядка. И ребята расшумелись так, что их услышал в коридоре директор.

Дверь отворилась. Ребята обернулись на скрип. Строго глядя на класс, в дверях стоял директор, который в любую минуту мог исключить кого угодно, даже Анну Гавриловну.

— В чем дело? — спросил директор.

— Я прочитала им газету, — ответила Анна Гавриловна.

— Ага, — сказал директор. Он посмотрел на Толика и строго сказал: — Молодец, Рыжков! Зайдешь ко мне после уроков.

Дверь за директором закрылась.

— Ну, мальчики и девочки, садитесь по местам, — сказала учительница. — Давайте начнем урок. А Рыжков нам потом все расскажет.

Но ребята видели, что говорит она больше для порядка и ей самой не терпится послушать Толика.

— Пускай сейчас расскажет, Анна Гавриловна! Мы потом сами выучим! Ну, один только раз, Анна Гавриловна! Ну, один только маленький урочек, Анна Гавриловна!

— Хорошо, — сказала учительница. — Пусть Рыжков рассказывает, если, конечно, он сам хочет. Такие случаи бывают не каждый день.

Толик поднялся за партой, откашлялся и заговорил, честно глядя в глаза Анны Гавриловны:

— Мы в воскресенье ходили с Мишкой в зоопарк. Он говорит: «Пойдем, пойдем». Вот мы и пошли. Я Мишке билет купил. Потом мы еще эскимо купили. Эскимо медвежата съели, а мы пошли на слона смотреть. А он мне говорит...

— Слон говорит? — спросила учительница под смех ребят.

— Мишка говорит, — невозмутимо ответил Толик. — Он говорит: «Толик, ты бы мог слона съесть?» А я ему говорю: «Не задавай глупых вопросов. Анна Гавриловна нам всегда говорит, что нельзя задавать глупые вопросы». Верно, Анна Гавриловна?

— Верно, верно, ты про льва рассказывай...

— Ничего ты не говорил, — прошептал Мишка, дергая Толика за штанину. Но Толик будто ничего и не заметил.

— А потом мы пошли к медведям. Там такой бассейн и белые медведи плавают. Туда одна девочка упала, и ее на кусочки разорвали...

— Когда?! — дружно ахнули ребята.

— Недавно, — небрежно сказал Толик. — Я уж не помню. Меня там не было. А то бы я ее спас. Я вообще люблю детей спасать. Вы же знаете, как я преступника задержал?

— Нет! — воскликнули ребята.

Толик пожал плечами с таким видом, будто каждое утро ловил по одному преступнику.

— Толстый такой преступник, — сказал он. — С сардельками. Он сарделек украл килограммов сто...

— Рыжков, — перебила Анна Гавриловна, — мы давно уже знаем, как ты ловишь преступников. Я слышала об этом еще в прошлом году. Ты что, и со львом так же сражался?

— Нет, честное слово, в газете правда написана! — возмутился Толик. — Верно, Мишка?

— Правда, Анна Гавриловна, — подтвердил Мишка. — Я сам видел.

— Ну, тогда не отвлекайся, — сказала Анна Гавриловна.

— Тогда я сразу про льва буду, — согласился Толик. — А про преступника потом расскажу. Сначала лев один в клетке сидел. Там народу много было. Но никто близко не подходил. Все боялись. Лев на всех рычал. Мне сторож по секрету сказал, что его давно не кормили. Вот он и злился. Не сторож, конечно, а лев злился. А потом один человек взял и к нему в клетку заскочил. Мне директор зоопарка говорил, что этот человек с товарищем поспорил: кто в клетку войдет. А лев на него как бросится! И схватил его когтями...

На этом месте рассказа Мишка снова дернул Толика за штанину и прошептал:

— Чего ты врешь!

Но Толик видел, что ребята слушают его затаив дыхание и верят каждому его слову. И он продолжал, не обращая внимания на Мишку:

— Тогда все испугались и бросились от клетки. А я не испугался. Мне ни капельки страшно не было. Мне было очень жалко этого человека. Я вообще не люблю, когда львы на людей бросаются. Ну, я и решил его спасти. Взял да как бросился в клетку! А лев на меня как бросится! И схватил меня когтями...

— Оцарапал! — ахнула Лена Щеглова.

— Конечно, — сказал Толик. — У меня вся спина когтями изодрана. Мне потом доктор всю спину йодом смазал. Но я не испугался и тоже на него как брошусь! И тоже его ногтями оцарапал. Тогда он

разбежался и опять как бросится! А я отпрыгнул. Он головой в стенку — бемс! А я на него как прыгну и ногой — бемс! Он так и покатился. Тогда я схватил песку и ему в глаза — бемс!..

— Откуда же ты песок взял? — не выдержала Анна Гавриловна.

— А львам в клетку специально песок насыпают — зубы чистить, — не растерялся Толик.

Анна Гавриловна покачала головой, но ничего не сказала.

— А лев стал глаза тереть лапами, — продолжал Толик. — Тогда я опять ему ногой — бемс! Он испугался и убежал в зимнее помещение. Тогда прибежал сторож и открыл дверцу. А я вышел.

— Как же ты попал в клетку, если она была закрыта? — спросила Анна Гавриловна.

— Я не говорил «закрыта».

— Ты сказал: «Сторож открыл». Но для того, чтобы открыть дверцу, нужно, чтобы она сначала была закрыта.

— Ну, может, она сама захлопнулась. Я на дверцу не смотрел. На меня ведь лев бросался, — ответил Толик и сел.

Анна Гавриловна улыбнулась. По лицу ее было видно, что она очень сомневается в правдивости рассказа. Но зато ребята, кроме Мишки, ни в чем не сомневались. Им ведь никогда не приходилось драться со львами. Они не знали, как это делается. Они поверили каждому слову Толика. Тем более, что фотография в газете была настоящая.

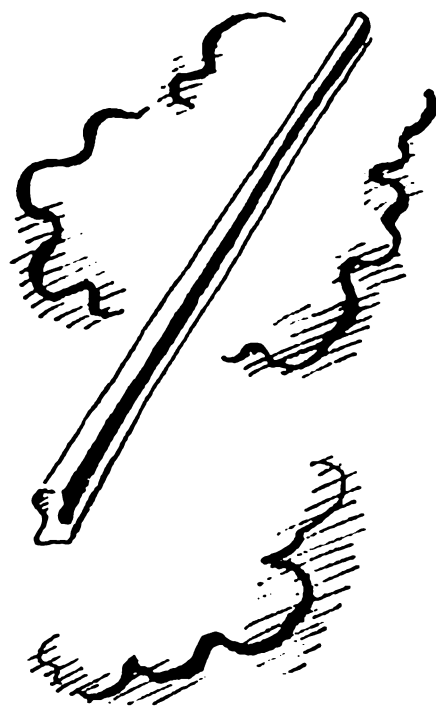
На первой же перемене вся школа знала о подвиге Анатолия Рыжкова из четвертого класса. Малыши смотрели на него с восторгом. Старшеклассники здоровались за руку. И даже учителя, как бы нечаянно, заходили на третий этаж, прогуливались по коридору, и Толик ловил на себе их любопытные взгляды.

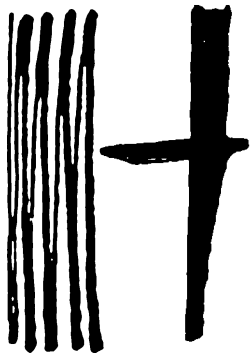
Это был день великой славы!

В киоске около школы были мгновенно раскуплены все газеты. Вырезанные фотографии Толика весь день ходили по рукам и к концу уроков истрепались до дыр. В пионерской комнате срочно писали заметку под заголовком: «В нашей школе есть герой». А председатель совета дружины ходил к директору и предлагал назвать их школу именем А. Рыжкова.

В этот день Толик пожал столько рук и выслушал столько поздравлений, что, придя домой, даже не стал ужинать, а повалился на диван и сразу уснул. Он не слышал, как мама осторожно сняла с него ботинки, одежду и перенесла его на постель. Мама укрыла Толика одеялом и долго еще стояла около постели и смотрела, как ее сын улыбается во сне, и радовалась. Она знала, что улыбаться во сне могут только очень хорошие люди.

13.

А КАТКЕ ДЕЛА У ТОЛИКА ШЛИ БЛЕСТЯЩЕ. ПО правилам, ему еще не разрешалось играть за взрослых и даже за юношей. Толик играл за детскую команду. Но это была не игра, а избивание младенцев.

Мишка тоже приходил на каток. Тренировался он вместе с остальными ребятами. Поиграть им давали редко, они все больше занимались физической подготовкой. И очень часто Толик замечал, что Мишка с завистью поглядывает на него, когда он мчится на коньках, умело ведя шайбу. Мишку тренер тоже иногда похваливал. Но не за хорошую игру, а за смелость. Мишка не боялся лезть в самую жестокую свалку. Его часто сбивали с ног, и он грохался на лед, но поднимался и, не обращая внимания на синяки, снова бросался в атаку. Если, конечно, это можно было назвать атакой. Играл Мишка еще неважно. И хотя тренер говорил, что со временем из него может получиться неплохой игрок, никакого сравнения с Толиком даже и быть не могло.

На каток ребята приходили вместе. Но до конца занятий они уже не встречались. Мишка отпрашивался в спортзал заниматься физической подготовкой, а Толик надевал хоккейную форму и посылал по льду, показывая чудеса. И получалась странная вещь. Чем больше разрасталась слава Толика, тем меньше становилась его дружба с Мишкой. Мишка как будто и не особенно завидовал. Наоборот, он смотрел на Толика с уважением. Но уважения было, пожалуй, слишком много. Уж очень знаменитым становился Толик, чтобы с ним можно было разговаривать запросто.

Толику хотелось, чтобы Мишка восхищался им, как и все остальные. А Мишка держался немного в сторонке, будто ему было неловко заговаривать с таким знаменитым человеком.

Однажды Толик совсем было решил истратить одну спичку и сделать так, чтобы и Мишка играл не хуже его. Но тут же он подумал, что тогда славу тоже придется делить поровну. Это было уже совершенно не обязательно.

И Толик не стал тратить спичку.

Наконец во время тренировки тренер Алтынов вызвал Толика с поля, повел его в медицинский кабинет.

— Я хлопотал, чтобы тебе разрешили играть за взрослых, — сказал он. — Приехала специальная комиссия. Они тебя хотят осмотреть. Ты там держись как следует, понятно?

— Чего тут не понять? — ответил Толик. — Пускай они лучше посмотрят, как я играю.

— Они уже смотрели, но ты их не видел, они потихоньку смотрели.

За столом в медицинском кабинете сидели четыре человека. Один из них был врач стадиона. Остальных Толик не знал, но было сразу

видно, что это профессора или даже еще почище, потому что все были в очках.

Когда Толик вошел, он увидел, что профессора смотрят на него с нескрываемым удивлением.

— Здравствуйте, — сказал Толик.

Профессора закивали головами.

— Разрешите мне? — спросил один из профессоров, у которого были очки с двойными стеклами. Он показался Толику самым главным.

— Пожалуйста, коллега, — ответил профессор, у которого были очки с простыми стеклами.

— Прежде всего, молодой человек, — сказал главный профессор, — ответь мне: где ты научился так хорошо играть?

— Я во дворе играл, — ответил Толик.

— Ты хочешь сказать, что, играя во дворе с мальчиками твоего возраста, ты научился играть в силу мастера спорта?

— Еще и получше, — сказал Толик. — Я лучше всех в мире играю.

— Гм, — сказал главный профессор. — Отсутствием скромности молодой спортсмен не страдает. Теперь слушай меня внимательно. Я буду говорить тебе разные слова, а ты отвечай первое слово, которое придет тебе в голову. Это игра такая. Понял?

— Чего тут не понять? — сказал Толик.

— Я начинаю. Слушай внимательно. Груша!

— Яблоко.

— Петух!

— Курица.

— Ложка!

— Вилка.

— Кошка!

— Собака.

— Коробок!

— Волшебный.

— Как ты сказал? — удивился главный профессор. — Почему волшебный? Что значит волшебный?

Толик испугался. Он понял, что печально проговорился. Он подумал: сейчас профессор отнимет у него волшебный коробок и выгонит вон. И тогда все поймут, что Толик не такой уж замечательный человек, каким кажется с первого взгляда.

Толик попятился к двери, прижимая руку к карману, в котором лежал коробок.

— Ты меня боишься? — спросил профессор.

— Нет, — сказал Толик. — Я просто так... Мне уже в школу пора.

Профессор наклонился к остальным профессорам, и они зашептались. Толик тоскливо поглядывал на дверь, воображая, как бы получше

удрать. Он думал, что неплохо было бы их всех превратить в червяков, чтобы они не задавали неудобных вопросов.

— В общем, психика в норме, — сказал наконец главный профессор. — Хотя и не понимаю, при чем тут волшебный коробок. Пойдем дальше.

Теперь Толик перешел в распоряжение профессора с простыми стеклами. Ему послушали сердце и легкие. Заставили подуть в резиновый шланг. Затем ему здорово намяли живот — так, что больно стало. Засунули в рот ложку и заставили сказать «а-а-а». Толик чуть не подавился этой ложкой. Но он видел, что профессора одобрительно покачивают головами, и терпел.

— Ну что ж, — сказал главный профессор. — Все прекрасно. Нормально развитый мальчик.

— Спасибо, доктор, — обрадовался тренер Алтынов. — Теперь мы включим его в тренировочный состав сборной СССР.

— К сожалению, это невозможно, — покачал головой профессор. — Я сказал: «Нормально развитый мальчик». Это вовсе не значит, что ему можно играть со взрослыми. Он не выдержит напряжения. Для взрослых команд он недостаточно физически развит.

— Он играет лучше любого взрослого! — сказал тренер.

— Да, — отозвался профессор, — это, конечно, чудо. Это просто необъяснимо. И все же придется несколько лет обождать. Я не имею права. Мне самому очень жалко, но ничего не поделаешь.

— Что такое «недостаточно физически развит»? — спросил Толик, когда они вместе с тренером вышли из кабинета.

— Это значит, у тебя силы мало, — сказал тренер и вздохнул. — Не разрешают тебе играть за взрослых.

— А чего мне с малышами делать?!

— Это верно, — согласился тренер Алтынов. — Но раз комиссия решила... Вот если бы у тебя силенки побольше было...

— Я, может быть, сильнее всех в мире! — рассердился Толик.

— Не хвастайся. Побольше скромности.

— А чего мне скромность, — сказал Толик, — я вот им сейчас докажу.

И Толик побежал назад к лестнице. У двери кабинета он на минуточку задержался. Что он там делал, тренер не видел. Но вот открылась дверь, и на лестницу вышла комиссия.

Впереди важно шел главный профессор. За ним гуськом шли остальные. Толик остановился у них на пути.

— Дяденька, — сказал он главному профессору, — вы не верите, что я очень сильный?

— Верю, верю, — улыбнулся главный. — Разреши пройти, мальчик.

И тут тренер Алтынов увидел, что его ученик легко поднял одной рукой главного профессора, а другой рукой поднял профессора с про-

стыми стеклами и понес их вниз по лестнице. От удивления они даже не сопротивлялись. Лишь в самом низу лестницы главный профессор ономнился и лягнул Толика ногой. Но Толик даже не почувствовал удара. А у профессора на пятке появился синяк.

Внизу Толик поставил их на землю. Затем он взял железную балку, которую привезли для починки трибуны, размахнулся и швырнул ее вверх. Со свистом, как ракета, балка взвилась в синее небо и исчезла. Она упала далеко за городом, но этого никто не видел. Зато профессора видели, как Толик поднял кирпич, сжал его в кулаке и раскрошил на кусочки. Потом он взял трехметровую статую хоккенста, стоявшую у входа на лестницу, покидал ее с ладошки на ладошку и аккуратно поставил обратно. В завершение всего Толик выбрал из кучи бревен одно, самое толстое, и без усилия, словно щепку, переломил его об колено. Затем он подошел к профессорам и спросил:

— Видали, какой я сильный?

Главный профессор растерянно смотрел то на сломанное бревно, то на тяжеленную статую, которая мирно стояла на своем месте.

— Вы что-нибудь видели, коллега? — спросил он.

— А вы что-нибудь видели, коллега? — ответил профессор с простыми стеклами.

— Мне что-то показалось.

— И мне что-то показалось.

— Возможно, нам только показалось? — неуверенно сказал главный профессор.

— Да, это нам только показалось, — вздохнул профессор с простыми стеклами. — Ведь этого не может быть.

— Не может, — согласился главный профессор.

Профессора, испуганно поглядывая на Толика, сели в свою машину и уехали, так и не разрешив Толику играть за взрослых. Толик вздохнул и побрел в раздевалку переодеваться.

— Рыжков! — окликнули его сзади.

Толик остановился. Вытирая вспотевший лоб, к нему быстро подходил тренер.

— Что это значит, Рыжков? — спросил тренер, кивая на сломанное бревно.

— Я нечаянно, — скромно ответил Толик.

— Нечаянно?! — закричал тренер Алтынов. — Ты говоришь, «нечаянно»? Хотел бы я видеть человека, который может сделать это нарочно!

— Я же не виноват, что я такой сильный родился.

— Слушай, Рыжков, — тихо спросил тренер. — Объясни мне, пожалуйста, кто ты. Ты человек? Или ты бог? Или ты сумасшедший? Я слово даю — никому не скажу. Как ты это сделал?

— Это очень просто, — усмехаясь сказал Толик. Он взял еще

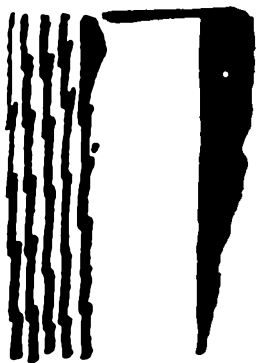
бревню и так же легко переломил его о другое колено. — Нужно только нажать посильнее — и все.

— Иди домой, Рыжков, — устало сказал тренер. — Я ничего не понимаю. Приходи послезавтра. Мы с тобой поговорим. А сегодня я очень устал.

Схватившись за голову, тренер побрел обратно в медицинский кабинет, чтобы спросить у доктора, нет ли каких-нибудь порошков от сумасшествия. Тренер думал, что у него начинаются галлюцинации. Хорошо еще, что он не видел, как Толк, рассерженный тем, что ему все-таки не разрешили играть за взрослых, подошел к грудке бревен, пнул ее, и она рассыпалась, как будто была из спичек.

Тренер не знал, что он только что разговаривал с самым сильным человеком в мире.

ПОСЛЕ СОБРАНИЯ, НА КОТОРОМ ТОЛИК УЖЕ В ДЕСЯТЫЙ РАЗ РАССКАЗЫВАЛ О СВОЕЙ ПОБЕДЕ НАД ЛЬВОМ, К НЕМУ ПОДОШЛА ЛЕНА ЩЕГЛОВА. ТЕПЕРЬ ОНА РАЗГОВАРИВАЛА С ТОЛИКОМ ОЧЕНЬ УВАЖИТЕЛЬНО.

— Рыжков, — сказала Лена, — у нас к тебе есть просьба. Мы хотим выставить твою кандидатуру в старосты класса. Ты как на это смотришь?

— Валяйте, — согласился Толик. — Могу и старостой.

— Кроме того, — сказала Лена, — к Первому мая мы готовим концерт для родителей. Ты обязательно должен выступить.

— А чего я буду делать?

— Ничего. Просто расскажешь про свой мужественный поступок. Ну, про льва.

— Я уже сто раз рассказывал.

— Ну и что же, — сказала Лена. — Каждый будет делать, что умеет. Леня Травин, например, будет играть на скрипке.

— Я и сам могу на скрипке, — небрежно сказал Толик. — Даже почище твоего Травина.

— Ты?!

— Я. Могу еще танцевать. Могу петь. Все что угодно могу.

— И на пианино играть?

— Хоть на двух пианино.

Лена с сомнением посмотрела на Толика. Но спорить с героем ей не хотелось. Еще обидится и выступать не будет.

— Тогда приходи на репетицию, — сказала Лена.

— Я и без репетиции могу.

— А как тебя объявлять?

— Объявите, что выступает Рыжков — и все.

— Спасибо, — сказала Лена. Она протянула Толику руку. Толик взял ее ладонь в свою, и вдруг Лена закрутилась на месте и завизжала. Толик сначала не понял. А Лена, чуть не плача, трясла рукой и дула на побелевшие, слипшиеся пальцы.

— Сумасшедший! — кричала она. — Что я тебе, лев, что ли! Чуть руку не раздавил!

Толик совсем забыл, что он был теперь самым сильным человеком в мире.

До конца дня Толик неплохо повеселился. Он ходил по школе и пожимал руки. Это было очень интересно. Особенно если пожимать руки старшеклассникам. Встретит какого-нибудь десятиклассника. Тот скажет: «А-а-а, победитель львов...» Толик скажет: «Да, это я», — и протянет руку. Десятиклассник небрежно протягивает ему ладошку, а в следующую секунду начинает корчиться и плясать на месте.

После третьей перемены все уже знали, что у Толика Рыжкова стальное рукопожатие, и никто не рисковал протягивать ему руку. Бо-

роться с ним тоже никто не хотел, потому что любого Толик швырял на землю одним мизинцем. Слава Толика росла с каждой минутой.

Правда, были тут и некоторые неудобства. Играя на большой перемене в пятнашки с мячом, Толик чуть не насквозь пробил мячом Сашу Арзуханяна. Не то чтобы очень насквозь, но синяк под лопаткой получился здоровенный. После этого никто не захотел играть с Толиком. Все боялись. И Толик ходил по двору один со своей славой. А ребята поглядывали на него с почтением, но близко не подходили.

Лишь один Мишка, которому жалко стало, что Толик ходит один, подошел к нему и сказал:

— Ну, давай поиграем во что-нибудь.

— Чего с вами играть! — ответил обиженный Толик. — Трусые вы все, вот что.

— Никто не трусит, — сказал Мишка. — Просто ты очень сильный. С тобой неинтересно. Тебе же вот со мной в хоккей неинтересно играть. И с Ботвинником тебе в шахматы тоже было бы неинтересно играть. Он тебя в два счета обыграет.

— Я сам могу хоть трех Ботвинников обыграть, — сказал Толик, — да мне не хочется.

По старой привычке Мишка постучал пальцем по лбу, но вышло это у него как-то невесело.

— Ладно, — сказал он, — ты сначала со мной сыграй.

В шахматы Толик играть не умел. Но за последнее время он привык к похвалам и даже не представлял себе, что у него может что-то не получиться. Сам того не замечая, все подвиги, которые он совершил с помощью коробка, Толик приписывал одному себе. Он, конечно, помнил о коробке, но ведь он и на самом деле стал самым сильным и самым ловким. А из-за чего это произошло — это уже неважно.

Толику было просто смешно, что Мишка осмеливается спорить с таким великим человеком.

— Я тебя левой рукой могу на Луну забросить, — сказал Толик.

— Ты сначала меня в шахматы обыграй.

— Да я могу... Я все могу!

— Ну, а в шахматы?..

— С закрытыми глазами! — гордо сказал Толик.

— Тогда приходи ко мне после уроков. Можешь даже с открытыми.

После уроков Толик, не заходя домой, отправился к Мишке. Мишкина мама покормила их ужином, и они сели за шахматную доску.

Первый ход сделал Мишка. Толик закрыл глаза и двинул пешку. Мишка усмехнулся и двинул слона. Толик двинул еще пешку. Мишка передвинул какую-то совсем неизвестную Толику фигуру.

-- Можешь открывать глаза, — сказал Мишка. — Тебе мат. Называется «детский мат».

— Почему это «детский»? — возмущился Толик.

— Потому что на такой мат попадают одни малыши. Которые совсем играть не умеют.

— Уж ты молчи, — сказал Толик. — Ты вот ко льву в клетку не полез!

— А я ничего и не говорю, — ответил Мишка. — Я и не говорю, что полез. А ты говоришь, что меня обыграешь. Вот и обыгрывай.

— Я могу и к тигру полезть!

— Я не про тигра, — сказал Мишка. — Я про шахматы.

Следующую партию Толик играл с открытыми глазами. Она закончилась ровно через пять ходов. Толик снова получил мат. Все еще надеясь на случайное чудо, Толик проиграл и третью и четвертую. После пятой партии Толик начал злиться.

— Дурацкая игра! — объявил он. — Клеточки всякие, фигурочки.

— Обыкновенная игра, — возразил Мишка. — Только тут думать надо.

— А я что — не думаю?

— Плохо думаешь.

— Значит, я дурак?

— Просто ты играть не умеешь, а хвастаешься.

— Я хвастаюсь?!

— А то я, что ли!

— Да я могу к трем тиграм в клетку залезть!

Мишка усмехнулся и стал собирать фигуры. А Толик — великий и могучий Толик! — почувствовал, что еще одна секунда — и он разорвет Мишку на мелкие кусочки. И очень хорошо, что эта секунда не настала. Толик быстро сообразил, что если он разорвет Мишку на кусочки, то ему не с кем будет рассчитаться. А как рассчитаться, Толик уже придумал. Он не позволит, чтобы над ним смеялся бывший друг, а теперь — жалкий, мелкий и слабосильный Мишка Павлов, который не может даже переломить бревно о колено. Толик сам над ним посмеется.

Толик сунул руку в карман.

-- Чего ты там шепчешь? — спросил Мишка.

— Сейчас узнаешь! Ставь шахматы.

Первую партию Мишка проиграл на четырнадцатом ходу. Вторую — на пятнадцатом. Третью — на двенадцатом.

Толик ходил не задумываясь.

За него все само думалось.

— Толик, ты же раньше никогда не играл в шахматы, — с удивлением сказал Мишка.

— Я притворялся, — небрежно ответил Толик. — Давай еще партию!

Мишка внимательно посмотрел на Толика и как будто хотел что-то спросить, но не спросил, потому что в эту минуту в комнату вошел Мишкин папа.

— Сражаетесь, молодежь? — сказал папа. — Одобряю. Это гораздо лучше, чем в футбол гонять. Ну, и кто же кого?

— Он меня все время обыгрывает, — сказал Мишка.

— Что-то я не помню, чтобы Толя увлекался шахматами, — сказал папа.

— Я потихонечку, — пояснил Толик. — Я все время сам с собой играл.

— Ты сыграй с ним, — предложил Мишка. — Он здорово играет.

— Боюсь, что ему будет со мной неинтересно, — сказал папа. — Все-таки у меня — первая категория.

— Ничего. У меня категория еще меньше, — подбодрил папу Толик, который не знал, что первая категория вовсе не самая слабая, а самая сильная.

Мишка еще раз расставил фигуры.

После пятого хода Мишкин папа сказал:

— Гм...

После десятого хода папа сказал:

— Ого!

Толик двигал фигуры молниеносно. И после каждого его хода папа надолго задумывался и почесывал подбородок. Мишка с тревогой следил за папой. Он знал, что, в отличие от остальных людей, в трудных положениях шахматисты скребут не затылок, а подбородок.

После семнадцатого хода папа несколько оживился и сказал:

— Ну-ка, ну-ка, тэк-с, тэк-с, тэ-э-эк-с...

Мишка знал, что на языке шахматистов, в отличие от языка остальных людей, это означает: «Вот тут-то ты, братец, и попался». Очевидно, до полной папиной победы оставалось всего несколько ходов.

После двадцать первого хода папа сказал:

— Ну и ну!

А после двадцать третьего хода папа потерял фигуру и сдался, потому что, в отличие от остальных людей, шахматисты сдаются при первой возможности.

— Толик! — торжественно сказал папа. — Ты знаешь, что ты талант?

— Знаю, — ответил Толик.

— Когда ты так научился играть?

— Понемножку, — сказал Толик. — Хотите еще сыграть?

— С удовольствием, — сказал папа, расставил шахматы и быстро проиграл еще одну партию.

— Это просто невероятно! — воскликнул папа. — Ты расправляешься со мной как с ребенком. Тебе обязательно нужно участвовать в соревнованиях.

— Некогда, — скромно ответил Толик. — Уроков очень много.

— Знаешь, папа, он вообще очень способный, — сказал Мишка, как-то странно глядя на Толика. — Он и в хоккей лучше всех играет, и сильнее всех в школе, и даже зверей не боится.

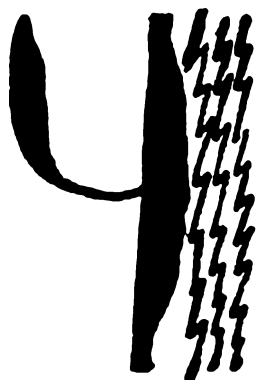
— Вот ты и бери с него пример, — посоветовал папа. — Всегда надо брать пример с лучших.

— Я-то беру... — начал было Мишка, но замолчал, увидев, что Толик грозит ему кулаком. Мишка не испугался кулака. Он просто подумал, что рассказывать папе про чудеса будет нечестно, раз Толик сам этого не хочет.

Все же, провожая приятеля до лестницы, Мишка не мог не думать над тем, почему он не рассказывает ни своим маме и папе, ни вообще близким о своих подвигах. Мишка не мог этого понять. Впрочем, объяснить этого не мог никто, кроме самого Толика. А он молчал.

15

ЕМ БЛИЖЕ ПРАЗДНИК, ТЕМ ЛУЧШЕ У ЛЮДЕЙ НАстроение. Особенно если такой праздник, как Первое мая. Ведь это праздник весенний, и, значит, после него еще будет долгое, веселое и свободное лето.

По городу уже развесили флаги и гирлянды разноцветных лампочек. На площадях стояли гигантские глобусы, вокруг которых бегали маленькие спутники. Уже плакали во дворах малыши, раздавившие свои первые шарики; но слезы эти были недолгие и какие-то праздничные.

Во всех школах ребята тоже готовились к празднику. Они сочиняли стихи, разучивали песни, готовили самодеятельные концерты и писали на досках: «Последний день — учиться лень, и просим вас, учителей, не мучить маленьких детей». Учителя не обижались на такие надписи, — им тоже хотелось, чтобы скорее наступило Первое мая.

Один лишь Толик побаивался этого дня. Великий человек Анатолий Рыжков — победитель львов, непревзойденный хоккеист, сильнейший человек в мире — трусил, как самый ничтожный дошкольник. Он мог переломить бревно о колено и обыграть в шахматы Ботвинника. Но рядом с Толиком жили обыкновенные люди. Они умели делать обыкновенные вещи. И если кто-то из них после десяти лет упорного труда становился знаменитым шахматистом, то это тоже было вполне обыкновенно. Но Толик умел делать одни лишь чудеса. Это становилось опасным. Толик начал беспокоиться.

Конечно, коробок был у него. Можно было потратить несколько спичек, и все забыли бы, что есть на свете такой волшебник Толик Рыжков, и перестали бы обращать внимание на его чудеса. Но ведь чудеса только тогда и хороши, когда на них обращают внимание. Что толку от твоей силы и смелости, если ее никто не видит и не удивляется. Что толку от твоих пятерок, если тебя за это не хвалят. Ведь как приятно, что Чича теперь боится подходить к Толику ближе чем на сто метров! А если Чича все забудет, то в первый же день Толик получит от него по шее.

Нет, все-таки хорошо быть волшебником! Хорошо, если одним движением пальцев можно сделать то, на что другой потратил бы годы! И пускай все завидуют!

Вот только что делать на школьном концерте? Первое мая уже на носу, но еще ничего не удалось придумать. Хорошо бы посоветоваться с Мишкой, но тогда ему нужно все рассказывать. Кроме того, в последнее время Мишка как-то странно стал поглядывать на Толика, — наверное, завидует. Так ему и надо! Пусть завидует. А на концерте Толик выступит, как и обещал Лене Щегловой. Он не будет делать никаких чудес, а прочитает какое-нибудь стихотворение из «Родной речи».

Стихотворение Толик учил два дня. Он совсем отвык учить и подолгу бессмысленно глядел на строчки. Стихотворение не запомина-

лось. Но спичку он все же тратить не стал, выучил сам половину. Дальше никак не училось. Толик решил, что половины будет вполне достаточно.

И вот наступило 29 апреля. К шести часам вечера в школе собрались принаряженные родители. Пока ребята таскали в зал стулья, родители степенно прохаживались по коридорам, познакомились друг с другом. Папы потихоньку, совсем как старшеклассники, бегали курить в уборную.

Папа Толика быстро нашел какого-то любителя футбола, и они вдвоем пинали ногами воздух, показывая, как нужно бить мяч резаным ударом «сухой лист».

Лена Щеглова, похожая на парашют в своем капроновом платье, утащила Толика за кулисы.

— Ты с чем выступать будешь?

— Стихотворение, — ответил Толик. — Законное. «Широка страна моя родная».

— Это же песня!

— Ничего, — сказал Толик. — Законно будет.

Лену позвали, и она убежала. Толик покосился на Леню Травина, стоящего рядом со скрипкой.

— Скрипеть будешь?

Леня с презрением посмотрел на Толика и затряс кистями рук, разминая свои музыкальные пальцы.

— Ты не очень долго скрипи, — посоветовал Толик. — А то все мухи сохнут.

— Мне перед выступлением волноваться нельзя, — сообщил Леня, — а то бы я тебе дал.

— А ты после выступления дай, — посоветовал Толик, но тут же вспомнил, какой он великий человек, и перестал задираться. Стоило ли тратить слова на какого-то ничтожного Травина.

Когда открылся занавес, родители дружно зааплодировали, хотя сцена была еще пустая. Затем вышла Щеглова-парашютик и радостно объявила:

— Начинаем концерт учащихся младших классов, посвященный празднику Первого мая.

Дальше Щеглова не успела ничего сказать, потому что на сцену выбежали четыре первоклассницы. Они стали танцевать польку. Одна первоклассница все время путала. То она отставала от подруг и кружилась одна, а то вдруг останавливалась и смотрела, как будто не понимая, что делают остальные. В зале смеялись. И только под конец все поняли, что она делала это нарочно, изображая артистку-растеряшку.

Первоклассницам хлопали очень долго. Одна женщина хлопала так, что свалилась со стула. Потом оказалось, что это была мама растеряшки.

Следующим номером выступал Леня Травин. Он вышел на сцену и поклонился. За это ему похлопали. Затем он провел смычком по струнам, и все затихли, думая, что он уже начал играть. Но оказалось, что он пиликал просто так, настраивая скрипку. Но вот, наконец, он заиграл. Это была протяжная и грустная музыка. И сам Леня стал сразу какой-то грустный и тонкий. От его вида и от его музыки у Толика вдруг пересохло горло и задрожали колени. Он вспомнил, что следующий номер его. Уж лучше бы этот несчастный Травин играл что-нибудь другое. Например, песню из кинофильма «Человек-амфибия»: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал...» Эту песню знали в школе даже первоклассники. Она страшно веселая. От нее настроение улучшается. Но Травин играл совсем не то. Тем не менее после окончания ему долго хлопали. А один мужчина кричал «бис!» так громко, что с потолка сыпался мел. Потом оказалось, что это папа Лени Травина.

И вот на сцену вышел Толик. Он сразу увидел своего папу, который сидел в первом ряду и о чем-то переговаривался с директором. Толику стало нехорошо. Ведь директор мог рассказать папе про льва и про все остальное. Толик стоял и глядел на папу, стараясь услышать, о чем он говорит. Толик совсем забыл, что стоит на сцене. Тогда в зале, подбадривая его, стали дружно хлопать. Толик с недоумением посмотрел в зал и вспомнил, что ему нужно читать стихотворение.

— Широка страна моя родная, — дрожащим голосом сказал Толик и замолчал.

В зале выжидающе затихли.

— Много в ней... в ней... Много в ней!.. — крикнул Толик и снова замолк. Он забыл слова.

— Лесов, — подсказали из зала.

— Лесов... — повторил Толик.

— Полей!

— Полей... — повторил Толик.

— И рек! — громко и озорно подсказал тот же голос.

— И рек... — согласился Толик.

В зале засмеялись. Папа перестал разговаривать с директором. А Толик с ужасом понял, что остальные слова он забыл. Проще всего было бы убежать со сцены. Но тогда одним ударом была бы сметена слава Толика, которая досталась ему с таким трудом. Толик пытался вспомнить хоть какое-нибудь стихотворение, но то, что он учил раньше, уже забылось, а домашние задания вспоминались ему только тогда, когда нужно было отвечать урок.

В общем, Толик стоял с открытым ртом на ярко освещенной сцене, за кулисами металась растерянная Лена Щеглова, около рояля хихикал Травин, прикрывая рот своими музыкальными пальцами, а в зале взрослые шикали на ребят, чтобы они не смеялись и не смущали Толика.

И вдруг Толик вспомнил! Он вспомнил стихотворение, которое они когда-то сочинили с Мишкой. Правда, они не все написали сами. Они немного поглядывали в стихотворение Пушкина. Но сейчас Толику было все равно — лишь бы не молчать.

— У лукоморья дуб зеленый... — сказал Толик.

В зале затихли.

— Златая цепь на дубе том.

И днем и ночью кот ученый

Котенка кормит молоком...

По залу прокатился шепот. А Толик, ничего не замечая, читал строчки, которые уже сами собой лезли ему в голову:

— Над златом чахнет царь Кощей,

И ловит слон в лесу лещей.

Там на неведомых дорожках

Верблюды пляшут в босоножках...

Первыми не выдержали ребята. Они захохотали, и вслед за ними засмеялись взрослые. В зале поднялся ужасный шум. А Толику казалось, что все смеются потому, что он такой остроумный, и он, чтобы его было слышно еще лучше, закричал изо всех сил:

— Там в облаках перед народом

Лягушка стала пешеходом...

Но в зале стоял такой шум, что Толика уже никто не слышал. И взрослые и ребята хохотали изо всех сил. Не смеялся лишь папа Толика. У него было очень растерянное лицо. Он оглядывался по сторонам с таким видом, будто искал дверь, в которую можно было удрать. И лишь теперь, когда взглянул на папу, Толик понял, что все смеются над ним, Толиком.

Покраснев от обиды, Толик бросился со сцены. За кулисами он, как вихрь, пронесся сквозь толпу первоклассников, готовящихся к выступлению, сбил с ног одного мальчика и одну девочку, оттолкнул Лену Щеглову, которая хотела его задержать. Лена пролетела метра три по воздуху, упала на большой барабан и заплакала. А Толик выбежал в коридор.

Он свернул за угол и, уткнувшись во что-то мягкое, остановился.

Перед ним, морщась от боли, стояла Анна Гавриловна.

Толик подумал, что теперь, когда он сорвал концерт и чуть не сбил с ног Анну Гавриловну, его уже ничто не спасет. Он быстро сунул руку в карман, где побрякивали в коробке спички. Но Анна Гавриловна сказала:

— Не надо так расстраиваться, Толя. Ничего особенного не случилось.

Толик поднял голову и взглянул на Анну Гавриловну недоверчиво, думая, что и она над ним смеется. Анна Гавриловна и вправду улыбнулась, но как будто бы через силу. Наверное, было все-таки больно. Ведь Толик головой угодил ей прямо в живот.

— Ничего особенного, — говорила Анна Гавриловна. — Ты просто позабыл все от волнения. Это хоть один раз в жизни обязательно случается с любым человеком. Я, когда проводила свой первый самостоятельный урок, тоже все позабыла и убежала из класса так же, как и ты со сцены.

— Они смеются... — насупившись, проговорил Толик.

— А ты сам бы разве не смеялся? Вот представь себе, что ты сидишь в зале, а на сцене пляшут в босоножках верблюды.

Толик улыбнулся и вытащил руку из кармана.

— Все равно я туда не пойду.

— Тебя никто и не заставляет. Иди домой, успокойся. И помни, что я сказала: ничего особенного не произошло.

— А мне не попадет, что я концерт сорвал?

— Ты ничего не сорвал. Там уже идет следующий номер.

Толик смотрел вслед Анне Гавриловне и думал, что не все прошло бы для него гладко, если бы она знала, что Лена Щеглова пролетела три метра по воздуху. Но тут Толик виноватым себя не считал. Все вышло совершенно случайно, просто потому, что он был самым сильным человеком в мире. А вспомнив, что Лена никогда не жаловалась учителям, он совсем успокоился.

И все же какое-то тоскливое и неприятное чувство возникло у него после разговора с Анной Гавриловной. Как будто он был в чем-то виноват и никак не мог избавиться от этой вины. И как будто оттого, что учительница не стала его ругать, а посочувствовала, становилось еще тоскливее. Спускаясь по лестнице, Толик старался вспомнить, в чем же он провинился перед Анной Гавриловной, но так и не вспомнил.

Все же на нижней ступеньке лестницы он, колебавшись, сунул руку в карман, переломил спичку и прошептал:

— Пускай у Анны Гавриловны все пройдет, если я ее ушиб.

Но Толик не был уверен, что это его главная вина. Главной он так и не смог вспомнить. Впрочем, это не так уж важно. Пока в кармане есть коробок, ошибки исправлять так же легко, как и делать.

Толик распахнул дверь на улицу и застыл на месте.

Перед школой, заложив руки за спину, прохаживался папа.

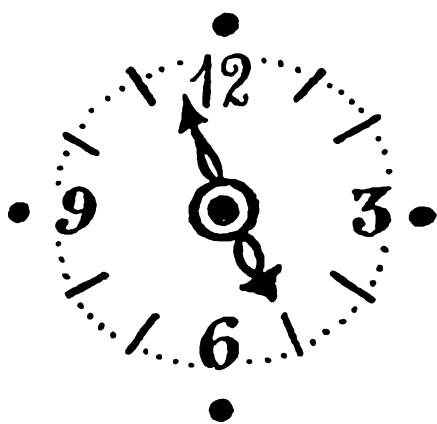
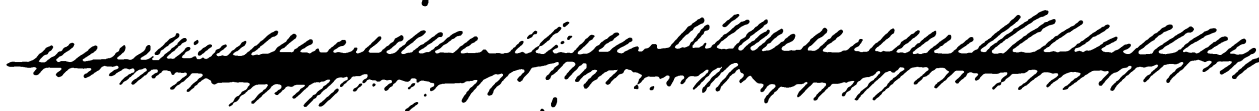
— Иди сюда, — сказал папа.

— Зачем? — растерянно спросил Толик.

— А вот узнаешь зачем, — загадочным тоном сказал папа.

16.

В

КОМНАТЕ БЫЛО ОЧЕНЬ ТИХО, И, КОГДА ПАПА замолкал, Толик слышал, как на его руке тикают часы. Они тикали назойливо и нахально. В эту минуту Толику очень хотелось оказаться где-нибудь в другом месте, чтобы не нужно было отвечать на папины вопросы. Коробок тут помочь не мог. Отвечать все равно когда-нибудь пришлось бы.

— Я разговаривал с директором. Он рассказал мне про какую-то историю со львом. Что это за история?

Толик молчал.

— Очередная ложь?

— Это правда, — тихо сказал Толик.

— Я тебе не верю!

— Честное слово!

— Твое слово редко бывает честным.

Толик молча достал из своего портфеля газету и показал папе.

— Ну и что же? — сказал папа. — Тут ясно сказано: «...остался неизвестным». Просто какой-то мальчик, очень похожий на тебя. А ты воспользовался этим сходством. Ведь ты даже белых мышей боишься. Ни о каких львах и речи быть не может!

— Честное слово, это я!

— Толя, ведь ты уже взрослый мальчик, — устало сказал папа. — Разве ты не видишь, что мы с мамой хотим тебе добра? Мы хотим, чтобы ты вырос честным человеком. Разве мы тебе враги, что ты нам все время лжешь?

— Я не лгу. Вот я сегодня совсем не лгу! — с обидой сказал Толик.

— Хорошо. Оставим льва в покое. Как ты считаешь, разбираюсь я немного в хоккее?

— Разбираешься.

— Так вот, я не могу понять, каким образом одиннадцатилетний мальчик вдруг начинает играть в силу мастера спорта. Это тоже правда?

— Правда.

— Толик, подумай, прежде чем ответить. Мы с тобой уговорились, что будем разговаривать честно. Ведь я тебя никогда не наказывал. Я и сейчас не собираюсь тебя наказывать. Но, пожалуйста, говори правду.

— Это правда! — сказал Толик. — Правда! Правда! Правда!

— Тогда объясни, как это у тебя получается.

Толик молчал. Снова громко и назойливо затикали часы.

— Или ты просто над нами издеваешься — надо мной и мамой?

— Я не издеваюсь.

— Так где же ты научился играть, черт возьми?! — закричал папа.

- Я не учился...
- А что же?
- Все само получилось.
- Как это «само», по волшебству, что ли?
- По волшебству.

Папа схватился руками за голову и заходил по комнате. Толик видел, что он изо всех сил сдерживается, чтобы говорить спокойно. И Толику было жалко папу и жалко себя, оттого что ему не верили, хотя сегодня он говорил чистую правду.

Наконец папа немного успокоился. Он сел на стул прямо напротив Толика и спросил:

— Ты выиграл первенство школы по шахматам. Мне об этом сказал директор. Я знаю, что ты никогда раньше не играл в шахматы. Это так?

- Так.
- Значит, ты теперь быстро научился?
- Нет.
- А как же?...
- По волшебству.

— Ты очень жестокий человек, Толя, — тихо сказал папа. — Я хотел бы, чтобы ты сейчас оказался на моем месте. Но я бы не стал над тобой смеяться, как это делаешь ты.

— Но я совсем не смеюсь. Честное слово!

Папа грустно посмотрел на Толика, махнул рукой и отошел в сторону. Он сел на диван. Лицо у него было очень расстроенное. Никогда еще Толик не видел, чтобы папа выглядел таким печальным. Толику очень хотелось, чтобы папа, как раньше, улыбнулся и сказал: «Ладно, старик, не будем спорить. Давай лучше посмотрим телевизор». Но папа ничего не говорил. Он сидел и смотрел в одну точку, на пустую стену.

Одно лишь движение пальцев — одна спичка — и папа все бы забыл, и у него появилось бы прекрасное настроение. Но Толик почему-то не хотел прибегать к помощи спичек. Он боялся, что и у папы, как это было с мамой, вдруг станет ненастоящее лицо и он будет говорить не своим голосом. Толик даже был доволен, что мама еще не пришла с работы и не слышит этого разговора. Она обязательно заступилась бы за Толика и поссорилась бы с папой.

Толик понимал, что папа обиделся по-настоящему и надолго. Это было особенно неприятно потому, что как раз сегодня Толик не врал. Он все время говорил правду. Но папе, как и всем остальным людям, даже и в голову не приходило, что на свете еще могут совершаться такие чудеса.

Сейчас Толик жалел, что он раньше не рассказал обо всем Мишке. Вдвоем они обязательно что-нибудь бы придумали. Но Мишки рядом не было. Был папа. И он очень обиделся на Толика.

«А что, если рассказать все папе? — подумал Толик. — Папа очень обрадуется. Он перестанет сердиться. Мы загадаем, чтобы у нас было много денег. И пойдем в кино вместе с папой и мамой. А потом купим папе и маме праздничные подарки. Папе — мотоцикл, а маме — большую банку земляничного варенья: она его очень любит. А потом... потом все будет тоже прекрасно: спичек осталось еще много, но я скажу, что их всего четыре или пять... Остальные истрочу сам, когда придумаю, что с ними делать».

Окончательно решившись, Толик повеселел. Он подошел к папе: — Папа, хочешь, я расскажу тебе всю правду?

Папа повернулся к Толику. Он смотрел недоверчиво, но постепенно лицо его прояснилось. Он видел, что Толик говорит очень серьезно и лицо у него очень честное.

— Ну и хорошо, старик, — сказал папа и положил Толику руку на плечо. — Давай скорее кончим этот разговор и пойдем купим тебе и маме подарки. Я на тебя сегодня немного покричал, но ты не сердись. Я, знаешь ли, очень расстроился. Ведь ты уже большой и можешь это понять. Да и на концерте мне было не очень приятно...

— Там ничего особенного не было, — сказал Толик. — Я просто слова позабыл.

— Ну да, — согласился папа, — это со всяким может быть... Ладно, старик, ничего страшного. Говори свою правду.

— Так вот, — сказал Толик. — Ты помнишь тот день, когда ты обещал мне клюшку?

— Ну еще бы! — воскликнул папа. — Тогда наши выиграли: три-один...

— Так вот, в тот день меня забрали в милицию.

— Этого еще не хватало!

— Ты не бойся. Никто ничего не узнает. Как раз в тот день я нашел волшебный коробок.

— Какой коробок?

— Волшебный.

— Это в каком смысле? — спросил папа. — Очень красивый, что ли?

— Нет. На самом деле волшебный. Если переломить спичку и загадать желание, оно сразу исполняется.

— Это у вас игра такая? — спросил папа.

— Нет, это на самом деле.

— Ну, хорошо, — согласился папа. — Волшебный так волшебный. Что же ты мне хотел рассказать? Ты обещал говорить правду.

— Вот я и загадал. Чтобы в хоккей играть лучше всех в мире. И чтобы меня лев испугался. И чтобы в шахматы играть лучше всех.

— И это все?

— Все.

— Толик, — сдерживаясь, сказал папа. — Ты обещал рассказать правду. Я тебе поверил. А ты опять сочиняешь небылицы.

— Это не небылицы! — обиделся Толик. — Вот коробок, смотри.

Толик сунул руку в карман и вытащил коробок. Папа машинально взял его в руки, повертел и швырнул на диван. Он покраснел, и лицо его снова стало очень сердитым. Ни слова не говоря, он быстро вышел в коридор.

— Папа, я не вру! — закричал Толик. — Не вру! Не вру! Почему вы все мне не верите?!

В передней хлопнула дверь. В квартире стало тихо.

Толик стоял посреди комнаты и плакал, держа в руке коробок.

Толик был самый сильный человек в мире. Он лучше всех играл в хоккей и в шахматы. Но он никак не мог сделать так, чтобы папа хоть на минуточку ему поверил. Если, конечно, не прибегать к помощи коробка. И это было очень обидно, потому что получалось, будто Толик уже ничего не может добиться сам, даже если будет говорить лишь одну правду.

17.

А УЛИЦЕ БЫЛО ОЧЕНЬ МНОГО НАРОДУ. ВСЕ шли с сумками и свертками, все торопились. Все говорили громко и смеялись, потому что перед праздником у людей всегда особенно хорошее настроение. Трамваи, разукрашенные флажками, отчаянно звеня, протискивались сквозь толпы людей, которые сегодня расхаживали по улицам как попало. Постовой милиционер не обращал внимания на беспорядок. Он все равно не смог бы справиться. Да его сегодня как-то и не особенно боялись.

Впрочем, один человек, увидев постового, заблаговременно перешел на другую сторону. Ему не хотелось попадаться на глаза именно этому постовому.

Конечно, постовым был старшина Софронов, а осторожным человеком — Толик.

Трудно было надеяться, что в этой толчее удастся разыскать папу. Но вдруг повезет! Толик знал, что папа будет гулять по улицам, пока не успокоится. Толик шел, озираясь по сторонам, и держал руку в кармане. В кулаке была зажата спичка.

Как только он увидит папу, то сразу сделает какое-нибудь чудо, и папа поверит. А потом они вместе будут обсуждать, как истратить остальные спички.

Но папы все не было.

У киоска, где продавалось мороженое, стояла очередь. Вертя головой, чтобы случайно не пропустить папу, Толик встал в самый хвост. Очередь двигалась быстро. У самого прилавка Толик обнаружил, что не взял денег. Это его не испугало. Сунув руку в карман, он прошептал несколько слов, и тут же в его ладони зашуршала бумажка.

— Два пломбира, — сказал Толик.

— У меня нет сдачи с таких денег, — сказала продавщица, взглянув на сторублевку. — Удивительно, как это тебе мама такие деньги доверила. Беги домой, пока не потерял.

— А я мороженого хочу, — сказал Толик.

— Ну что он там копается! Давайте побыстрее! — зашумели сзади.

— Граждане, кто сто рублей разменяет? — спросила продавщица. Очередь засмеялась.

— Чего там сто, давай уж сразу тысячу!

— Еще надо проверить, откуда у мальчишки такие деньги, — произнес кто-то сердитым голосом.

Толик попятился от прилавка.

— Держи его! — шутливо сказал тот же голос.

Но Толику было не до шуток. Он быстро отошел от прилавка и нырнул в толпу, проклиная себя за то, что не догадался назвать

хотя бы пятерку. С этой сотней теперь и в магазине показаться опасно.

Пробежав на всякий случай с полквартала, Толик увидел, что навстречу идет Мишка с Майдой. Он снова хотел перейти на другую сторону, но Мишка его уже заметил.

— Ты зачем наши стихи читал? — без всякого предисловия спросил Мишка.

— А твое какое дело!

— Потому что это нечестно.

— Да чего вы ко мне со своей честностью пристаёте! — возмутился Толик. — Честно, нечестно... Надоели!

— Никто к тебе не пристаёт, — сказал Мишка. — Ты лучше руку из кармана вынь. Майда не любит, когда руки в карманах держат.

— Чихал я на твою Майду!

— Ты очень много воображать стал.

— Сколько надо, столько и воображаю. Не учи ученого.

Толик глянул поверх Мишкиного плеча и съёжился. Ему хотелось стать как можно незаметнее. Навстречу ему, отдуваясь и пыхтя, с толстой улыбкой на толстом лице шел толстый доктор из зоопарка. Как всегда, он нес множество свертков, которые расползались и стремились упасть на тротуар.

Доктор был уже близко, когда Толик стремительно бросился на другую сторону улицы. Нечаянно он задел какую-то женщину, а та задела доктора, и свертки посыпались на асфальт.

Мишка кинулся собирать свертки. А доктор даже не взглянул на женщину, которая его толкнула. Наверное, он привык к тому, что он толстый и его все время толкают.

— Большое спасибо, молодой человек, — сказал доктор Мишке, когда все свертки снова оказались у него в руках. — У меня, видите ли, жена в больнице, и приходится все делать одному. Могу я угостить сарделькой вашу замечательную собаку?

— Спасибо. Она не возьмет.

— Значит, она тем более замечательная, — улыбнулся доктор и пошел дальше, протискиваясь сквозь толпу.

Мишка огляделся по сторонам. Толика не было. Он исчез внезапно, будто растаял.

Он не ушел, не убежал, не спрятался, а просто ИСЧЕЗ. Как тогда, у клетки со львом.

Мишка стоял посреди тротуара. Его толкали прохожие. Но он не замечал ничего. Он вспоминал. Перед ним, как на экране кино, проплывали чудеса Толика. Чудеса расплывались и сталкивались, но вот наконец они собрались в одну кучу, и тогда Мишка подумал, что этого просто не может быть. И еще он подумал, что все это было. Все это не приснилось, не показалось, потому что не может ни казаться, ни сниться разным людям одно и то же.

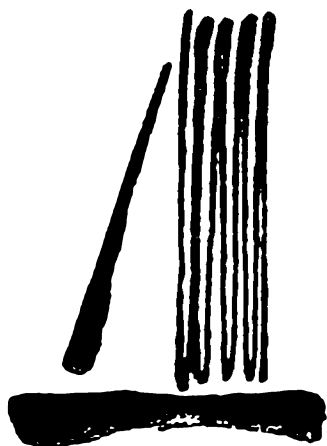
«Значит, Толик — это не Толик, — подумал Мишка. — Но где же тогда Толик?»

И тут же впервые он понял, что с настоящим Толиком что-то случилось и нужно искать его немедленно.

Мишка подобрал поводок и вместе с Майдой прямо через газон побежал к знакомому дому.

18.

ВЕРЬ МИШКЕ ОТКРЫЛА АННА ГАВРИЛОВНА. Она с удивлением посмотрела на Майду, на Мишку и спросила:

— Что случилось, Павлов?

— Анна Гавриловна, мне нужно вам что-то сказать.

— Это срочно?

— Не знаю, — сказал Мишка. — Может быть, и срочно.

— Ну, проходи.

Анна Гавриловна толкнула дверь в комнату. Мишка, придерживая Майду за ошейник, вошел. За столом, стоящим посредине, сидели два малыша. Они были совсем одинаковые, наверное, близняшки. Малышки размазывали по тарелкам манную кашу. Увидев собаку, они замерли. Глаза их стали круглыми от восторга.

— А вот собачка, — сказала Анна Гавриловна. — Собачка любит, когда дети хорошо кушают.

Близняшки дружно засунули в рот пустые ложки.

— Я слушаю, Павлов, — сказала Анна Гавриловна.

Мишка вздохнул.

Он не знал, как начать.

Совсем не просто говорить про такие вещи. Особенно если приходится рассказывать про друга.

— Я слушаю, — повторила учительница.

— Я про Рыжкова хочу... — сказал Мишка. — Только я не хочу на него жаловаться.

— Ну, не жалуйся, — улыбнулась Анна Гавриловна.

— А вы его не будете наказывать?

— За что же его наказывать?

— Я сам не знаю, — вздохнул Мишка. — Понимаете, Анна Гавриловна, он все время хвастается...

— Но ты же дружишь с ним не первый год. Он всегда любил похвастаться. Ты знаешь это не хуже меня.

— Я совсем про другое, — сказал Мишка. — Раньше он хвастался — и все было неправда, а теперь он хвастается — и все правда.

— Ничего не понимаю. Вы что, с ним поссорились?

— Я не знаю, — с отчаянием сказал Мишка. — Я не про это хотел. Я сначала хотел его папу спросить. Но тогда Толику бы попало. Потом я хотел своему папе рассказать, но он все равно бы Толикиному папе сказал. И все равно бы Толику попало. А я не могу никому не рассказывать! Я не понимаю ничего...

Анна Гавриловна уже не улыбалась. Она встала со стула и пересела на диван.

— Садись ко мне, — сказала она. — Успокойся. Я не буду тебя ни о чем спрашивать. Садись и расскажи сам. А потом мы вместе по-

думаем. А сейчас и я ничего не понимаю, Миша. Что-то случилось с Рыжковым? Очень плохое, да?

Мишка сидел рядом с Анной Гавриловной. Мысли его бежали сами по себе, не подчиняясь ему. Мишка поднял голову и посмотрел на Анну Гавриловну.

— Может, его убили... — прошептал он.

— Как... убили... Кто? — тоже шепотом спросила учительница. Лицо ее стало белое и чужое. — Что ты говоришь, Миша?!

— Вы не волнуйтесь, Анна Гавриловна, — заторопился Мишка. — Я его сейчас видел. Он живой. Он гуляет. Я совсем не про то думал. Я вам сейчас все расскажу. Вы помните, как он в клетку залез?

Анна Гавриловна торопливо поднялась с места, подошла к вешалке и стала надевать пальто.

— Где ты его видел? — спросила она чужим голосом. — Идем сейчас же! Покажи, где ты его видел. Идем искать. Немедленно!

— Да я совсем не про это! — закричал Мишка. — Он живой. Ничего с ним не случилось!

Анна Гавриловна прислонилась к двери.

— Вы помните, как он в клетку залез?

— Помню.

— Ну, так он не лазил. Я рядом стоял и все видел.

— Ты хочешь сказать, что это не Рыжков прогнал льва?

— Рыжков.

— Значит, он был в клетке?

— Был.

— Ты что, издеваешься надо мной, Павлов? — тихо спросила Анна Гавриловна.

— Я не издеваюсь! — снова закричал Мишка. — Он не лазил в клетку. Он просто там ОКАЗАЛСЯ. Он был рядом со мной и вдруг СТАЛ там...

— Что значит «стал»?

— Он ногами не шел! Понимаете? Ногами не шел. Он не перелезал ни через чего. Он сразу ОКАЗАЛСЯ там.

— Дальше... — сказала Анна Гавриловна, как-то странно взглянув на Мишку.

— Потом он обыграл меня в шахматы. Потом он обыграл моего папу. А у папы первый разряд.

— Ну и что же тут особенного?

— Он раньше никогда не играл в шахматы! — сказал Мишка. — Он совсем играть не умел.

Анна Гавриловна с интересом взглянула на Мишку. Она сняла пальто и снова села к нему на диван.

Близняшки за столом не сводили глаз с Майды. Они сидели тихо как мыши. Каша давно остыла на их тарелках, но Анна Гавриловна не обращала на них внимания. Она слушала. А Мишка рассказывал

про хоккей и про то, как они дрались возле школы, когда руки у него размахивались сами собой.

— Но ведь этого не может быть, — сказала Анна Гавриловна, когда Мишка закончил.

— Не может, — согласился Мишка. И снова та же мысль пришла ему в голову, и он опять сказал шепотом: — Вот я и подумал, что Толика украли или убили. А ОН совсем не Толик! Он другой, вместо Толика...

— Ерунду ты говоришь!! — сказала Анна Гавриловна. — Что ж его и мама и папа не узнают?

— У него и мама другая... — сказал Мишка. — Она ему все разрешает и не ругает. Она совсем другая. Они оба другие...

— Где он сейчас?

— Он, наверное, в парк побежал.

— Ты можешь его найти? Скажи, чтобы он сейчас ко мне пришел.

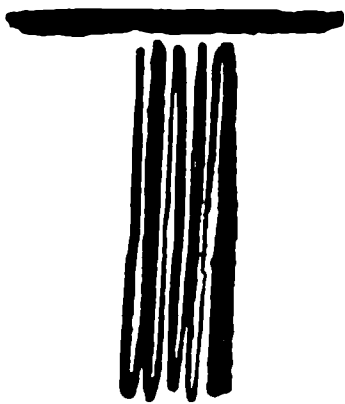
— С Майдой я его сразу найду.

Мишка, придерживая Майду за ошейник, пошел к двери. Близняшки слезли со стульев и, взявшись за руки, как зачарованные, заковыляли вслед за Мишкой, не сводя глаз с собаки.

19.

ЕМ ВРЕМЕНЕМ ТОЛИК ШЕЛ ПО УЛИЦЕ И ОЗИРАЛСЯ ЧАЩЕ, ЧЕМ ОБЫЧНО. СЕГОДНЯ ЕМУ ЯВНО НЕ ВЕЗЛО. Он все время, как нарочно, встречал тех, с кем вовсе не хотел встречаться, и никак не мог найти папу. Толик нервничал. Он вертел головой и все ждал, что из-за ближайшего угла выйдет директор зоопарка или капитан милиции. Сегодня все могло случиться.

Далеко стороной Толик обошел место для кормления голубей. Там было два белых голубя. Среди них мог очутиться и голубь-Зайцев, с которым Толику тоже не хотелось встречаться.

Наконец Толик подошел к парку. Здесь было поспокойнее. На длинных аллеях издали было видно любого человека. В случае чего, рядом — кусты, в которых можно скрыться. Кроме того, где-то в парке ходит папа. Он всегда уходил в парк, если ему нужно было о чем-нибудь серьезно подумать.

И вдруг Толик вспомнил, что ведь совсем не нужно искать папу. Стоит переломить спичку, и он очутится рядом с папой, где бы тот ни находился в эту минуту.

Толик сунул руку в карман.

— Руки вверх! — раздался из кустов негромкий голос.

Толик быстро выдернул руки из карманов и застыл на дорожке.

— Иди сюда!

Толик, как зачарованный, послушно шагнул к кустам, раздвинул ветки и оказался на небольшой поляне. И тут он увидел того, о ком почти уже забыл и с кем ему больше всего не хотелось встречаться.

Перед Толиком стоял мальчик с очень голубыми и очень холодными глазами. В руке он держал пистолет. Он смотрел на Толика презрительно, словно на какую-то козявку, и улыбался загадочно и неприятно.

Заметив, что Толик с испугом поглядывает на пистолет, мальчик усмехнулся и швырнул пистолет в кусты.

— Не бойся, — сказал он. — Я с тобой и без пистолета что угодно сделаю. Я давно за тобой слежу. Да ты все с Мишкой ходишь... Никак было тебя одного не поймать.

«Откуда он знает, что Мишку зовут Мишкой?» — с ужасом подумал Толик. А мальчик, словно угадав его мысли, сказал:

— Я про тебя все знаю. Дурак ты порядочный, вот что. Сколько спичек потратил, а все без толку. Дай сюда коробок!

— Это мой коробок!

— Лучше отдай по-хорошему.

— Не отдам.

— Хорошо, — согласился мальчик. — Теперь смотри.

Лишь сейчас Толик заметил, что мальчик левую руку держит в кармане. Быстрым движением Толик сунул руку в карман. Но было

уже поздно. В ту же секунду коробок выскочил из кармана Толика и мягко опустился на ладонь мальчика.

— Ясно? — сказал мальчик и засмеялся, и глаза его еще ярче засветились голубым огнем. — Теперь ты никакой не волшебник. Ты самый обыкновенный школьник. А волшебник — это я! — с гордостью сказал мальчик и даже стукнул себя кулаком по груди. — Мне не нужны твои спички. У меня осталось еще девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять коробков. Недаром я полтора года без перерыва считал эти коробки. Иначе я давно бы уже учился в шестом классе. Но теперь мне не нужны никакие классы. Я — волшебник. И, кроме меня, во всем мире нет ни одного волшебника. И я могу превратить тебя в червяка. И ты будешь жить под землей. Но я не сделаю этого, потому что ты жадина и мне нравишься.

Больше всего на свете Толик хотел бы сейчас очутиться дома. Ему уже не нужно было никаких спичек. Он с радостью расстался бы со своей силой и со своим хоккейным мастерством. Он хотел, чтобы все было по-прежнему. И очень хорошо, если бы рядом сейчас стоял Мишка. Но рядом стоял не Мишка, а этот странный мальчик с очень странными голубыми глазами. Он смотрел на Толика с любопытством, но в этом любопытстве не было дружелюбия. Он разглядывал Толика, будто какого-нибудь зверька.

За кустами послышался смех. По дорожке, переговариваясь, прошли девушки. Толик с надеждой посмотрел в их сторону. Он даже сделал шаг по направлению к ним, будто они могли его защитить.

— Стой на месте! — приказал мальчик.

И Толик послушно остановился. Он понимал, что убежать бесполезно. Никто не мог его защитить от волшебной силы спичек. Никто! Даже Мишка, если бы он был сейчас рядом.

— Можно, я пойду домой? — робко спросил Толик.

— Нет, — засмеялся мальчик. — Стой здесь, пока я тебя не отпущу. А может быть, я тебя и вообще не отпущу.

— Меня папа будет ругать...

— А зачем тебе папа? У меня вот нет никакого папы. И все-таки я волшебник.

Как ни напуган был Толик, он все-таки удивился.

— У всех есть папа... — растерянно сказал он. — У тебя, наверное, папа умер?

— Меня это не интересует, — ответил мальчик. — Я потратил целых десять спичек, чтобы забыть всех. Я — волшебник. А они мне только мешали. Мне не нужны ни друзья, ни родственники. Но ты — жадина. И ты мне нравишься. Хочешь, будем дружить?

— Можно, я лучше домой пойду?

— Ты отказываешься от моей дружбы?!

— Нет... — дрожащим голосом сказал Толик и незаметно пощупал свою спину, чтобы проверить, не превращается ли он в червяка.

— Тогда мы с тобой будем дружить. Ты будешь мне во всем подчиняться. Называть меня будешь «Волшебник». Жить мы с тобой будем в одном месте. Нас там никто не увидит. У тебя будет все, что ты захочешь. Но если ты меня не будешь слушаться, я превращу тебя в червяка.

— А мои папа и мама?

— Ты забудешь их, — сказал мальчик и похлопал себя рукой по карману.

Откуда-то из глубины парка донеслись шесть коротких писков — проверка времени. Толик подумал, что мама, наверное, уже дома. Может быть, и папа уже пришел. Мама поставила разогревать ужин и каждую минуту бежит смотреть к окну, не идет ли Толик. Папа тоже беспокоится и жалеет, что они с Толиком поссорились, и дает себе обещание никогда его больше не ругать. Так всегда бывает, если Толик опаздывает неизвестно почему. Мама и папа всегда дают такие обещания, лишь бы Толик не попал под трамвай или с ним не случилось бы чего-нибудь другого. А когда Толик благополучно возвращался домой, его, конечно, ругали.

Сейчас Толик готов был слушать нравоучения хоть всю ночь. Лишь бы его отпустил этот мальчик.

— Я не хочу забывать маму и папу, — сказал Толик.

Да это же ерунда, — небрежно сказал мальчик. — Всего одна секунда. Ты даже ничего не почувствуешь.

— Все равно не хочу!

Мальчик пожал плечами.

— Твое дело. Тебе же будет хуже.

— Я не хочу «жить в одном месте». Я хочу с ними.

— Зато я хочу! — мальчик сверкнул голубыми глазами. — Ты будешь все делать, как я хочу. А если не будешь слушаться... — и мальчик снова похлопал рукой по карману.

Толик с тоской глянул в сторону аллеи. Там ходили и смеялись невидимые отсюда люди. И Толику казалось, что смеются они над ним. И он снова, сегодня уже во второй раз, заплакал.

— Не реви! — строго сказал мальчик. — У меня есть дела поважнее, чем твои слезы. Садись сюда и слушай. Я хочу, чтобы ты все знал. Но если ты все будешь знать, то ты меня выдашь.

— Я не выдам, — сквозь слезы сказал Толик. — Честное слово, не выдам!

— Я никому не верю, — сурово сказал мальчик. — А ты — жадина. И ты мне нравишься...

— Я не жадина, — робко возразил Толик.

Мальчик засмеялся.

— А кто пожалел для Мишки даже одну спичку?

Толик с ужасом посмотрел на мальчика и умолк. Мальчик знал все. И возразить было нечего.

— Ты меня не бойся, — сказал мальчик. — Мы еще с тобой будем дружить. Я ведь раньше тоже был такой, как ты. И я первый нашел этот коробок. Просто я умней тебя. На второй спичке я загадал сто порций мороженого. Но уже на третьей я понял, что так я быстро истрачу все спички на пустяки. И тогда я загадал, чтобы у меня было ровно миллион таких коробков. Я никому не верю, даже волшебным спичкам. И я сам взялся отсчитывать эти коробки. Я считал их полтора года. Зато я теперь самый могущественный человек на земле. Я могу сделать все что угодно. И для этого мне не нужно будет работать. Тебе просто повезло, что ты попал туда, где я считал коробки. Только я не понимаю, как ты туда попал. Ведь я был во вчерашнем дне.

После всех событий сегодняшнего дня Толик уже не мог ничему удивляться. Вчерашний день, так вчерашний. Ему было уже все равно. Но мальчик заметил, что Толик не понял, что такое вчерашний день.

— Это я сам придумал! — с гордостью сказал мальчик. — Ты жадина, но ты глупее меня. Тебе бы никогда не придумать про вчерашний день. А я придумал, и поэтому я теперь такой великий волшебник. Вчерашний день — это и есть вчерашний день. Ведь то, что было вчера, уже прошло. И никто никогда не увидит того, что было вчера. Потому что все это уже было, а на следующий день будет все новое. И если я уйду во вчерашний день, то меня тоже не будет видно. Люди будут ходить совсем рядом и ничего не будут замечать. Но все-таки я не понимаю, как ты попал во вчерашний день. Твое счастье, что я не имел права истратить хотя бы одну спичку, пока не отсчитаю миллион коробков. А то я тогда еще превратил бы тебя в червяка.

— Лучше бы я никогда не брал коробка, — уныло сказал Толик. — Я же не знал, что он волшебный. Я и не хотел ни в какой день попадать...

— Я думаю, что ты попал во вчерашний день потому, что ты жадина, — задумчиво сказал мальчик. — Я очень люблю жадина. Я сам жадина. Я теперь самая главная и самая умная на свете жадина.

Понемногу в парке темнело. Кроны деревьев и кусты стали почти черными. На их фоне ярко-голубые глаза мальчика вспыхивали маленькими, какими-то злыми и жадными светлячками.

— Ну, довольно, — сказал мальчик. — А теперь мы с тобой уйдем.

— Куда?! — с ужасом спросил Толик.

— Во вчерашний день. Ты увидишь, как я там все хорошо устроил.

— Я не хочу! — закричал Толик. — Отпусти меня. Я пойду к маме. Она уже пришла с работы.

— Если ты еще раз произнесешь слово «мама», ты забудешь ее навсегда!

— Я не буду, не буду произносить! — умоляющим голосом проговорил Толик, озираясь по сторонам. У него еще оставалась маленькая надежда, что кто-нибудь заглянет в кусты, быть может, милиционер.

нер, или хотя бы толстый доктор, или пускай хоть профессор с двойными стеклами, и спасет его. Но кругом было тихо.

— Приготовиться! — скомандовал мальчик.

И в этот момент Толик увидел Мишку. Впрочем, он даже не знал, Мишка это или нет. Просто в просвете между кустами мелькнули две фигурки, похожие на человека с собакой.

— Мишка! — в отчаянии крикнул Толик. — Мишка! Спаси меня!

Вслед за тем он услышал топот ног и собачий лай. И вот, протиснувшись сквозь кусты, на полянку выбежал Мишка, держа на поводке Майду.

Тяжело дыша, Мишка осадил Майду. Он взглянул на мальчика и спокойно спросил:

— Он чего, пристает к тебе?

— Он не пристает. Он еще хуже... — сказал Толик и умолк, видя, как еще ярче вспыхнули глаза мальчика.

— Ну-ка, иди отсюда! — сказал Мишка.

Мальчик презрительно усмехнулся, но ничего не ответил.

— Идем, Толик, чего с ним связываться, — пожал плечами Мишка. — Мне даже его бить жалко.

Мальчик захохотал. Мишка посмотрел на него и сплюнул.

— Ненормальный какой-то. Идем, Толик, не связывайся.

— Теперь и ты никуда отсюда не уйдешь. Немедленно проси прощения...

— Тьфу ты! — сказал Мишка. — Иди отсюда, пока цел.

— Проси, Мишка, проси, — умоляющим голосом произнес Толик. — Может быть, он нас отпустит.

Мальчик, не обращая внимания на слова Толика, сунул руку в карман. Майда, не спуская с него глаз, заворчала и рванулась, но Мишка удержал ее. Он вовсе не любил натравлять собак на людей.

— Не держи ее! Отпусти! Ты ничего не знаешь! — закричал Толик. Он подбежал к Мишке и вырвал у него из рук поводок. Майда с рычанием прыгнула. Но было уже поздно.

В ту же секунду Толик, Мишка и Майда почувствовали, как будто их подняло в воздух и понесло неизвестно куда.

Часть

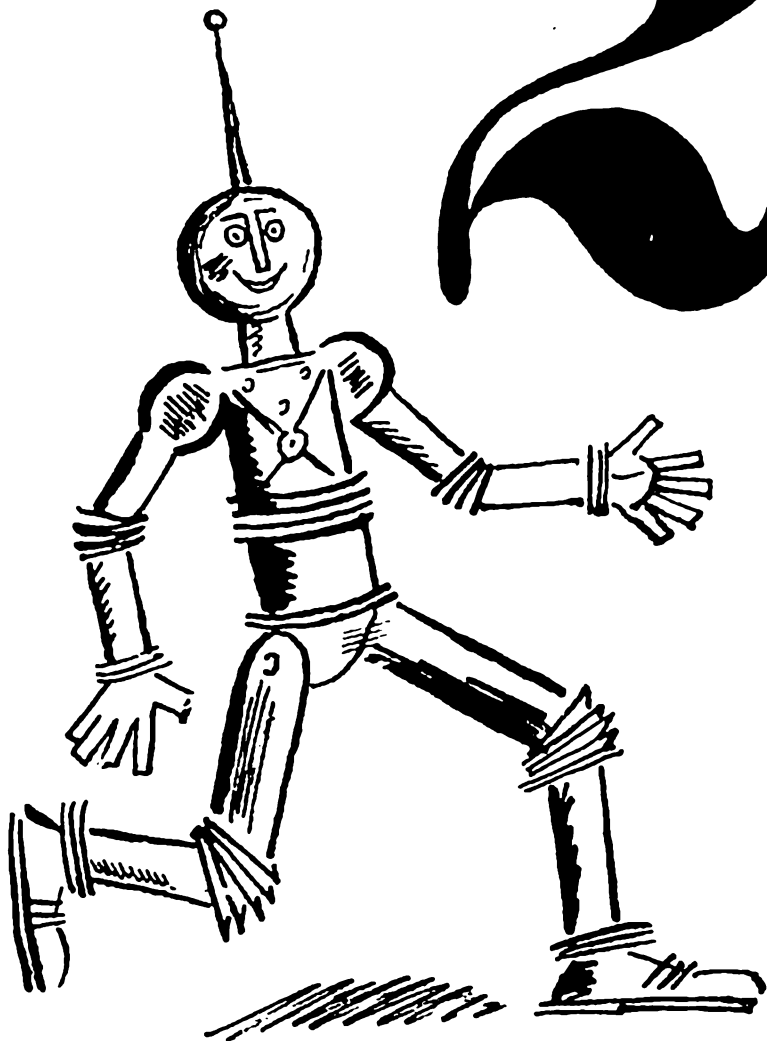
Вторая

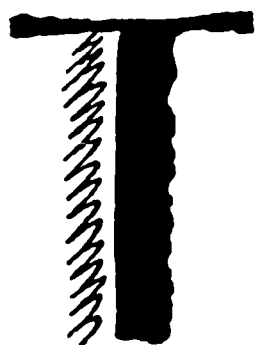
ЧУДЕСА

ПОШЕВОЛЕ

20.

ТОЛИК ПРОСНУЛСЯ В БОЛЬШОЙ КОМНАТЕ. БЫЛО утро. Солнце ярко светило сквозь окна, и большой цветистый ковер на полу как будто горел под этим ослепительным светом.

«Откуда у нас этот ковер? — подумал Толик. — Вчера его не было».

Переведя взгляд на спинку кровати, Толик увидел красивую стеклянную табличку с надписью: «Умываться по утрам не обязательно».

«Это, наверное, все папины шутки», — подумал Толик. Он скинул одеяло, соскочил с постели и полез под кровать за тапочками. Вместо тапочек там стояли новенькие ботинки. Толик вытащил их, и, попав под солнечный луч, ботинки вдруг засверкали так, что смотреть на них можно было лишь прищурившись. Сверкали подметки и шнурки, которые были почему-то желтого цвета. И вообще ботинки были какие-то не настоящие, как будто их сняли с новогодней елки.

«Чужие ботинки», — подумал Толик и задвинул их опять под кровать.

Рядом с кроватью на белом стуле лежала одежда. Удивляясь все больше, Толик развернул рубашку и брюки. Они оказались удивительно легкими, но пуговицы были большими и сделаны из того же металла, что и подметки. Одна пуговица на рубашке весила, наверное, столько же, сколько вся рубашка. Костюм тоже был каким-то маскарадным. Толик понял это окончательно, когда разглядел на рубашке золотую звездочку Героя Советского Союза.

В недоумении Толик огляделся по сторонам и лишь сейчас понял, что он находится вовсе не в своей комнате.

Комната была просто огромная. Под потолком висела гигантская люстра с тысячами стекляшек, которые переливались на солнце. Вдоль стен до самого потолка тянулись колонны. Возле колонн стояли большие вазы. Все было очень большое, массивное. Толику показалось, что он где-то уже видел эту комнату, а вернее, не комнату, а целый зал. Ни у кого из папиных и маминых знакомых не могло быть такого зала.

Толик подошел к вазам. Первая ваза была доверху наполнена конфетами «Белочка». Во второй лежали плитки шоколада. В третьей — пирожные. Все сорок четыре вазы были наполнены какими-нибудь сладостями. Но Толик не обрадовался этим сладостям. Наоборот, с каждой минутой ему становилось все тревожнее. Это уже не было похоже ни на маскарад, ни на шутку. В комнате было очень тихо. И снаружи тоже не доносилось ни одного звука, несмотря на то, что окна были открыты. Не было слышно шума автомобильных моторов, людских голосов, шарканья метлы дворника — не было слышно ничего.

Как был, в трусах и рубашке, Толик побежал к окну и выглянул наружу. Он увидел пустынную площадь, залитую асфальтом. Вокруг площади стояли здания, которые тоже показались Толику знакомыми.

Они были двух- и трехэтажными, с колоннами, башенками, громадными зеркальными окнами — здания старинной постройки, похожие одновременно на дворцы и на магазины.

«Гостиный двор», — прочитал Толик надпись на одном из длинных зданий. На другом было написано: «Детский мир», на третьем — «Лакомка». Это была площадь магазинов. Толик не узнал эти магазины потому, что они стояли все подряд, вместе, хотя должны были находиться на разных улицах города.

И теперь стало понятно, почему ни одного звука не доносилось из раскрытых окон. На площади не было ни одного человека, ни одного автомобиля, ни даже хотя бы голубя — не было ничего, что могло разговаривать, шуметь или двигаться. В зеркальных витринах безмолвно застыли манекены, протягивая неизвестно кому яркие полотна материи. На мертвой площади манекены и сами казались мертвецами. Но Толик даже обрадовался им, потому что они хоть чуточку походили на людей.

Больше на площади ничего не было. Даже ветра не было.

Толик оглянулся. Кровать и стул стояли посредине комнаты. Отсюда они казались маленькими и одинокими. И Толику тоже показалось, что он остался совсем один в целом мире, один на всей земле, откуда вдруг по неизвестной причине ушли все люди.

По старой привычке Толик закрыл глаза, чтобы проверить, не сон ли это. Он долго, минут пять, стоял с закрытыми глазами. Когда же он осторожно приоткрыл один глаз, то увидел, что ничего не изменилось.

Толик пересек комнату-зал и подошел к двери. Тяжелая, украшенная розочками и завитушками дверь распахнулась перед ним сама, и Толик попятился. Он постоял немного в раздумье, внимательно посмотрел в щель между дверью и косяком, думая, что там кто-то спрятался, но никого не увидел.

Втянув голову в плечи, Толик шагнул за порог, ожидая, что его сейчас ударит током или произойдет еще что-нибудь страшное. Но опять ничего не случилось.

Вниз спускалась широкая лестница с мраморными ступенями и мраморными перилами. Эта лестница показалась Толику знакомой. Он где-то видел ее, но никак не мог вспомнить где. Чего-то не хватало на этой лестнице, кажется, ковра. Во всяком случае, ступать босыми ногами по холодному мрамору было не очень приятно.

Поеживаясь, Толик спустился вниз. На улицу вела еще одна дверь — толстая, с зеркальными стеклами и большими золотыми ручками. Она также открылась сама, едва Толик подошел к ней. На этот раз Толик уже не удивился. Он решил, что у дверей есть какой-нибудь скрытый механизм, который начинает работать, если к нему приблизится человек. В конце концов, при теперешней технике это уж не так трудно сделать.

Толик вышел наружу. Перед ним лежала уже знакомая площадь. Снизу она казалась еще больше и еще пустыннее.

— Э-эй! Кто тут есть! — крикнул Толик.

Никто не откликнулся. Лишь через некоторое время, отразившись от безмолвных домов магазинов, голос Толика вернулся к нему слабым эхом.

— Тут-ут-ут есть-есть-есть...

Сбоку послышался какой-то шорох. Толик обернулся, и у него, как когда-то у Чичи, задрожали сначала ноги, потом руки и, наконец, даже уши.

Перед Толиком стоял и смотрел на него своими большими глазами Железный Человек. На нем не было никакой одежды, но его нельзя было назвать голым, как нельзя назвать голым, например, камень. У него были руки, ноги и голова. У него были даже нос и рот, который улыбался неизвестно чему. Улыбка как будто застыла на его лице. На безволосой железной голове рос один-единственный волос, тоже железный. Волос был длинный, с шариком на конце.

Все это Толик разглядел в одну секунду. В следующую секунду он отпрянул назад и прижался к стене, ожидая немедленной смерти.

Железный Человек молча смотрел на Толика и не шевелился.

Толик медленно, едва заметно, вжимаясь спиной в стену, передвинулся на несколько сантиметров. Все так же улыбаясь, Железный Человек чуть-чуть повернул голову.

И тогда, не помня себя от ужаса, Толик оторвался от стены и бросился бежать наискосок через площадь. Но сразу же за его спиной возник металлический звук тяжелых шагов. Кто-то бежал за ним, не догоняя и не отставая. Собрав последние силы, Толик побежал еще быстрее. Шаги за спиной загрели еще громче. Тот, кто бежал сзади, не произносил ни слова. Но Толик чувствовал, что он уже не в силах бороться со своим страхом. Ноги у него подкосились, и он упал на асфальт посреди площади, закрыв голову руками. Он знал, что на него обрушится сейчас удар железной руки и это будет последнее, что он успеет почувствовать. С какой-то не очень сильной обидой, почти равнодушно, Толик подумал: «За что? Что я ему сделал?» — и закрыл глаза, приготовившись к смерти.

Но вокруг было тихо. Шаги смолкли. Лишь где-то рядом громко и часто стучали невидимые молоточки. Толик не сразу понял, что слышит стук своего сердца.

Наконец Толик решился открыть глаза. Он выглянул из-под руки и увидел Железного Человека. Тот стоял метрах в трех. Он был совершенно спокоен, как будто и не бежал только что. А на его железном лице сияла все та же улыбка.

— Вы... чего... — сказал Толик, еле шевеля губами от страха.

— Непонятно, — немедленно отозвался Железный Человек.

— Я... боюсь... — сказал Толик.

— Пожалуйста, — ответил Железный Человек. — Ты можешь делать все, что хочешь. Ты не можешь делать того, что не разрешается. Толик заметил, что, когда Железный Человек говорил, на его лице ничего не менялось. Даже губы не шевелились. Они застыли в вечной улыбке.

Постепенно страх Толика стал проходить. Нельзя сказать, чтобы он чувствовал себя совсем хорошо. Но он видел, что пока Железный Человек не собирается его убивать. Во всяком случае, когда человека собираются убить, с ним особенно долго не разговаривают.

— Вы настоящий? — спросил Толик уже посмелее.

— Я настоящий.

— Почему же вы такой железный?

— Я настоящий робот.

— Почему же вы разговариваете?

— Я умею разговаривать.

— Можно, я буду вас спрашивать?

— Ты можешь делать все, что хочешь. Ты не можешь делать того, что не разрешается.

— А кто это мне не разрешает? — спросил Толик, уже совсем оправившись от испуга.

— Волшебник.

Толик вскочил на ноги. Он вдруг все вспомнил. Он понял вдруг сразу то, о чем смутно догадывался еще раньше. Это было вчера... А быть может, и не вчера, а тысячу дней или тысячу лет тому назад... Но это уже неважно, потому что мальчик с голубыми глазами ему не приснился.

Толик Рыжков, бывший ученик четвертого класса, бывший сын папы и мамы, находился сейчас во вчерашнем дне.

И как будто в подтверждение этих мыслей, на дальнем конце площади послышался шум мотора. Толик увидел большую черную автомашину, которая мчалась прямо к нему. Машина была без шофера. Она двигалась сама собой. А на заднем сиденье, развалившись, сидел тот, кого Толик и ожидал увидеть.

Машина сама остановилась возле Толика.

— С добрым утром, — насмешливо сказал мальчик.

Толик ничего не ответил.

— Почему ты ходишь босиком? — спросил мальчик. — Разве тебе не понравились ботинки с золотыми подошвами и шнурками? Они такие же, как и у меня. Смотри.

Мальчик задрал ногу, и перед глазами Толика ослепительным блеском вспыхнули точно такие же ботинки, которые он оставил под кроватью.

— А разве тебе не понравился костюм с золотыми пуговицами? Я сам придумал такой фасон.

— Там золотая звездочка, — угрюмо сказал Толик.

— Это я тебя наградил, — хвастливо сказал мальчик. — Я же знаю, что ты мечтал стать героем. Вот я и хотел сделать тебе приятное. Ведь ты мне все-таки нравишься.

— Я не совершил никакого геройского поступка, — сказал Толик. — Мне все равно нельзя носить звездочку.

— А лучше всех играть в шахматы тебе можно? И разве ты заслужил звание лучшего игрока в хоккей?

Толик промолчал. Сказать было нечего.

Мальчик засмеялся.

— Не бойся. Как раз за это ты мне и понравился. Я для тебя из всех сил стараюсь. Я уже на тебя не одну спичку истратил. Даже стул сделал серебряный. А спал ты во Дворце пионеров. Разве тебе там не понравилось?

«Ну конечно, — подумал Толик. — Как это я раньше не догадался. Зал и лестница — все это я уже видел раньше. Они из Дворца пионеров».

— Что же ты не благодаришь меня?

Толик никак не мог понять, говорит мальчик серьезно или смеется.

— Спасибо, — сказал он, решив, что пока не стоит ссориться с мальчиком. Ведь нужно еще как-то выбраться отсюда.

— Не стоит, — ответил мальчик. — Я уверен, что мы станем большими друзьями. Здесь ты получишь все что угодно. Мы будем самыми счастливыми людьми в мире. Ведь нам совершенно не надо работать или учиться. Ты просто еще не привык. Для начала я советую тебе забыть папу и маму.

— Не надо, — попросил Толик. — Пожалуйста, не надо.

— Как хочешь. Тебе же хуже. Ведь ты все равно отсюда не уйдешь. И твой Мишка тоже никуда не уйдет.

— А где Мишка? — обрадовался Толик.

— Об этом знаю один я! — сердито сказал мальчик. — Я! Я — Волшебник! Тебе об этом знать не обязательно. Твой Мишка — грубиян и невежа. Он не хочет жить во дворце. Он не хочет со мной разговаривать! Он отвратительный человек — в нем совершенно нет лени и жадности. И если он не исправится, я превращу его в... Я еще придумаю, во что его превратить. Я — Волшебник!

Мальчик, кажется, не на шутку рассердился. Он кричал, и глаза его вспыхивали недобрыми голубыми огоньками. Толик испугался, как бы мальчик в гневе не вздумал и его превратить во что-нибудь. Толик отступил на шаг от машины и съежился, чтобы казаться тихим и безобидным. Мальчик заметил это.

— Не бойся, — сказал он гораздо тише. — С тобой ничего не случится. Ведь ты жадина. И я о тебе позабочусь. Ты видишь этого Железного Балбеса? Он тебя охраняет. Он повсюду будет ходить за тобой.

Толик взглянул на Железного Человека с тайной надеждой, что тот обидится на слово «балбес» и огрест мальчика своей железной ру-

кой по уху. Но Железный Человек даже не пошевелился. Зато мальчик, перехватив взгляд Толика, захохотал.

— Он не обижается, — сообщил мальчик. — Эй ты, как тебя зовут?

— Железный Балбес, — ответил Железный Человек.

— Разве тебе не обидно? — усмехаясь, спросил мальчик.

— Непонятно.

— Балбес — обидное имя.

— Я — робот, — ответил Железный Человек. — Я не умею обижаться.

— Каковы твои обязанности?

— Он может делать все, что хочет, — сказал Железный Человек, указывая на Толика. — Он не может делать того, что не разрешается. Я всегда нахожусь рядом.

— Понятно? — спросил мальчик. — Он всегда рядом. Тебе нельзя делать того, что не разрешается. Но ты быстро привыкнешь. Ходи и смотри. Тебе понравится. А когда тебе понравится, мы станем друзьями.

Мальчик откинулся на сиденье, и сразу же машина сорвалась с места и быстро скрылась из виду.

Толик повернулся к Железному Человеку. После того как уехал мальчик, Толик подумал, что неплохо было бы завести дружбу с этим роботом. Какие бы железные мозги ни были у него, они не могут быть умнее человеческих. Во всяком случае, думал Толик, обмануть его будет не трудно.

— Где Мишка и Майда?

— Непонятно.

— Мишка... и с ним собака.

— Человек и собака здесь.

— Где? В каком месте?

— Нельзя делать того, что не разрешается.

— Я ничего и не делаю.

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— Тогда скажи, где человек и собака.

— Здесь.

— В каком месте?

— Нельзя делать того, что не разрешается.

— Затвердил: «Не разрешается, не разрешается», — сказал Толик, рассердившись. — Дурак ты!

— Я — Балбес, — поправил Железный Человек. — Я — робот.

— А что мне не разрешается?

— Выходить до рассвета.

— Куда выходить?

— Всюду.

— Робот, миленький, — сказал Толик ласковым голосом. — Я никому не скажу. Объясни, что значит «выходить до рассвета».

- Не разрешается.
- Я никогда не буду звать тебя Балбесом. Я тебя очень прошу,
- Я понимаю.
- Ну, ну, — обрадовался Толик. — Тогда скажи.
- Не разрешается.

Толик понял, что договориться с Железным Человеком не удастся. Его железные мозги не знают жалости. Ну что ж, так и полагается Железным Людям. Для этого они и существуют.

Толик вздохнул и побрел через площадь к магазинам, Железный Человек топал за его спиной, не отставая ни на шаг.

В длинных галереях Гостиного двора было пусто. Не было ни продавцов, ни покупателей, ни кассиров. На полках и на витринах лежали товары. Все было так, как и в настоящем Гостином дворе, даже таблички с ценами и будочки с кассовыми машинами. На лестницах стояли телефоны-автоматы. Толик снял трубку и нажал кнопку бесплатного вызова. Он надеялся, что автоматы работают, и хотел позвонить в милицию и попросить о помощи. Но гудка он не услышал.

Толик сердито бросил трубку, и она заболталась на цепочке. Железный Человек подошел к телефону и аккуратно повесил трубку на рычаг. Очевидно, он во всем любил порядок. Если, конечно, Железные Люди способны любить что-нибудь.

Толик шел между двумя рядами прилавков и довольно равнодушно смотрел на витрины, где лежало столько замечательных вещей. В отделе фототоваров он все же подошел к полке, снял с нее самый дорогой фотоаппарат и с вызывающим видом посмотрел на Железного Человека. Тот молчал. Толик положил фотоаппарат на место. Еще два дня назад он мог лишь мечтать о таком фотоаппарате. Сегодня же это было совсем неинтересно. Да и фотографировать было некого, разве что Железного Человека.

В спортивном отделе Толик немного оживился. Здесь лежали прекрасные мячи, клюшки, стояли гоночные велосипеды. Толик подержался немного за велосипед, но не взял и его. Он представил себе, как едет по площади, а за ним, не отставая, топает Железный Человек. И получалось, что Толик будет вроде собачки на прогулке. Разница лишь в том, что без веревочки.

И прекрасный ниппельный мяч Толик не взял тоже. Играть было не с кем, разве что с Железным Человеком.

Но вот в охотничьем отделе Толик увидел ружья. Десятки ружей и патроны к ним. Толик пошел за прилавок и стал прохаживаться вдоль стойки. У него мелькнула мысль, что неплохо было бы обзавестись каким-нибудь оружием. Кто знает, что может случиться. И что еще придет в голову этому мальчику с голубыми глазами? Во всяком случае, Толик не будет теперь беззащитным.

Толик протянул руку к стойке и взял ружье-двустволку.

Железный Человек, до сих пор безмолвно стоявший рядом, беспокойно шевельнулся.

— Оружие брать не разрешается.

— Я же могу делать все, что хочу! — возмутился Толик.

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— Я хочу ружье.

— Оружие брать не разрешается.

— А мне наплевать на разрешается и не разрешается! — громко сказал Толик. — Я не просил, чтобы меня сюда уносили.

— Оружие брать не разрешается.

Железный Человек говорил без всякой злости, очень ровным и спокойным голосом. Но когда Толик попытался с ружьем выйти из-за прилавка, Железный Человек шагнул к нему и легко, без всякого усилия выдернул ружье из его рук. Затем он поставил ружье на прежнее место и замер.

— Дурак! — крикнул Толик.

— Я не дурак. Я — Балбес.

— Это одно и то же!

Железный Человек промолчал. Он, как и все Железные Люди, обладал железными нервами. Его невозможно было вывести из себя. Он не мог ни обидеться, ни рассердиться. И это было вполне естественно. Иначе он был бы хоть немного похож на настоящего человека.

А вот Толик рассердился. Он стал хватать с витрины все подряд и швырять на пол, чтобы хоть как-то досадить Железному Человеку. На пол летели майки, лыжные костюмы, теннисные ракетки. Но все напрасно. Железный Человек молча и невозмутимо подбирал все это и возвращал на место. Через минуту в отделе спортивных товаров не было заметно никакого следа разгрома, учиненного Толиком.

Из спортивного отдела Толик захватил тапочки. На каменных ступенях сильно мерзли ноги. Толик шел мимо витрин, на которых сверкали всевозможные часы, золотые портсигары и драгоценные камни. Около каждого предмета стояла табличка с ценой. И если бы сложить все цены вместе, то получилась бы одна, общая цена — сколько-то там рублей и копеек, — цена разлуки с папой и мамой и со всеми остальными, даже с Чичей, который казался теперь Толику вовсе не плохим парнем. А за спиной громыхал железными ступнями Железный Человек. У него не мерзли ноги на каменной лестнице.

Толик вышел на площадь. Она по-прежнему была пустынна.

Железный Человек остановился рядом, улыбаясь своей вечной железной улыбкой.

— Время принимать пищу, — сказал он.

— Я не буду есть, — сказал Толик.

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— Я лучше умру с голода!

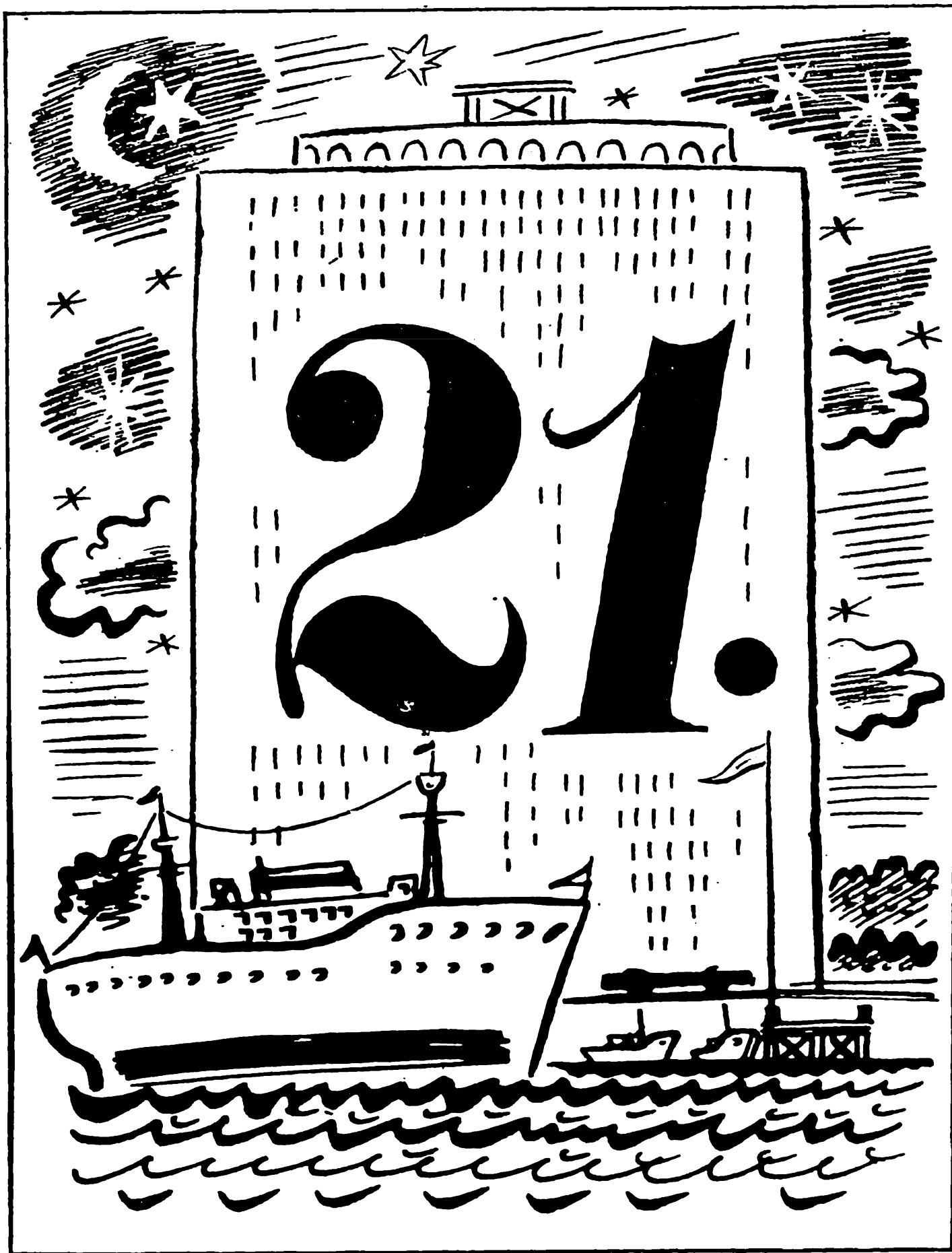
— Непонятно.

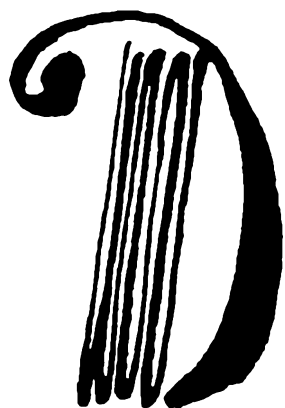
— Умру. Меня не будет.
— Ты уйдешь?
— Навсегда, — злорадно сказал Толик. — Я уйду, а Волшебник оторвет тебе голову за то, что ты плохо меня охраняешь.
— Уходить запрещается.
— Тыфу на тебя! Замолчи, — сказал Толик. — Шпион!
— Я — робот. Я — Балбес, — отозвался Железный Человек.
— Вот и я говорю то же самое, — подтвердил Толик, которому вовсе не хотелось умирать и очень хотелось есть.

И Толик пошел к зданию, над которым висела большая вывеска «Лакомка». Толик уже был здесь с папой и мамой. Тут он в первый раз попробовал ужасно вкусный блинчатый пирог и мороженое с воткнутыми в него ягодами вишни.

Зал, конечно, был пуст. На столах стояли блюда с самой разнообразной едой. Почему-то они были горячими и на вид очень свежими, как будто их только что поставили. И вообще зал несколько не изменился. Те же колонны, эстрада для оркестра, разноцветные столики и разрисованные стены. Конечно, это было то самое кафе, где они были когда-то с папой и мамой. Толик вдруг подумал, что, наверное, на тех местах, где стояли Гостиный двор, «Детский мир» и «Лакомка», теперь ничего нет. И конечно, милиция будет искать, куда пропали эти дома, и, может быть, найдет Толика и арестует мальчика с голубыми глазами. Но тут же Толик вспомнил, как он сам заставил старшину арестовать ни в чем не повинного толстого доктора, и понял, что милиция тут не поможет.

Толик взял кусок пирога и съел его, не присаживаясь к столу.

АЛЕКО ОТ ПЛОЩАДИ МАГАЗИНОВ СТОЯЛО ВЫСОКОЕ здание, выстроенное прямо на песчаном пляже. В нем было ровно сорок четыре этажа. Морские волны подкатывали к самым ступенькам.

У подъезда покачивались на волнах тридцать новеньких катеров и морской теплоход, покрашенный белой краской.

С другой стороны дома на асфальтовой дорожке расположились тридцать новеньких легковых автомобилей.

На каждом этаже дома было по сто комнат.

В этом доме жил мальчик с голубыми глазами.

По утрам, когда мальчик выходил из дому, тридцать новеньких катеров выстраивались у подъезда, и моторы их начинали работать, словно любой из этих катеров только и мечтал о том, как бы покатасть мальчика.

Тридцать новеньких автомашин приветственно гудели и в нетерпении подпрыгивали на месте, словно застоявшиеся лошади.

А мальчик, не обращая ни на что внимания, раздевался и входил в воду. Ему даже не нужно было шевелить руками и ногами. Море само держало его на поверхности.

Затем мальчик принимался ловить рыбу. Каждую секунду на его крючок попадалась большая рыбина. Он снимал рыб и бросал их на берег.

После рыбной ловли мальчик завтракал. Он сидел один в громадном, похожем на вокзал павильоне и, прежде чем приняться за еду, не меньше получаса раздумывал, что бы съесть такое, чего он еще не пробовал.

После еды он бродил по этажам своего дома. Он пока еще осмотрел не все комнаты. И в каждой комнате его ждали удивительные и прекрасные вещи. Там были комнаты с заводными игрушками, электрическими игрушечными поездами и самолетами. Были комнаты с редчайшими коллекциями марок, аквариумных рыб и всевозможных монет. Была специальная комната с автоматами газированной воды, которые совершенно бесплатно наливали двойную порцию. Было пятнадцать комнат с различными играми. Комната с каруселью. И даже специальная комната с соевыми батончиками, которые очень нравились мальчику.

Если же встречалась пустая комната, то мальчик вынимал из кармана спичку, переламывал ее, и тотчас же комната наполнялась всем, чего он только пожелает.

Пустых комнат было еще много, и мальчику работы хватало. Но он уже подумывал о том, что скоро придется рядом поставить второй дом и начать заполнять его комнаты.

Лишь на двадцатом этаже комнаты пустовали. Вернее, пустовали

все, кроме одной. Там жили Мишка и Майда. И, прежде чем войти на этот этаж, мальчик переламывал спичку и шептал что-то, известное ему одному.

На другой день после того, как Толик познакомился с Железным Человском, мальчик еще раз поднялся на двадцатый этаж. Он вышел из лифта, на цыпочках прокрался по коридору и заглянул в замочную скважину. За дверью раздалось грозное ворчанье. Тогда мальчик распахнул дверь и вошел в комнату.

В ту же секунду от окна метнулась какая-то тень. Она пролетела по воздуху и, словно ударившись обо что-то, остановилась на полпути и упала на пол.

Мальчик засмеялся, но глаза его не смеялись. Они горели холодным голубым светом.

— Я говорил тебе, чтобы ты привязал собаку, — сказал мальчик. — Она не может меня укусить, так же как ты не можешь меня ударить.

Майда, ошестинившись, напрягшись изо всех сил, рвалась к мальчику. Но ее словно что-то держало на месте. Майда не понимала, что с ней происходит. Она обернулась к Мишке и беспомощно посмотрела на него. Но Мишка тоже не мог ей помочь. Все же он встал, взял собаку на поводок и привязал ее к столу, чтобы она не билась грудью о невидимую преграду.

— Ты еще не передумал? — спросил мальчик.

— Я не хочу с тобой разговаривать, пока ты не скажешь, где Толик.

Мальчик презрительно усмехнулся.

— Толик давно о тебе и не думает. Ему понравилось у меня. И мы скоро будем друзьями. Он сам сказал. А про тебя он сказал, что лучше всего, если бы я превратил тебя в червяка.

Мишка ничего не ответил.

— А ведь ты меня боишься, — сказал мальчик. — Меня и нужно бояться. Я — Волшебник. Я самый могущественный человек в мире!

— Слыхали уже, — буркнул Мишка.

— Одна только спичка — и ты будешь просить у меня прощения!

— А без спички ты ничего не можешь. Ты — ноль без палочки.

— Я все могу! — закричал мальчик. — Я — Волшебник. Но я хочу, чтобы ты сам попросил у меня прощения.

Вместо ответа Мишка сложил фигу и показал ее мальчику.

— Ты что, с ума сошел? — удивился мальчик. — Ты понимаешь, что я с тобой могу сделать?

— Понимаю.

— Я тебя даже отпустить могу, — неожиданно сказал мальчик. — Хочешь, я тебя отпущу? Пойдешь к папе с мамой.

Мальчик как будто перестал сердиться. Но все же было в его лице что-то такое, отчего Мишка ему не поверил. Может быть, тому виной были злые голубые огоньки, вспыхивающие в глазах мальчика.

- Никуда я без Толика не пойду.
- Я тебе тысячу рублей дам.
- Подавись ты своей тысячей!
- Миллион рублей!
- Подавись ты своим миллионом.

Глаза мальчика разгорались все сильнее. Они выдавали его. Было видно, что он во что бы то ни стало хочет сломить Мишкино упрямство. И он хочет сделать это без помощи спичек, а сам, и тогда победа его будет настоящей победой.

Неизвестно, понимал ли это Мишка. Но он понимал, что в любую секунду может превратиться в червяка. Мишка держался из последних сил.

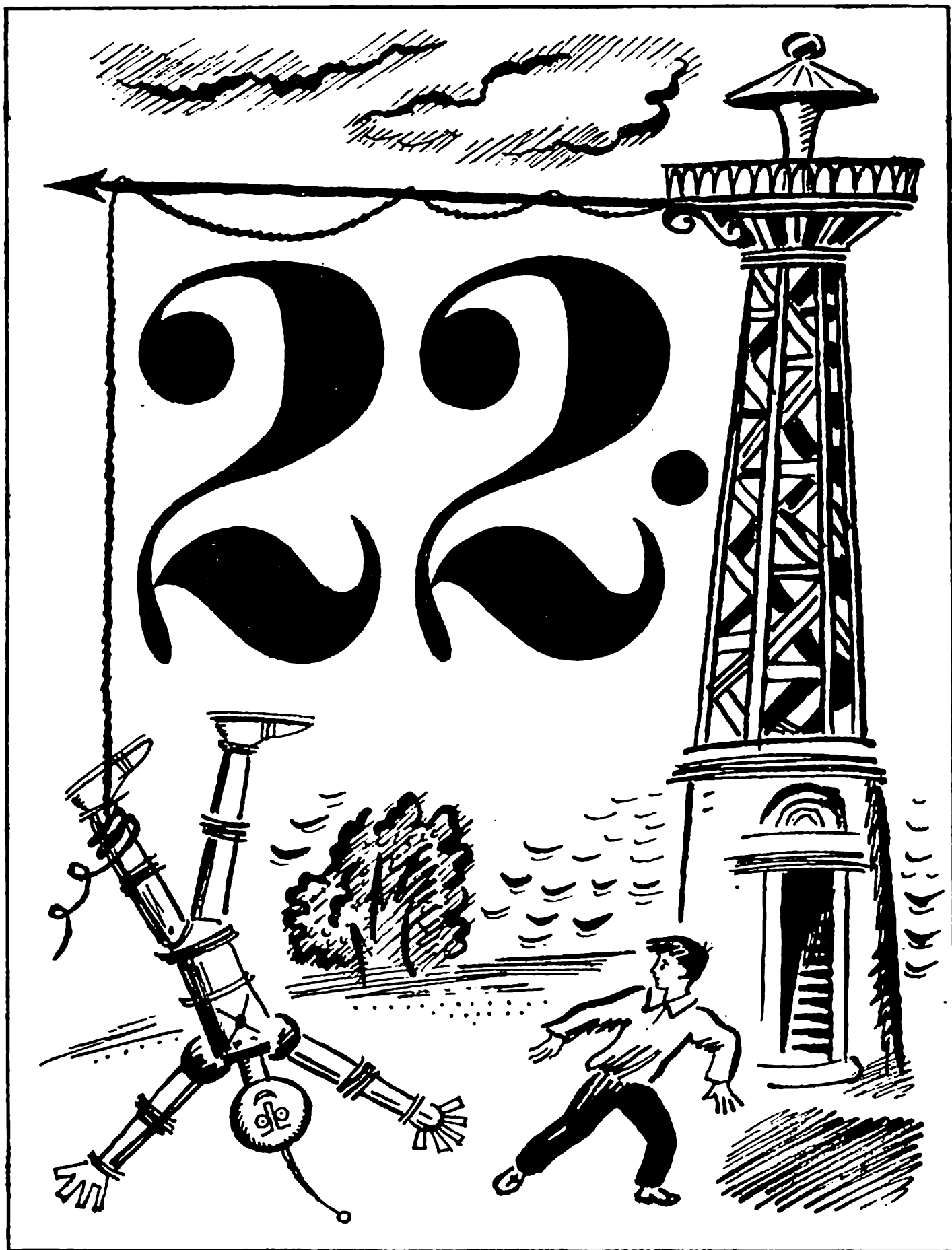
— Хорошо, — сказал мальчик. — Я даю тебе три дня срока. Если за это время ты сам не откажешься от Толика и не попросишь у меня прощения, то я превращу тебя... — Мальчик подошел к окну и задумчиво взглянул на море. У берега на легкой волне покачивались катера. — Я превращу тебя в катер! — радостно сказал мальчик. — И я буду на тебе кататься вместе с Толиком. Толик — жадина, и из него выйдет хороший товарищ.

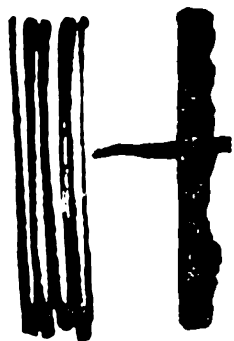
Мальчик сунул руку в карман, и на стене неожиданно возникли часы с секундной, минутной и часовой стрелками и календарем, который показывал дни недели.

— Смотри, — сказал мальчик. — С этой минуты часы начинают счет. Тебе осталось ровно три дня.

Мальчик пошел к двери, но на пороге остановился и взглянул на часы. — Осталось двое суток двадцать три часа пятьдесят девять минут сорок пять секунд, — хихикнул мальчик и вышел из комнаты.

Мишка посмотрел на часы. Потом он подошел к Майде, сел возле нее на пол и обхватил руками ее мохнатую голову. Майда лизнула его в лицо, и на щеке Мишки осталась мокрая полоса. Издали могло бы показаться, что Мишка плачет. Впрочем, может быть, так оно и было. Это бывает, если приходится долго сдерживаться, если не хочется показать, что тебе страшно. Мишке очень не хотелось превращаться в катер. Но еще больше ему не хотелось оставлять в беде друга. Так уж он был устроен.

ОЧЕВАЛ ТОЛИК ВСЕ В ТОМ ЖЕ ЗАЛЕ. ПРОСНУВ-
шись, он подбежал к окну и выглянул наружу. За ночь
ничего не изменилось. Перед ним расстилалась все та же
пустая площадь, и двери магазинов были открыты — две-
ри, в которые никто и никогда не войдет.

Толик перевесился через подоконник и взглянул на
подъезд. Железный Человек был там. Он стоял неподвиж-
но, нелепо, неизвестно кому улыбаясь.

Толик пересек зал и выглянул в другое окно. Перед ним рассти-
лался громадный парк. Среди зелени виднелись поляны. На полянах
стояли качели, но на них никто не качался. В разных местах возвы-
шались парашютные вышки, с которых никто не прыгал. На лодочной
станции лодки неподвижно стояли у причала. Все это было в точ-
ности похоже на Парк культуры и отдыха, с той разницей, что ни од-
ного человека не было видно на его аллеях.

Толик подумал, что если спуститься с этой стороны, то можно
удрать от Железного Человека и поискать выход. Ведь расположен он
на Земле и где-то вокруг живут люди, которые почему-то не могут
сюда попасть. Но неужели они ничего не замечают?

Толик разулся и бросил вниз тапочки. Затем он вылез на карниз
и уцепился за водосточную трубу. Второй этаж в доме был очень вы-
сокий. Толик глянул вниз и ясно представил себе, как у него разжи-
маются руки и он летит и ударяется спиной о каменные плиты тро-
туара. Толик зажмурился и еще крепче вцепился в водосточную трубу.
Постояв немного, он осторожно опустил одну ногу, и пятка его встре-
тила пустоту. Тогда Толик опустил вторую ногу и носком коснулся
трубы. Он крепко обхватил трубу ногами и руками и стал сползать,
обдираясь о давно не крашенное железо.

Пожалуй, это был первый подвиг, который Толик совершил без
чьей-либо помощи. Но совершил он его напрасно.

Едва ноги Толика коснулись тротуара, за углом послышалось гро-
мыхание, и Железный Человек, выйдя из-за угла, остановился рядом
с Толиком.

— Ты зачем пришел? — сердито спросил Толик.

— Я — всегда рядом.

— Ты хоть бы поздоровался, невежа!

— Тебе это нужно?

— Ничего мне не нужно!

— Это противоречиво, — сказал Железный Человек. — Ты про-
сишь, чтобы я здоровался, и говоришь, что это не нужно.

— Больно ты умный! — огрызнулся Толик.

— Я — робот. Я — Балбес.

Толик махнул рукой и поплелся в парк. Железный Человек, все
так же улыбаясь, зашагал за ним.

Едва Толик вступил на дорожку парка, она двинулась с места

и поехала, словно лестница эскалатора. Но ехала она не вниз и не вверх, а в ту сторону, куда направлялся Толик.

— Это еще что! Почему она едет? — удивился Толик.

— Это удобно, — ответил Железный Человек. — Не нужно двигать ногами. Не нужно затрачивать энергию. Это экономично.

Толик повернулся и пошел в обратную сторону. Дорожка тоже поехала в обратную сторону. Толик направился к качелям, и сейчас же дорожка изогнулась и понесла его к качелям. Толик снова переменил направление. Дорожка сделала то же самое.

— Останови ее! — сказал Толик. — Я хочу идти своими ногами.

— Это не разрешается. Это не экономично. Тратится много сил. Усталость. Человек не должен работать. Человек отдыхает.

— Много ты понимаешь, — ехидно сказал Толик. — А тебя кто сделал, свинья, что ли?

— Непонятно.

— Свинья — такое животное.

— Это противоречиво, — сказал Железный Человек. — Меня сделал Волшебник. Он не животное. Свинья — животное. Значит, Волшебник не свинья.

— Самая настоящая свинья, даже еще хуже, — сказал Толик и направился к парашютной вышке. Железный Человек затопал вслед за ним, объясняя своим ровным голосом, что человек не может быть свиньей и что это противоречиво. Но поскольку Толик ему не отвечал, Железный Человек скоро умолк.

Толик подъехал к парашютной вышке. Он хотел забраться на самый верх и осмотреть окрестности. Может быть, он где-нибудь увидит выход. Едва Толик шагнул на первую ступеньку лестницы, как она сама поехала вверх. Железный Человек молча примостился сзади.

Толик поднялся на верхнюю площадку. Перед ним раскинулся громадный зеленый парк. Тут было полно всяких аттракционов. Повсюду виднелись карусели — простые и воздушные, гигантские шаги, павильоны смеха. Было похоже, что этот парк взяли и просто перенесли сюда из города. Толик снова подумал о том, что в городе, наверное, вместо парка осталось пустое место, вроде дырки.

А за парком Толик увидел море. Оно было очень спокойным и очень странным. У этого моря был берег и не было горизонта. Море просто кончалось километрах в десяти от берега. Дальше не было ничего. Ни неба, ни воды, ни суши. Это было ни на что не похоже, потому что это было не что-то, а ничего. Ничего ведь и есть ничего. Объяснить это очень трудно.

— Что там такое? — спросил Толик, показывая рукой в сторону моря.

— Вода.

— А дальше?

— Это не разрешается.

- Что не разрешается?
- Приближаться ближе, чем на два километра.
- К чему приближаться?
- К Черте.
- А что за Чертой?
- Не знаю.

Толик с удивлением взглянул на Железного Человека. Это было, пожалуй, первое человеческое слово, которое Толик от него услышал.

— Что за Чертой? — повторил Толик.

Железный Человек ответил не сразу, как обычно. Внешне он был совершенно спокоен, но Толику показалось, что внутри скрипели его железные мозги, которые напрягались и не могли найти железного ответа.

— Н-не знаю, — как будто бы с усилием произнес Железный Человек.

Толик понял, что Железный Человек не врет. Впрочем, вряд ли он умел врать. В этом было его единственное преимущество перед Толиком.

— Почему нельзя приближаться к Черте?

Железный Человек ответил быстро и как будто с облегчением:

— На закате можно УВИДЕТЬ. На восходе можно...

Железный Человек замолчал.

— Что можно увидеть на восходе?

— Не знаю.

— Ты сказал: «На восходе можно...» Что можно на восходе?

— Н-не знаю.

Железный Человек как-то странно напрягся, и внутри у него закрипело, теперь уже совершенно отчетливо. Он не мог ответить на вопрос и как будто бы мучился этим. Если, конечно, предположить, что железные люди могут мучиться.

— Тебе что, нездоровится? — спросил Толик.

— Я — робот. Я всегда здоров, — ответил Железный Человек, мгновенно успокаиваясь. — Я не могу ответить на вопрос. Я не знаю. Мне нельзя задавать вопросы, которых я не знаю.

Странно, но Толику в эту минуту было вроде бы даже немного жалко Железного Человека. Быть может, оттого, что Толику раньше тоже приходилось мучиться, если в классе нужно было отвечать на вопрос, который он не знал. Все-таки было что-то человеческое в этом роботе. Толику показалось даже, что сейчас Железный Человек перестал быть таким железным. И Толик решил воспользоваться этим.

— Где человек и собака?

— Здесь, — спокойно ответил Железный Человек.

— В каком месте?

— Нельзя делать того, что не разрешается.

Нет, видно, что Железный Человек запомнил, то запомнил он это

навсегда. Толик прекратил бесполезные вопросы. Он снова внимательно оглядел море, но никакой Черты не увидел, а увидел воду и за ней — ничего. Там скрывалась какая-то тайна. Может быть, там скрывалось что-то страшное.

Но что может быть страшнее, чем жить в этом мире, где тебя ожидает «друг», который в любую минуту может превратить тебя в червяка, где ты можешь забыть своих папу и маму, где дурацкие дорожки не дают тебе ступить ни шагу, где ты богат вещами и удовольствиями и лишен главных богатств — свободы и дружбы.

И все же Толик понимал, что неспроста ему многое не разрешается в этом мире. Не разрешается знать, где Мишка, не разрешается куда-то выходить с рассветом, не разрешается ходить одному, без Железного Человека. Что это за Черта, к которой нельзя подходить ближе чем на два километра? Вот если бы удалось удрать от Железного Человека...

Взгляд Толика упал на лямки парашюта, который висел у самых перил вышки. А что, если прыгнуть с парашютом? Другого парашюта нет, и пока Железный Человек будет спускаться с вышки, Толик будет уже далеко. Он побежит к берегу моря и, может быть, увидит эту самую Черту.

Толик подошел к перилам и нерешительно взялся за лямки. Он взглянул вниз и отшатнулся. Внизу было метров пятьдесят пустоты. Толику показалось, что вышка качается под напором ветра и сейчас рухнет. Но, взглянув на неподвижные листья деревьев, он понял, что качается не вышка, а он сам. Ведь он никогда еще не прыгал с парашютом.

Неожиданно Железный Человек пришел на помощь. Не говоря ни слова, он приблизился к Толику и принялся надевать на него лямки и затягивать пряжки. Он делал это так спокойно и равнодушно, что Толик понял: ничего плохого с ним случиться не может. Он прыгнет и приземлится, и убежит от Железного Человека.

А Железный Человек делал свое дело. Ничего не подозревая, он сам помогал Толику убежать. Видно, он не мог сообразить такой простой вещи своими железными мозгами.

Толик подошел к краю вышки. Железный Человек спокойно стоял рядом.

«Сейчас ты перестанешь улыбаться своей дурацкой железной улыбкой», — подумал Толик и прыгнул.

Трос, на котором висел парашют, натянулся. Толика дернуло, и он плавно стал спускаться на землю.

Но Железный Человек не стал колебаться. Спокойно и хладнокровно, словно делал это каждый день, он шагнул вперед и полетел вниз вслед за Толиком. Он летел вниз с высоты в пятьдесят метров, летел без парашюта, и на губах его замерла все та же улыбка. Воистину он был Железным Человеком.

Ноги Толика коснулись земли. Он упал набок и, втянув голову в плечи, замер, ожидая, что сейчас на него обрушится Железный Человек. И тут же раздался скрежет. Затем все смолкло.

Толик поднял голову и увидел Железного Человека. Тот болтался головой вниз в полуметре от земли. Нога его запуталась в каком-то тросе, свисающем с вышки. Железный Человек тихо раскачивался, улыбаясь.

Толик вскочил на ноги и сбросил лямки. Железный Человек изогнулся, дотянулся до петли, в которой запуталась его нога. Но даже его железным рукам оказалось не по силам распутать петлю. Она затянулась намертво. Толик был свободен.

Не слишком даже торопясь, Толик пошел прочь от вышки. Железный Человек беспокойно заворочался в петле.

— Я должен быть рядом, — сказал он.

— Пожалуйста, — ответил Толик. — Иди сюда. Я же тебя не держу.

— Меня держит трос.

— А я тут при чем? — усмехнулся Толик.

— Ты можешь отпустить трос до земли. Для этого нужно подняться на вышку.

— А я не хочу отпускать трос!

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— Вот я и хочу, чтобы ты повисел тут, а не шпионил за мной.

— Тогда я не смогу быть рядом.

— А ты мне и не нужен, — сказал Толик и зашагал прочь.

Железный Человек неистово завертелся. Его железные пальцы скрежетали о трос, но ничего не могли поделать. На какую-то секунду Толику даже стало его жалко, потому что все это он проделывал молча, не ругаясь и не плача. Но освободить Железного Человека Толик и не подумал. Иначе он, и Мишка, и Майда навсегда могли остаться в этом мире.

Толик уходил все дальше. И вдруг он услышал, как Железный Человек сказал своим обычным голосом:

— Пожалуйста...

Толик остановился как вкопанный. Уже во второй раз за этот день Железный Человек произнес нормальное человеческое слово. Может быть, не такие уж железные мозги у этого Балбеса? Может быть, с ним стоило попробовать договориться?

— Я тебя освобожу, если ты скажешь, где человек и собака, — крикнул Толик.

— Это не разрешается.

— А висеть вниз головой тебе разрешается?

— Нет.

— Вот и выбирай, что тебе больше не разрешается.

Со стороны вышки послышался какой-то скрип. Железный Чело-

век думал своими железными мозгами. Он выбирал, что ему больше не разрешается.

— Человек и собака в доме у воды. Двадцатый этаж, — сказал он наконец.

— Он жив?

— Это противоречиво, — сказал Железный Человек. — Я должен был ответить на один вопрос.

— Ну и виси тогда тут, а я пойду.

— Это противоречиво, — повторил Железный Человек. — Я должен быть освобожден, если отвечу на вопрос, где находятся человек и собака. Я ответил. Ты должен отпустить трос.

Толик понял, что Железный Человек больше ничего не скажет. И еще понял, что ему как-то не хочется обманывать. За свою короткую жизнь Толик уже успел достаточно налгать. И кроме того, если говорить честно, Железного Человека было немного жалко. Ведь он не виноват, что мальчик заставил его шпионить. Мальчик мог сделать и не такое со своими спичками.

И Толик, поднявшись на вышку, отпустил трос.

Железный Человек быстро развязал петлю. Он не удивился и не обрадовался. Он спокойно поднялся на ноги и встал рядом с Толиком.

— Тебе больно было? — спросил Толик.

— Я — робот. Мне не бывает больно.

— А вот мне бывает. Еще и как, — вздохнул Толик.

Железный Человек промолчал.

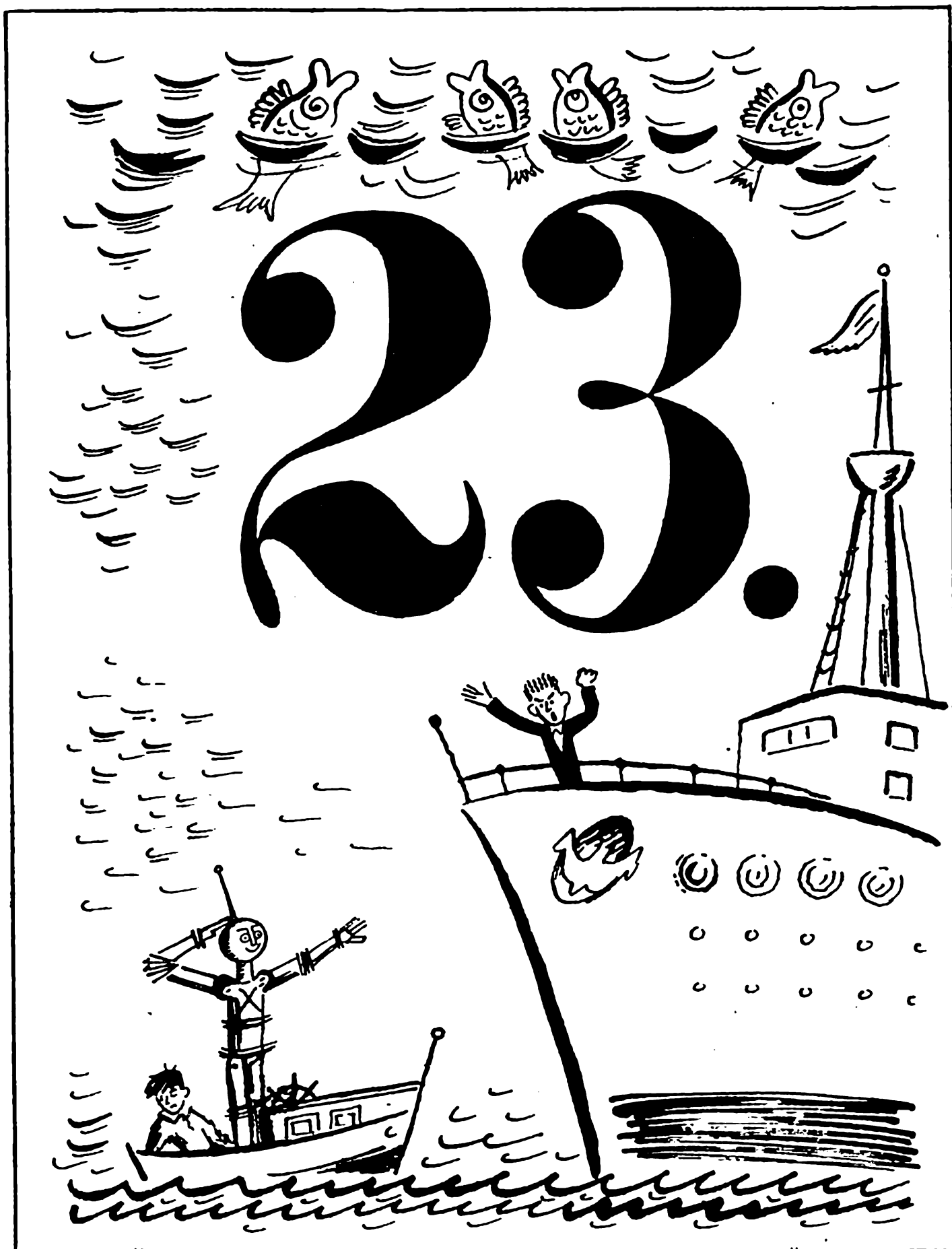
— Скажи, что находится за Чертой? — попросил Толик.

— Не знаю.

— Совести у тебя нет! — сказал Толик.

— Я — робот. У меня не бывает совести.

Толик посмотрел на его улыбающийся неподвижный рот, на большие глаза, которые ничего не выражали, и подумал, что все-таки зря он освободил этого Балбеса.

ЕНЬ УЖЕ КЛОНИЛСЯ К ВЕЧЕРУ, КОГДА ТОЛИК и Железный Человек вышли к берегу моря.

Это было очень тихое и грустное море.

У самого берега высывали из воды головы тихие рыбы и смотрели на Толика грустными глазами. Тут же на песке были разложены красивые лакированные удочки. Их было очень много — с золотыми и серебряными крючками. Рядом с каждой удочкой стояли золотые банки, в которых ползали ленивые червяки.

Толик машинально взял одну удочку. И тотчас же из банки выскочил червяк и сам нацепился на крючок. Толик не удивился. Он уже привык к тому, что здесь все делается без малейших усилий.

Толик забросил удочку, и в то же мгновение у него клюнуло. Впрочем, даже нельзя сказать — клюнуло, потому что Толик даже не почувствовал поклевки. Просто одна из рыбин подплыла к крючку, аккуратно проглотила его и спокойно улеглась кверху брюхом, ожидая, когда ее вытащат.

Толик подтянул рыбу к берегу. Она была большая, килограмма на три, но совершенно не сопротивлялась. Она даже помогала Толику плавниками, как будто считала, что ее тащат слишком медленно.

Толик снял рыбу с крючка и швырнул обратно в море. Рыба удивленно взглянула на Толика из-под воды. Она стояла у самого берега и виляла хвостом, словно раздумывала, не совершила ли она какой-нибудь ошибки. Затем она медленно отплыла от берега метра на четыре и остановилась.

Толик подумал, что это какая-то больная рыба, и снова закинул удочку. Но и вторая рыба вела себя точно так же. Ловить было неинтересно.

— Почему эти рыбы как дохлые? — спросил Толик.

— Непонятно.

— Ну, как мертвые.

— Непонятно.

— Ну, почему они не сопротивляются?

— Это удобно, — сказал Железный Человек. — Не нужно двигать руками. Не нужно затрачивать энергию. Это экономично.

— «Экономично, экономично»! — передразнил Толик. — Помереть тут у вас можно со скуки!

— Непонятно, — сказал Железный Человек. — Ты говоришь: дохлые, мертвые, помереть. Что значит дохлые, мертвые, помереть?

— Помереть? Это значит: раз — и нету.

— Чего нету?

— Меня нету.

— Это не разрешается.

Попробуй не разреши! — возмущился Толик. — Возьму вот и помру. Это лучше, чем у вас жить!

— Ты должен быть здесь. Я — рядом.

— Слушать мне тебя тошно, — сказал Толик. — Идиот ты железный, вот кто.

— Я — Балбес, — поправил Железный Человек.

Толик махнул рукой и зашагал прочь по берегу. Железный Человек двинулся за ним.

Берег повсюду был песчаный, гладкий, как будто его разгладили утюгом. Песок не проваливался под ногами. Идти очень легко. Очевидно, это тоже было «экономично».

Толик вглядывался в морскую даль, но нигде не видел никакой Черты. Отсюда, с низкого берега, не было видно даже того, что удалось разглядеть с вышки — того места, где кончалось море и начиналось ничего. Обыкновенное солнце, приближаясь к обыкновенному горизонту, готовилось утонуть в море.

Минут через пятнадцать ходьбы вдоль бесконечного ряда удочек, разложенных на берегу, Толик подошел к небольшому прогулочному катеру. Это был очень красивый катер, покрашенный голубой и красной краской. Он стоял, приткнувшись к берегу носом.

Но едва Толик подошел поближе, катер развернулся носом в море и мотор его заработал. Видно, катеру очень хотелось, чтобы Толик на нем прокатился.

Лучшего случая нельзя было выдумать.

Толик прыгнул в катер. Железный Человек молча шагнул за ним. Очевидно, пока еще Толик не совершил ничего такого, что не решается.

Толик взялся за штурвал, и катер сразу двинулся с места.

Тихие рыбы высунулись из воды и закивали головами, словно провожая Толика.

Толик направил катер в море, к горизонту, держа курс прямо на заходящее солнце. Железный Человек стоял совершенно спокойно. Он даже не сел. Наверное, он просто не умел сидеть. Ему это было не нужно. Он не знал усталости.

Катер шел очень ровно, не вздрагивая на мелких волнах. Волны расступались перед ним. Управлять было легко. Толик даже попробовал бросить штурвал. Но катер все равно шел ровно, как по ниточке.

Берег быстро удалялся.

Толик, закусив губу, вел катер, каждую минуту ожидая, что Железный Человек ему помешает. Ведь он приближался к какой-то Черте, к которой нельзя было приближаться на два километра. За этой Чертой можно было увидеть что-то такое, о чем не знал даже Железный Человек. Может быть, там страшное... Но сейчас Толику было все равно. Он боялся мальчика с голубыми глазами, ему надоели

движущиеся дорожки и тихие рыбы. Он хотел вернуться к папе и маме. Он хотел снова учиться в школе. Он даже готов был каждый день получать подзатыльники от Чичи, лишь бы выбраться из этого странного и ленивого мира. И он думал о том, что даже если сейчас увидит выход, то все же придется вернуться, чтобы выручить Мишку.

Железный Человек шевельнулся.

— Через восемьсот метров поворот, — сказал он.

— Куда поворот?

— К берегу. Нельзя приближаться на два километра.

— Я поверну, — сказал Толик и еще крепче сжал штурвал.

Катер неся по спокойному морю. И впереди был отступающий горизонт, и было солнце, уже окунувшее один краешек в воду.

— Четыреста метров, — спокойно сказал Железный Человек.

Толик застыл у штурвала, глядя вперед. Там ничего не было, кроме воды.

— Двести метров.

Толик не обернулся.

— Сто метров.

Толик вцепился в штурвал так, что побелели пальцы.

Ноль метров. Поворот.

Толик втянул голову в плечи, но не повернул штурвала. Катер продолжал идти прямо.

— Поворот. Поворот. Поворот, — несколько раз повторил Железный Человек.

Не обращая на него внимания, Толик пристально вглядывался вперед. Там ничего не было, кроме воды и большого солнца, уже наполовину перерезанного линией горизонта. На одну секунду Толику показалось, что вода впереди начинает как бы вспухать, образуя линию. Но, может быть, это были волны?

Железный Человек подошел к Толику и положил свои руки поверх его рук на штурвал. Катер стал заворачивать. Толик сопротивлялся изо всех сил. Но он ничего не мог поделать. Железный Человек был сильнее.

— Больно! — закричал Толик. — Отпусти руки! Мне больно!

Неожиданно Железный Человек убрал руки.

Толик снова вывел катер на прежний курс.

Железный Человек опять взялся за штурвал. Но теперь Толик, не дожидаясь, пока ему действительно станет больно, закричал еще громче:

— Больно! Ой, больно!

Железный Человек снял руки со штурвала и отступил. Казалось, он находился в нерешительности. В это время как будто внутри Железного Человека послышался голос:

— Немедленно поворачивай обратно!

Голос был очень похож на голос мальчика с голубыми глазами. Толик вздрогнул, но все же не свернул с курса. Катер по-прежнему несся прямо на заходящее солнце.

— Повернуть невозможно, — спокойно ответил Железный Человек. — Он не убирает руки.

— Оторви руки от штурвала. Бери управление!

— Это противоречиво, — сказал Железный Человек. — Мне приказано не причинять боли. Я не могу оторвать руки, не причиняя боли.

Голос мальчика взвизгнул и умолк. Железный Человек замер на корме, не глядя на Толика.

А Толик смотрел вперед. Он видел, что вода впереди вспухает все больше. Катер прошел еще несколько метров. И вдруг перед самым носом катера, словно кнутом, хлестнуло по воде что-то яркое. По морю протянулась ослепительная оранжевая полоса, и за ней Толик увидел конец моря. Но дальше было совсем не ничего. Там был город.

Толик увидел знакомые улицы и дома. Они были близко. Они как будто возникли из моря. Толик увидел проспект и машины, которые спокойно катились по нему, увидел людей и булочную, и парк, над которым на мачтах развевались разноцветные флаги.

И еще он увидел кусочек своего дома, который выглядывал из-за соседнего дома, повыше.

Толик жадно вглядывался в знакомые очертания и не замечал, что катер уже не идет вперед, что он неподвижно застыл на оранжевой черте. Толик замахал руками и отчаянно закричал:

— Мама, я здесь! Мама, это я, Толик!

Но никто из пешеходов на улице даже не обернулся на его крик.

И тут же катер дал задний ход. Он медленно сошел с Черты, и все исчезло. Все быстрее и быстрее катер шел к берегу кормой вперед, а там, где последний краешек солнца уходил за горизонт, уже ничего не было, кроме воды. Город исчез, словно растаял.

Навстречу катеру, вздымая буруны, мчался белоснежный теплоход.

Теплоход быстро приблизился, катер сам собой остановился, и Толик увидел мальчика.

Мальчик стоял на капитанском мостике. Он был в форме капитана дальнего плавания. Губы его кривила злая усмешка.

— Ты хотел убежать?

Толик молчал, стараясь справиться с волнением. Ведь он только что был так близко от дома. Но мальчику нельзя этого показывать. Он может заставить его забыть папу и маму.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Я просто катался.

— Разве тебе Балбес не говорил, что пора поворачивать?

— Он говорил. Он мне даже руки выкручивал. А я не люблю, когда мне руки выкручивают. Я нарочно не послушался. Тебе бы, наверное, тоже обидно было, если руки выкручивать.

Мальчик нахмурился.

— Я тебе говорил, что нельзя причинять ему боль, — обратился он к Железному Человеку.

— Я его сразу отпустил, — отозвался Железный Человек.

— Если бы он не выкручивал руки, я бы сам повернул, — сказал Толик. — А так я нарочно не поворачивал. Из вредности.

Лицо мальчика слегка прояснилось.

— Я знаю, что мы с тобой подружмся, — сказал он. — Я очень люблю вредных людей. Я сам вредный! Я вреднее всех на свете! Ты уже готов к тому, чтобы стать моим другом?

— Еще немножко. Еще два денька, — попросил Толик. — Я ловил сегодня рыбу, и мне понравилось. Но ты очень великий человек. Мне нужно привыкнуть.

— Я — Волшебник! — с гордостью сказал мальчик. — А ты — вредная жадина. И ты мне правишься. Только помни, что никто не может со мной бороться. Мне не нужно было выходить из дому, чтобы вернуть твой катер. Ты видел, что он сам поехал назад.

Внезапно мальчик нахмурился, словно вспомнил что-то, и подозрительно посмотрел на Толика.

— Ты видел там что-нибудь? — спросил он, кивая головой на море.

— А чего там видеть? — удивился Толик. — Вода, и все.

— И Черту не видел?

— Какая Черта?

— Никакая, — ответил мальчик. — Это я пошутил. Я очень добрый. Я с тобой шучу, хотя мне ничего не стоит превратить тебя в червяка. Я жду тебя через два дня. Балбес покажет тебе дорогу. Через два дня мы станем друзьями. Я отдам тебе дворец и все магазины.

Белоснежный теплоход, быстро набирая скорость, пошел к берегу. И в ту же секунду заработал мотор катера. Толик не трогал штурвал. Сейчас ему было просто противно прикасаться к штурвалу. Но катер сам знал, что ему нужно делать. Он плыл к тому месту, от которого отчалил.

Выйдя из катера, Толик повалился на песок. Перед глазами у него все еще стояла оранжевая Черта, а за ней — знакомые улицы и кусочек дома, в котором он когда-то жил. Перед Толиком появлялись и исчезали знакомые лица: мамы, папы, Анны Гавриловны, толстого доктора, который сейчас казался просто чудесным человеком, Лени Травина, который так хорошо играет на скрипке, и многих, многих других. Все это были лучшие в мире люди. Жить без них казалось невозможным.

Размышления Толика прервал безучастный голос Железного Человека.

— Пора спать.

— Я не буду спать! — сердито сказал Толик. — Отстань!

— Ты можешь делать все, что хочешь.

— А ты когда-нибудь делаешь, что хочешь?

— Я выполняю приказания.

— Неужели тебе никогда ничего не хочется? Например, стать человеком?

— Я — робот. Так приказал Волшебник.

— Ты просто ябедник, — с обидой сказал Толик. — Ты... подхалим, вот ты кто!

— Непонятно.

— Замолчи лучше! — сказал Толик и швырнул в Железного Человека горсть песка. Тот не шелохнулся. На лице его сияла безмятежная железная улыбка.

— Он убьет Мишку, — сказал Толик скорее себе, чем Железному Человеку. — Или превратит его в червяка. Ты понимаешь это?

— Дохлые, мертвые, помереть... — бесстрастно сказал Железный Человек. — Понятно. Человек и собака: раз — и нету.

— Вот тебя бы: раз — и нету, — возмутился Толик. — А мне он друг. Он, а не твой дурацкий Волшебник! Его нужно спасти. И ты мог бы мне помочь. Ты же просил меня помочь, когда висел, как сосулька. Ты даже сказал «пожалуйста»...

— Слово «пожалуйста» необходимо при разговоре с человеком.

— Вот и я прошу тебя как человека: пожалуйста, помоги освободить Мишку. Ведь тебе все равно. Ты железный, тебе ничего не будет.

— Это не разрешается.

— Тогда молчи! — крикнул Толик. — Шпион железный! Не могу я с тобой разговаривать. У меня от тебя голова разболелась.

При слове «разболелась» Железный Человек слегка шевельнулся. У Железных Людей это является признаком крайнего волнения.

— Тебе нельзя причинять боль. Я не причиняю тебе боли.

— Причиняешь, — сказал Толик, и вдруг неожиданная догадка мелькнула у него в голове. Толик вспомнил, как при слове «больно» Железный Человек отпустил его руки. — Причиняешь, — повторил Толик. — Ты даже не хочешь сказать, где человек и собака. Мне от этого очень больно.

— Это не разрешается. Но от этого не может быть больно.

— Еще и как может, — сказал Толик. — Мне очень даже больно.

— Человек и собака в доме у воды. Двадцатый этаж.

— Это я знаю. А где дом у воды?

— Это не разрешается.

— Мне больно!

— Там, сказал Железный Человек, показывая рукой вдоль берега.

Толик взглянул в ту сторону и увидел едва различимое в сумерках белое пятнышко на берегу.

— Ты молодец! — радостно сказал Толик. — Ты очень хороший. Ты не такой уж глупый. Ты мне очень нравишься.

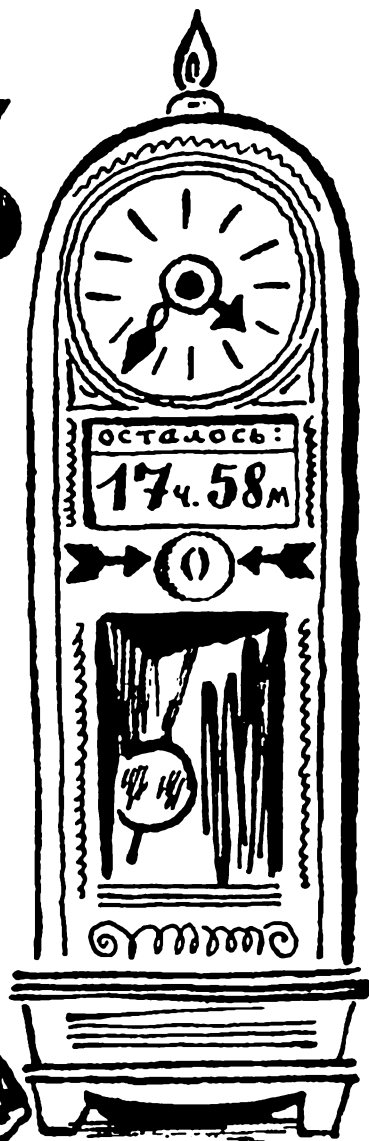
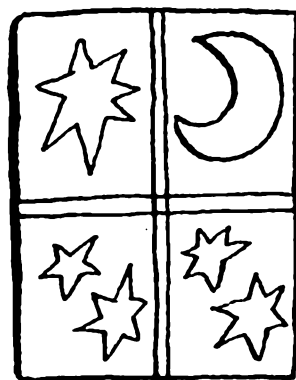
— Непонятно.

— Ты... ты экономичный! — выпалил Толик.

И снова при последних словах Толика Железный Человек слегка шевельнулся, что означало, очевидно, великое удовольствие. Видно, все же он был не такой уж железный, каким казался с первого взгляда. Видно, и у него могли быть свои железные радости.

А Толик с замиранием сердца следил за роботом и чувствовал, что сейчас он сделал великое открытие.

24.

МИШКА СТОЯЛ У ОКНА И СМОТРЕЛ, КАК большое, красное солнце уходило за горизонт. Вернее, оно уходило за край моря. Еще вчера Мишка разглядел с высоты двадцатого этажа, что у этого странного моря есть край. Море кончалось каким-то обрывом. За краем обрыва было ничего. Не вода, не воздух, не небо, не звезды, а просто — ничего. В это ничего и скрывалось солнце. Даже не скрывалось, а становилось все меньше и меньше, будто таяло.

Уже прошло больше двух суток с тех пор, как часы на стене начали отстукивать время.

Сквозь открытое окно снаружи не доносилось ни звука.

Ничто не шевелилось внизу на песчаном пляже. Даже волны были какие-то игрушечные и замирали, едва подойдя к берегу.

Далеко в море Мишка видел крошечное белое пятнышко. Там плавал теплоход, на котором катался мальчик с голубыми глазами. Сегодня утром Мишка видел из окна, как мальчик ловил рыбу. За пять минут он наловил целую гору рыбы и ушел, оставив ее лежать на берегу. Рыба лежала у самой воды, но ни одна из рыбин не шевелилась и не делала попытки скатиться в море. Похоже было, что мальчик наловилдохлой рыбы.

Глядя на пустынное море и пустынный берег, Мишка думал о том, что, наверное, где-то сейчас вот так же стоит у окна и смотрит вниз Толик. И ему, как и Мишке, никогда не выбраться из этой страны. Сначала Мишка злился на Толика. Ведь из-за него случилась вся эта история, которая неизвестно чем кончится. Но потом Мишка подумал, что они с Толиком остались теперь совсем одни и им никак не следует злиться друг на друга. Мишка очень хотел выбраться отсюда и помочь выбраться Толику. Но за окном был пустынный пляж, да и до него было метров шестьдесят. Не прыгать же с такой высоты.

Белоснежный теплоход, поднимая волны, которые, между прочим, тут же успокаивались, подходил к берегу. Мишка отошел от окна. Ему не хотелось видеть мальчика даже издали.

Но это не помогло. Минут через пять отворилась дверь и в комнату вошел мальчик. Майда присела и приготовилась прыгнуть. Она прыгала всегда с таким видом, словно хотела перегрызть мальчику горло. Даже наталкиваясь на невидимую преграду, она не успокаивалась. Было непонятно, почему она так ненавидит мальчика. Ведь он не сделал ей ничего плохого. Он просто не обращал на нее внимания.

Мишка взял Майду за ошейник и почувствовал, что она дрожит от злости.

— Ну, ты еще не передумал? — спросил мальчик.

Мишка ничего не ответил.

— Слушай, Мишка, — продолжал мальчик. — Я сегодня добрый. Я сегодня щедрый. Я все равно превращу тебя во что-нибудь, но это будет завтра. А сейчас ответь мне: неужели тебе так трудно попросить прощения?

— Ты отпустишь меня с Толиком, если я попрошу прощения?

— Толик оказался очень вредным человеком. Он мне теперь нравится еще больше. Он ловил рыбу и катался на катере. Ему очень понравилось. Правда, он чуть не добрался до Черты... Но это вышло случайно. И он ничего не заметил. Он уже наполовину стал моим другом.

— Плевал я на твою Черту!

Мальчик засмеялся.

— Нет, ты не плевал. Ты даже не знаешь, что это такое. Ты и сам бы поплыл к Черте, если бы я отпустил тебя. Если подойти к Черте на закате, можно увидеть город. Если подойти к Черте с рассветом, то можно уйти. Это единственный путь, потому что на рассвете кончается вчерашний день и начинается сегодняшний. Теперь ты все знаешь. И теперь ты не уйдешь отсюда, даже если попросишь прощения.

У Мишки похолодели руки и ноги. Он с ненавистью взглянул на мальчика. Никогда и никого так не ненавидел Мишка за всю свою жизнь. Если бы он мог, то бросился бы на него, как Майда, и хотя бы раз двинул его кулаком, прежде чем превратиться в червяка. Но мальчик был надежно защищен от его ударов. Он спокойно смотрел на Мишку. И на лице его сейчас не было никакой злости. Он выглядел так, будто пришел посоветоваться с Мишкой, во что бы лучше его превратить. И это было обиднее всего.

— Слушай, ты — волшебник? — спросил Мишка.

— Наконец-то ты это понял. Я — Великий Волшебник! Но тебе уже ничто не поможет. Впрочем, за эти слова я могу тебя пощадить. Ты останешься человеком. Но ты никогда не выйдешь из этой комнаты. Если, конечно, не захочешь прыгать с двадцатого этажа.

Мальчик засмеялся. Но Мишка продолжал, не обращая внимания на его слова:

— Ты — самый великий? Ты можешь сделать все что угодно? Тебе стоит только пожелать?

— Правильно! — мальчик гордо выпятил грудь. — Ты начинаешь исправляться. Я — самый великий! Я — Волшебник!

Мишка посмотрел мальчику в лицо и засмеялся.

— Тогда почему же ты выпрашиваешь у Толика дружбу? Ты просишь, как нищий. Ты хочешь дружить без спичек? Но разве с тобой будет кто-нибудь дружить? Ты можешь только заставить. Ты не великий волшебник, а великий нищий.

Мальчик вздрогнул, и глаза его засветились холодным и злым огнем.

— Я превращу тебя в червя! — завизжал он.

— Ты сам в него давно превратился! — ответил Мишка.

— Осталось восемнадцать часов! — от злости мальчик не мог стоять спокойно. Он извивался так, будто его стегали кнутом. — Восемнадцать! Восемнадцать! — орал он, пятась к двери, словно боялся Мишки.

Дверь сама открылась и сама захлопнулась за мальчиком.

Мишка посмотрел на часы. Оставалось семнадцать часов и пятьдесят восемь минут.

ОГДА ТОЛИК ПРОСНУЛСЯ, БЫЛО СОВСЕМ ТЕМНО. На темном небе ярко светили звезды. Одна звездочка, самая яркая, быстро бежала по небу. «Спутник, — подумал Толик. — Значит, я уже дома и мне снится сон. Я ведь часто видел дома во сне спутников».

Толик приподнялся на локте. Совсем рядом с еле слышным шелестом накатывались на берег мелкие волны. Прямо перед Толиком стоял неподвижно Железный Человек.

Толик снова взглянул на небо. Спутника уже не было. Он прочертил среди звезд свой путь и ушел. Скоро он выйдет на дневную сторону Земли и увидит города, в которых живут люди. Наверное, над спутником не властен вчерашний день, если его можно видеть в этом странном и ненавистном мире.

Толик поднялся на ноги. Далеко, у самого берега, мерцала яркая звезда. Скорее даже не звезда, а светлое пятно. Там был дом, в котором находились человек, собака и мальчик с голубыми глазами.

Внезапно Толик почувствовал, что он больше не может оставаться один. Он должен увидеть Мишку. Он пройдет туда прямо сейчас, ночью. Может быть, они вдвоем, как раньше, и придумают что-нибудь. И наплевать ему на мальчика и все его коробки, потому что дальше так жить невозможно.

— Я иду к дому на берегу, — сообщил Толик.

— Это не разрешается, — сказал Железный Человек.

— Нет, разрешается. Ты слышал, как Волшебник сказал: «Балбес покажет тебе дорогу»?

— Ты уже готов к тому, чтобы стать другом волшебника?

— А ты сам-то знаешь, что такое друг?

— Друг делает подарки: дворец и магазины.

— Нет, — сказал Толик, — друг — это... это... — Толик запнулся и растерянно замолчал. Он не мог объяснить, что такое друг. Раньше он никогда не задумывался над этим. Они с Мишкой ходили вместе и сидели на одной парте. Этого было достаточно, чтобы их считали друзьями. Мишка заступался за Толика, а Толик тоже... тоже... чего-то делал для Мишки. Сейчас даже не вспомнить что. И лучше даже не вспоминать, потому что в голову лезут не очень приятные воспоминания.

— Друг — это когда спасает от чего-нибудь или помогает... — сказал наконец Толик. — Друг — это Мишка.

Но Железный Человек не понял его.

— Ты готов получить подарки: дворец и магазины?

— Да, да, — ответил Толик, — готов. Идем скорее.

Они шли по скрипучему песку. Толик то и дело спотыкался об удочки, аккуратно разложенные по всему берегу. Идти было тяжело, а светлое пятно почти не приближалось. Толик очень устал. Он огляды-

вался на Железного Человека и, пожалуй, впервые за все время позавидовал ему.

Наконец вдаль начали вырисовываться контуры дома с ярко освещенными окнами. Дом был громадный, и окон было очень много. Толик еще долго шел до этого дома, а когда подошел и встал рядом, то почувствовал себя совсем крохотным.

Где-то в этой громаде были сейчас Мишка, Майда и мальчик с голубыми глазами.

— Волшебника нельзя беспокоить во время сна, — сказал Железный Человек.

Толик чуть не подскочил от радости. Он и сам боялся, что мальчик проснется и подарит ему дворец и магазины.

— Конечно, мы не станем его будить, — прошептал Толик. — Пускай спит на здоровье. Это экономично.

Железный Человек слегка шевельнулся, и Толику показалось, что если бы не железные губы, то робот улыбнулся бы еще шире.

Задрав голову, Толик несколько раз обошел вокруг дома. Он не увидел ни одного темного окна. Во всех окнах двадцатого этажа горел свет. Толик попробовал вызвать Мишку старым, испытанным способом. Он набрал мелких камней и стал швырять их во все окна по очереди. Железный Человек следовал за ним по пятам, но ничего не говорил. Очевидно, это не запрещалось. Или, быть может, мальчик просто не догадался запретить это.

Скоро у Толика заныла рука, но он так ничего и не добился. Ему не удавалось докинуть камень даже до десятого этажа.

Небо стало чуть-чуть светлеть. Толик с ужасом подумал, что скоро начнется рассвет и проснется мальчик, и тогда ничего уже нельзя будет сделать. Но надо сказать, что он даже не подумал уйти. Он в двадцатый раз обходил дом и все смотрел, не покажется ли Мишка в одном из окон двадцатого этажа.

— Толик... — услышал вдруг он негромкий голос.

Толик с удивлением оглянулся на Железного Человека. Но Железный Человек молчал. Голос доносился сверху.

Толик поднял голову и в одном из окон увидел Мишку.

А затем рядом с Мишкой появилась голова Майды и над притихшим берегом разнесся звонкий собачий лай.

Толик изо всех сил замахал руками, но Мишка, видно, и сам догадался. Голова Майды исчезла, и лай прекратился.

— Я не могу отсюда спуститься. Дверь заперта, — тихо сказал Мишка. — Я знаю, как спастись. Мне только нужно выбраться.

— Я не могу войти в дом, — ответил Толик.

Они говорили очень тихо. Но и кругом тоже было тихо. Слышно было каждое слово.

Толик взглянул на Железного Человека. Трудно было понять по его виду, понимает он что-нибудь или нет.

— Сними оттуда человека и собаку, — сказал Толик, стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно строже.

— Это не разрешается.

— Это мой друг, — жалобно сказал Толик. — Понимаешь, друг! Он погибнет, если его там оставить. И я тоже погибну.

— Погибнет, — спокойно сказал Железный Человек. — Раз — и нету. Ты не погибнешь. Я — рядом.

— Но он мой друг!

— Друг дарит дворцы и магазины. Он не дарит. Дарит Волшебник.

— Плевал я на магазины! — горячо зашептал Толик. — Он мой друг, и мне очень больно, что я не могу ему помочь.

Железный Человек забеспокоился.

— Тебе нельзя причинять боли.

— А мне больно, — упрямо сказал Толик. — Полезай и сними его. А то мне очень больно. Больно! Больно!

Казалось, Железный Человек был очень взволнован. Снова внутри у него послышался какой-то скрип. То ли это натянулись его железные нервы, то ли зашевелились железные мозги. Он колебался. Он даже подошел к стене, затем вернулся к Толику и снова — к стене.

— Ну, ну, — шептал Толик, — лезь! Мне очень, очень больно.

Но Железный Человек успокоился так же неожиданно, как и взволновался. Он отошел от дома и встал рядом с Толиком. Наверное, приказ быть всегда рядом оказался главнее.

Толик с отчаянием взглянул на небо. Оно стало еще чуточку светлее.

Толик бросился к берегу. Железный Человек побежал за ним.

Толик не знал еще, чем можно помочь, но понимал, что нельзя терять ни одной минуты. Он надеялся, что попадется какая-нибудь очень длинная палка или веревка, которую можно будет забросить Мишке. Он не знал еще, как это сделать, но бежал по пустынному и гладкому берегу и лихорадочно оглядывался по сторонам.

А сзади, улыбаясь своей бессмысленной улыбкой, неторопливо переставляя свои не знающие устали ноги, бежал Железный Человек.

На пристани, возле которой стоял белоснежный теплоход, Толик нашел то, что искал. Это была большая бухта толстого пенькового каната. Зачем она тут лежала — неизвестно. Теплоход стоял покорно и тихо без всякой привязи. Наверное, мальчик видел раньше такие пристани. Он ничего не мог выдумать сам. Он сделал у себя все то, что видел.

— Забирай канат, — сказал Толик.

— Ты пришел сюда за дворцом и магазинами.

— Мне больно! — сказал Толик. — Забирай канат.

Железный Человек без всякого усилия поднял бухту и понес ее за Толиком.

— Подними на двадцатый этаж конец каната, — сказал Толик, когда они снова подошли к дому.

— Я не могу тебя оставить. Я — всегда рядом.

— Тогда подними меня вместе с канатом.

Железный Человек заколебался.

— Мне больно! Мне будет еще больней, если ты не поднимешь.

Железный Человек прицепил к себе конец каната, обхватил Толика одной рукой и полез наверх. Вот когда Толику было действительно больно. Ведь железные руки не чувствуют своей силы. Железные пальцы впились Толику в бок, и он едва удерживался, чтобы не закричать. Теперь Толик понял, что испытывали другие, когда он жал им руки.

А Железный Человек, цепляясь одной рукой за карнизы и подоконники, лез наверх. Толик глянул вниз, и ему стало так страшно, что он забыл о боли. Ноги его болтались в пустоте, руками он изо всех сил вцепился в Железного Человека. Внизу, как на дне пропасти, разматывалась бухта каната, которая казалась отсюда совсем маленькой.

А Железный Человек лез наверх с железным бесстрашием. Порой его пальцы могли ухватить только маленький кусочек подоконника. Подоконник гнулся и готов был обломиться, но Железный Человек подтягивался на одной руке и поднимался еще на один этаж.

Толик уже ни о чем не думал. И когда они добрались до двадцатого этажа и Железный Человек отпустил его, Толик свалился на пол комнаты почти без сознания.

Очнулся он от прикосновения чего-то теплого и мокрого. Прямо в лицо ему дышала своим теплым дыханием Майда. Она лизала Толика в щеку. А рядом стоял Мишка.

— Ты сумеешь спуститься? — спросил Мишка, не обращая внимания на Железного Человека.

Толик кивнул. Мишка нагнулся и прошептал Толику на ухо:

— Нужно обмануть этого Балбеса. Я знаю про него. Он всегда рядом с тобой. Он тебя не отпустит.

— Полежай, — прошептал Толик. — Я его обману.

Мишка связал Майде лапы поводком и посадил ее себе на спину. Умная Майда не издала ни одного звука, как будто понимала, в чем дело. Железный Человек улыбаясь смотрел, как Мишка исчез за окном. Очевидно, у него не было приказа следить за Мишкой.

Толик выглянул в окно. Мишка был уже на земле. Толик внимательно оглядел комнату. Затем он подбежал к постели, сорвал с нее одеяло, подушку, матрац и бросил все это на пол. Железный Человек, со свойственной ему аккуратностью, принялся застилать постель. А Толик носился по комнате и сбрасывал на пол вазы, опрокидывал стулья и скидывал скатерти со столов. Железный Человек терпеливо восстанавливал порядок.

Выбрав минуту, когда Железный Человек повернулся к нему спиной, Толик бросился к окну. Сейчас он думал лишь о том, чтобы добраться до земли как можно быстрее. Он обхватил канат и, обжигая руки, помчался вниз. Он спускался зажмурившись — от этого было не так страшно. Открыл глаза Толик лишь тогда, когда ноги его коснулись земли. И в ту же секунду в окне двадцатого этажа показался Железный Человек. Он не стал тратить времени на размышления. Он спокойно шагнул вперед и полетел вниз, с каждым мгновением набирая скорость. Ребята едва успели отскочить в сторону. Железный Человек со свистом промелькнул рядом с ними и врезался в песок пляжа. Он упал набок, но тут же поднялся и стоял, покачиваясь и улыбаясь своей застывшей улыбкой.

Мишка остолбенел. От удивления он не мог даже бежать. А Толик, который знал Железного Человека гораздо дольше, чем Мишка, видел, что на этот раз не все обошлось благополучно. Что-то надломилось в железных внутренностях. Это «что-то» было едва заметно, но оно было. Железный Человек стоял не прямо, как всегда, а на чуть согнутых ногах. И голова у него как будто немного свернулась на сторону. Но он стоял молча и улыбался. И Толику почему-то было немного жалко Железного Человека.

Первым опомнился Мишка.

Он взглянул на море, где уже начинало светлеть у кромки горизонта, и прошептал:

— Здесь есть лодка?

— Я знаю, где стоит катер.

— Бежим туда. На восходе можно уйти.

— Я еще раньше догадался, — прошептал Толик.

Едва ребята сделали первый шаг, они услышали по-прежнему спокойный, но немного дребезжащий голос Железного Человека:

— Нельзя выходить с рассветом.

— Бежим, он сломался, — шепнул Толик.

Ребята бросились бежать по берегу. Железный Человек заковылял за ними. И теперь уже стало совершенно ясно, что он сломался. Он не успевал за ребятами. Он бежал, неловко подпрыгивая, широко расставляя ноги, и постепенно отставал все больше и больше. Все тише и тише звучал за спинами ребят его дребезжащий голос:

— Нельзя выходить с рассветом. Нельзя выходить с рассветом. Нельзя выходить с рассветом...

— Он пожалуется мальчишке, — проговорил на бегу Мишка.

— Нет. Волшебника нельзя будить... Все, что он помнит, он помнит железно... — ответил Толик.

Ребята бежали вдоль берега, спотыкаясь об удочки, и тихие рыбы высывались из воды при их приближении. Они смотрели с недоумением, как будто удивлялись, что эти двое не хотят ловить их и куда-то бегут так быстро и так неэкономично...

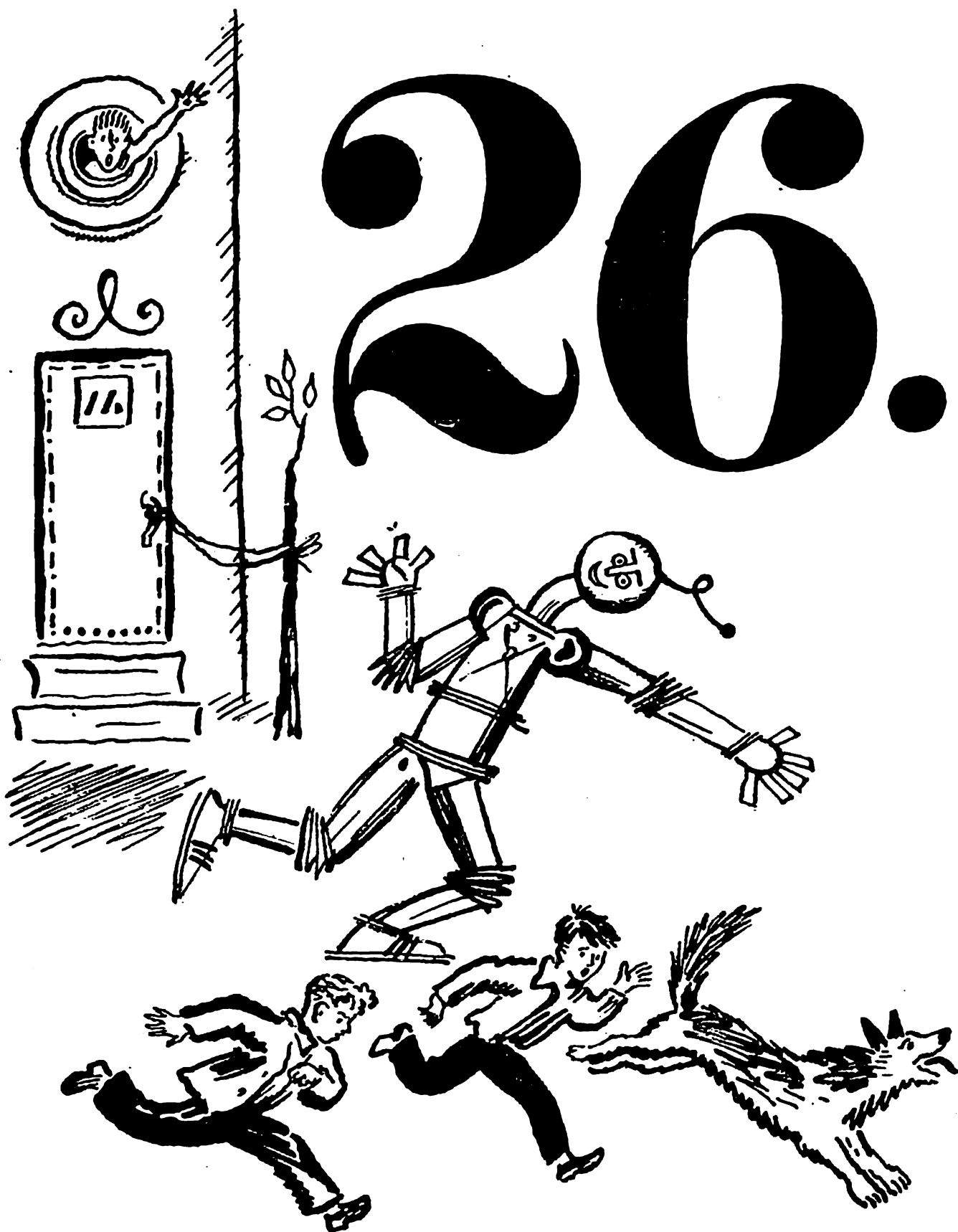
Они отбежали уже довольно далеко от дома, но вдруг Мишка схватил Толика за руку и остановился. Он показал рукой на горизонт, который уже стал наливаясь нежно-зеленым светом, и сказал:

— Мы не успеем. Он встает очень рано. Он увидит канат. Он увидит наш катер в море...

Майда остановилась впереди ребят. Она с удивлением повернула голову и залаяла. Она так хотела бежать дальше. Ведь она давно уже не бегала.

Но Майда так и не дождалась своего хозяина. Он стоял неподвижно и смотрел на море.

26.

АЛЬЧИК ВСТАВАЛ ОЧЕНЬ РАНО. ЕДВА ОТКРЫВ глаза, он с удовольствием вспомнил, что сегодня истекает срок. Мальчик уже вчера решил, что сначала он превратит Мишку в червяка. Потом, когда червяк поживет в земле с недельку, он превратит его в тихую рыбу и будет ловить и отпускать обратно. Потом он будет превращать его еще во что-нибудь, и так до тех пор, пока Мишка не попросит прощения. И если Мишка попросит прощения, он навсегда превратит его в катер.

С такими приятными мыслями мальчик поднялся со своей золотой постели. Он прошел через двадцать две своих спальных комнаты и вышел к лифту. Через несколько секунд он уже был в подвале. Там хранились коробки с волшебными спичками. Мальчик заходил сюда каждое утро. Как обычно, все было в порядке.

Мальчик поднялся на первый этаж. Он вышел на площадку перед подъездом. Было раннее утро. Солнце еще не взошло, но утреннего холода совсем не чувствовалось. В доме и на улице была всегда одинаковая температура: 25 градусов. Мальчик с гордостью подумал, что только у него никогда не бывает ни весны, ни осени, ни зимы, а — сплошное лето. А море, в котором сейчас мальчик собирался искупаться, было теплое, как чуть остывший бульон.

Мальчик сошел с площадки и ступил на теплый ровный песок. И сейчас же машины на стоянке зафырчали, слегка вздрагивая. Любая из них готова была везти мальчика хоть на край света. И одновременно с машинами заработали моторы катеров, стоявших невдалеке от берега.

Но мальчик не обратил на все это никакого внимания. Он давно уже привык к таким мелочам. Они не радовали его. И если бы ему не лень было придумывать, он давно придумал бы что-нибудь получше.

Мальчик дошел до угла дома и остановился. Он увидел канат, свисавший с двадцатого этажа. Мальчик с тревогой взглянул в сторону моря. Оно было пустынным — ни лодки, ни катера. Мальчик усмехнулся. Разве можно спрятаться от Волшебника в его собственной стране?

Какая-то тень шевельнулась за углом здания. Мальчик взглянул в ту сторону, и глаза его вспыхнули. Он увидел притаившихся ребят. Они были заодно — Мишка и Толик. Значит, Толик обманул его. Это он помог выбраться Мишке из дома. Ну что ж, еще одним червяком станет больше.

Мальчик провел рукой по тому месту, где должен был быть карман, и побледнел. Он вышел купаться в трусах. У него не было спичек.

Мальчик бросился к подъезду и в ту же секунду услышал за спиной крик:

— Толик, держи его, он без спичек!

Мальчик слышал, как быстро бежит Толик. Он слышал, как быстро и неэкономично стучит его собственное сердце. У него подкашивались ноги. Он видел дверь подъезда, до которой нужно было добраться, и больше ничего не видел. Он бежал изо всех сил. Но его ноги отвыкли бегать. Они не слушались мальчика.

Толик с разбегу прыгнул ему на спину, и они покатались по песку.

Никогда еще Мишка не видел такой короткой драки. Она окончилась в одну секунду. Мальчик лежал на спине и возил ногами по песку, стараясь ударить Толика. Он был старше и крупнее Толика. Но он трусил. У него просто отнимались руки от страха. Огоньки в глазах его вспыхивали часто и злобно. Он с ненавистью глядел на Толика. Но сейчас он не был похож на Волшебника. Он был самым обыкновенным трусом.

Майда прыгала вокруг и старалась укусить мальчика. Но она каждый раз натывалась на невидимую преграду. Подошел Мишка и встал неподалеку. Ему тоже что-то мешало подойти совсем близко.

Мальчик скосил глаза и увидел Железного Человека, который, как обычно, стоял рядом с Толиком.

— Балбес... — крикнул мальчик.

— Я — здесь! Я — рядом.

— Зажми ему рот! — крикнул Мишка.

Толик зажал ладонью рот мальчика. Тот впился в нее зубами. Толику было очень больно. Но он не отнял руки. Железный Человек остался стоять на месте, безразлично улыбаясь. Он спокойно смотрел, как Толик сидит верхом на его хозяине, но не двигался. Ведь он не получил приказа...

Мальчик понял, что ему уже никто не поможет. Как хотелось ему, чтобы в руках у него оказалась хотя бы одна спичка. Он превратил бы в пыль этих жалких людишек. Он убил бы их на месте! Он думал, что самое правильное было бы убить их на месте. Но думал он одно, а сказал совсем другое.

— Отпустите меня, — плаксивым голосом сказал он, — я покажу вам, как отсюда выбраться.

Голос мальчика был смирный и жалобный. И лицо его было жалобное. Но глаза выдавали его. В них плясали знакомые Толику голубые огни.

— Держи его, Толик, — сказал Мишка. — Ему нельзя верить.

— Честное слово... — проговорил мальчик.

— Заткнись лучше, — сказал Толик.

Мальчик изо всех сил рванулся и закричал:

— Балбес, хватай!...

Но Толик не дал ему договорить. Он припечатал ладонью рот мальчика, а когда тот снова попытался его укусить, для полной гарантии стукнул мальчика по уху.

— Непонятно, — ровным голосом сказал Железный Человек, глядя на своего хозяина, извивавшегося под Толиком.

— Толик, давай быстрее, — сказал Мишка, поглядывая на горизонт, из-за которого уже скоро должно было появиться солнце.

— А чего быстрее? Я же не могу его отпустить!

— Давай его привяжем куда-нибудь.

Мальчик замычал и руками показал, что он будет молчать. Толик отпустил его. Он набрал полную горсть песка и показал мальчику.

— Вот смотри. Если скажешь роботу хоть одно слово, я тебе песком рот заткну.

— Вы такие хорошие, добрые ребята, — сказал мальчик. — Я понял теперь, что был очень злым. Я очень хочу вывести вас отсюда. Я даже сам уйду вместе с вами.

— Нужен ты нам! — сказал Мишка.

— Я же хочу вам помочь. Мне нужно зайти в дом и взять хотя бы одну спичку. И вы сразу окажетесь дома.

— Так мы тебе и поверили, — сказал Мишка. — Вставай и не разговаривай.

Мальчик поднялся на ноги, отряхиваясь от песка.

— Давай, Толик, тащи его в павильон. Мы его там привяжем.

— Я не пойду! — завизжал мальчик. — Балбес!..

Но сейчас Толик был настороже. Он заткнул Волшебнику рот. На этот раз кулаком. Что же ему еще оставалось делать?

Мальчик тихо скулил, облизывая разбитые губы. Он искоса поглядывал на Железного Человека, и тот отвечал ему своей железной улыбкой.

Мишка снял с себя рубашку и протянул Толику.

— Завяжи ему рот.

Толик обмотал рубашку вокруг головы Волшебника и завязал рукава на затылке.

— Иди, — приказал Толик. — Иди, пока я тебя ногой не стукнул.

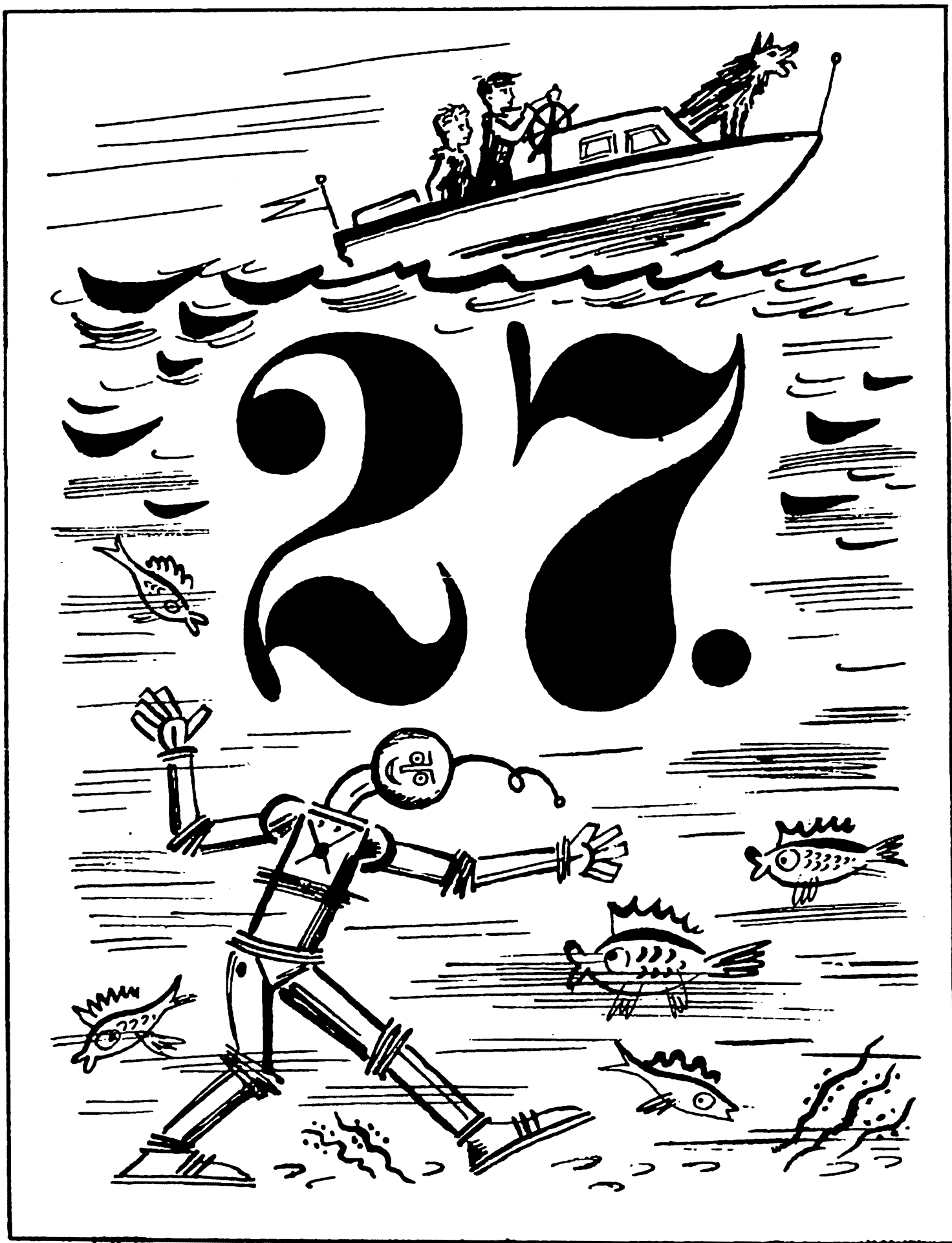
Мальчик покорно поплелся к павильону, в котором он обычно завтракал.

В павильоне было много столов, на них стояли тарелки с едой, но сейчас ребятам было не до еды. Мишка отцепил поводок Майды. Они втолкнули Волшебника в уборную, в которой почему-то стояло пятнадцать золотых унитазов, и крепко прикрутили поводком ручку двери снаружи.

Тотчас же с другой стороны двери послышался грохот. Это Волшебник колотил в дверь ногами, стараясь выбраться из своей ослепительной уборной. Но ребята, не обращая на него внимания, выбежали наружу.

Они бежали по берегу, а вслед за ними ковылял Железный Человек и повторял своим дребезжащим, надломленным голосом:

— Слишком быстро. Слишком быстро. Я должен быть рядом.

ДВА РЕБЯТА ПОДОШЛИ К КАТЕРУ, МОТОР, КАК И в прошлый раз, заработал сам собой.

Мишка прыгнул в катер, и вслед за ним прыгнула Майда.

— Скорее! — крикнул Мишка.

Но Толик мешкал. Он смотрел на Железного Человека, который, странно наклонившись и волоча ноги, брел по берегу метрах в двухстах от катера. В этот раз уставшие ребята бежали не так быстро, и Железный Человек отстал совсем немного.

Толик смотрел на Железного Человека, и какая-то непонятная жалость овладевала им все больше и больше.

Трудно объяснить, почему это было так. Может быть, потому, что Железный Человек уже не казался таким железным.

— Давай возьмем его с собой, — предложил Толик.

— Что он там будет делать?

— Не знаю.

— Хотя можно его разобрать и посмотреть, как он устроен, — сказал Мишка. — А потом мы сами сделаем такого.

— Нет, не надо разбирать, — сказал Толик. — Давай лучше поедем.

Толик повернул штурвал, и катер стал удаляться от берега.

Толик видел, как Железный Человек подошел к тому месту, от которого отчалил катер. Сквозь шум мотора Толик слышал его дребезжащий голос:

— Слишком быстро. Слишком быстро. Я должен быть рядом.

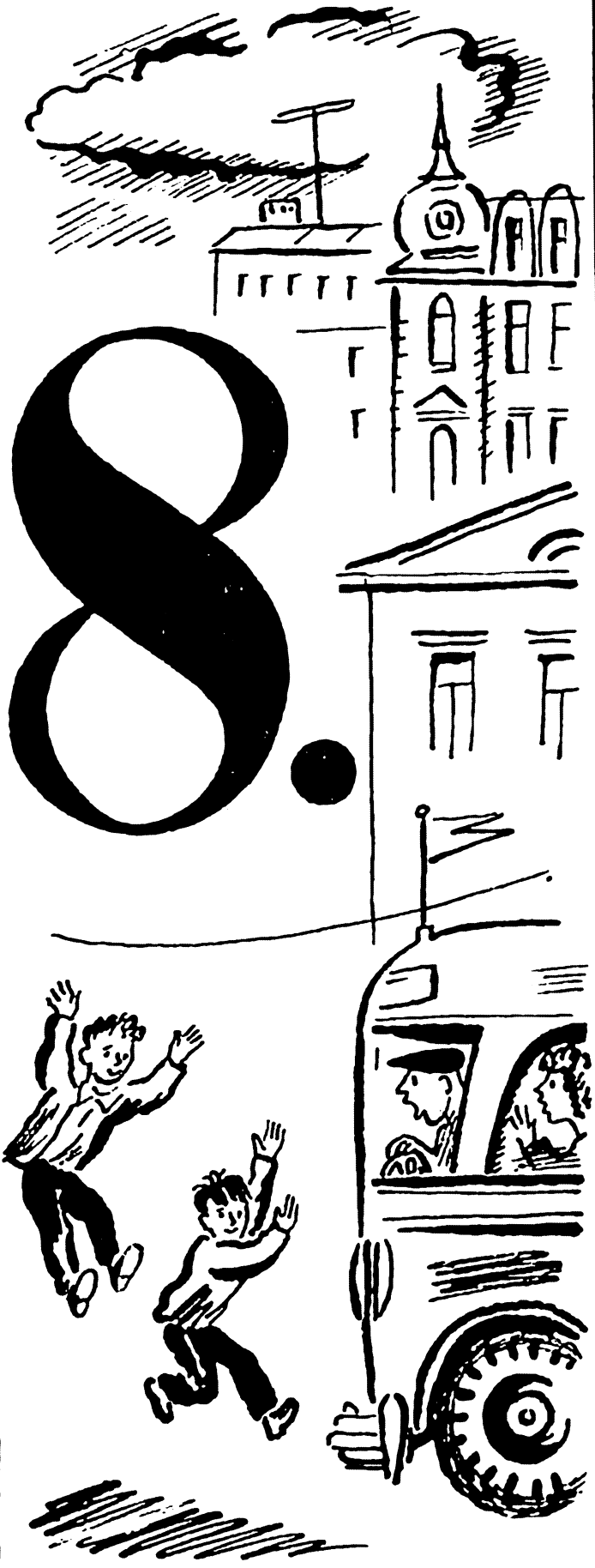
Повторяя эти слова, Железный Человек вошел в воду и двинулся вслед за катером. Дно постепенно понижалось, и Железный Человек все более погружался в воду. Она уже покрыла его плечи, но он все шел, улыбаясь своей железной улыбкой.

Тихие рыбы безмолвно уплывали, уступая дорогу. Над головой Железного Человека тускло поблескивала поверхность моря. Уже кончилась полоса прибрежных водорослей, и вода стала синее. Но Железный Человек не замечал всего этого. Он шел вперед и вперед, туда, где темной синью отливала глубина и где, кроме этой глубины, ничего больше не было.

А для сидящих в катере Железный Человек давно уже скрылся.

Толик не оборачивался. Он смотрел вперед. Он крепко держал штурвал, по щекам его катились соленые капли.

Впрочем, это могли быть и брызги. Море, оно ведь тоже соленое

ДЕ ЭТА САМАЯ ЧЕРТА? — СПРОСИЛ МИШКА. — ЧТО-то я ее не вижу.

— Увидишь, — отозвался Толик, вглядываясь вперед. — Я сам ее пока не вижу. Она должна быть очень яркая.

Внезапно Майда забеспокоилась. Она смотрела вперед, в одну точку, и слегка повизгивала. Она видела что-то такое, чего еще не видели ребята. А скорее всего — чувствовала. Ведь собачьи глаза ничуть не зорче человеческих.

Прошло несколько минут, и Толик начал замечать, что море впереди как бы вспухает. И одновременно с этим, как будто выплывая из тумана, за тем местом, где кончалось море, стали возникать неясные очертания города.

— Я вижу! — заорал Мишка. — Толик, я вижу!

И сразу же перед лодкой вспыхнула и засияла нестерпимым оранжевым светом огненная дорожка. Она искрилась, как поток расплавленного металла. А за ней, совсем рядом, виднелись дома и улицы родного города.

Лодка коснулась носом Черты. Вот уже треть лодки за Чертой... Но в ту же секунду за кормой вскипел бурун. Мотор начал работать в обратную сторону. Катер медленно стал сползать с Черты.

И на этот раз Толик сразу же понял, что произошло.

— Он освободился! — закричал Толик. — Мишка, прыгай! Прыгай скорей!..

И Толик, а вслед за ним Мишка и Майда прыгнули в море.

В воздухе Толик пересек Черту. В глаза ему ударил нестерпимый оранжевый свет, и он на секунду потерял зрение.

Затем Толик услышал громкий скрежет и визг. Послышались возбужденные голоса.

Толик открыл глаза. Они с Мишкой лежали посреди проспекта. В двух шагах от них боком стоял автобус. К окнам прилипли взволнованные лица пассажиров. Из своей кабинки торопливо вылезал шофер. Лицо у него было бледное.

— Вы что делаете, негодяи! — закричал шофер. — Вы откуда взялись?! Ведь на двести метров впереди дорога была свободна!

Шофер взял одной рукой за шиворот Толика, другой — Мишку и потрянул их как следует. Ребята не сопротивлялись. Ведь не могли же они объяснить, как они очутились на проспекте.

Вокруг собралась толпа. Все обсуждали происшествие.

— Таких задавишь — и отвечать не будешь, — говорил один.

— Совершенно распустили детей, — говорил другой.

— Смотрите, стоят как ни в чем не бывало, — говорил третий.

Толик слушал эти слова и был счастлив. Какие это все были славные люди. Как замечательно они его ругали. Он всю жизнь

слушал бы эту ругань, но, наконец, у Майды кончилось терпение. Она встала между ребятами и прохожими и зарычала.

Прохожие стали расходиться. И довольно быстро. Гораздо быстрее, чем они собирались.

Лишь шофер стоял посреди мостовой и что-то объяснял подошедшему милиционеру. Затем уехал и шофер вместе со своим автобусом. Милиционер подошел к ребятам.

— Ну что? — сказал он. — Пойдем?

— Обождите минутку, товарищ старшина, — слышался голос с тротуара.

На краю панели стоял толстый доктор из зоопарка. Как обычно, он был увешан кулками и свертками. И, как обычно, толстая улыбка сияла на его толстых губах. Толик взглянул на него и отвернулся. Сейчас ему не очень-то хотелось, чтобы его узнали.

— Отпустите этих ребят, — попросил доктор. — Это замечательные ребята. Они больше не будут так неосторожны. Вот этого мальчика я знаю с самой хорошей стороны. Видите ли... меня часто толкают. Но дело не в этом. Однажды я рассыпал свертки, и он сразу же бросился ко мне на помощь. До этого я не видел ни одного мальчика, который бросился бы ко мне на помощь.

Милиционер с сомнением покачал головой.

— Сегодня я их отпущу, а завтра они снова под автобус полезут.

— Не полезут. Уверяю вас, не полезут. Я же, со своей стороны, приглашаю вас в зоопарк. И приводите своих детей. Я им покажу слона совершенно бесплатно.

— Мне, гражданин, бесплатных слонов не нужно, — сказал милиционер. Но тем не менее козырнул доктору и, отвернувшись, зашагал вдоль тротуара.

— Ну, а теперь бегите домой, — сказал доктор.

— Спасибо, — сказал Мишка.

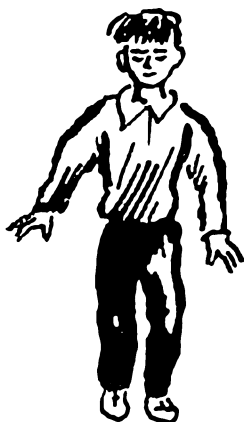
А Толик ничего не сказал. Он боялся, что его узнают по голосу.

Через несколько минут ребята уже стояли у своего дома. Они нерешительно поглядывали на свои окна, но не трогались с места. Они никак не могли придумать, чем объяснить свое отсутствие. Теперь, когда не осталось ни одной спички, ничего доказать было уже невозможно.

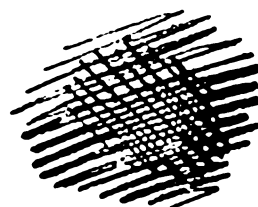
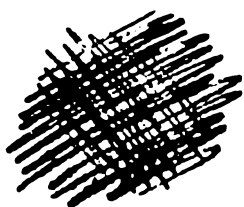
— Эх, если бы была хоть одна спичка, — вздохнул Толик. — Пускай самая последняя. И никаких спичек мне вовсе больше не надо.

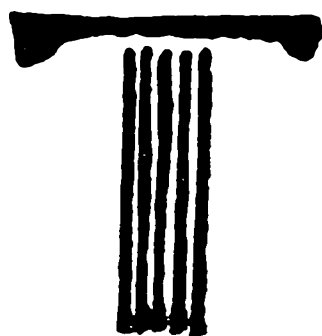
— Да, сейчас бы она не помешала, — согласился Мишка.

Но спички не было.

29.

ТОЛИК МЕДЛЕННО ПОДНИМАЛСЯ ПО ЛЕСТНИЦЕ. Если наверху хлопала дверь, он вздрагивал и замирал, стараясь по звуку шагов угадать: не спускаются ли это мама или папа.

После того, что произошло у Мишки дома, Толик мог представить себе, что его ожидает. Толик сам вызвался идти сначала к Мишке. Но от этого лучше не вышло. Вышло хуже. Толику даже и рта не дали рас-

крыть, чтобы заступиться за Мишку. Да и рот открывать было особенно незачем. Ведь объяснить все равно ничего нельзя. Чем больше объясняешь, тем, выходит, больше врешь.

Мишку, конечно, оставили дома.

Толику пришлось идти одному.

У двери Толик долго стоял, не решаясь нажать кнопку. Снизу слышались шаги. Поднималась соседка по площадке. Увидев Толика, она ахнула, и Толик судорожно ткнул кнопку звонка, чтобы не пускаться в разговоры еще и с соседкой.

Дверь отворилась сразу. На пороге стоял папа. Толик не сразу узнал его. Папа был бледный, худой и весь заросший щетиной. При виде Толика папа побледнел еще больше: У него затряслись губы.

Но самое страшное было то, что папа сказал каким-то чужим и очень тихим голосом:

— Толик? Ты пришел?

У Толика сразу пересохло горло. Он не мог даже шевельнуть языком.

— Ну, проходи... Что же ты стоишь? — тем же голосом сказал папа.

Толик вошел и остановился в передней.

И тут из комнаты вышла мама.

Увидев Толика, мама ахнула и бросилась к нему. Она не говорила ничего. Она схватила Толика и стала его целовать, и смеяться, и плакать. А папа как-то очень аккуратно закрыл дверь и медленно, держа рукой за сердце, прошел в комнату.

Мамнины поцелуи пахли лекарством. И во всей квартире стоял аптечный запах. И вещи были разбросаны повсюду, как перед отъездом на дачу.

Внезапно мама отпустила Толика и бросилась на кухню. Слышно было, как там яростно загрохотали кастрюли и сковородки. Затем что-то упало на пол. Со звоном разлетелись осколки. Мама выбежала из кухни и опять бросилась целовать Толика.

— Мама, — дрожащим голосом сказал Толик. — Мама, я больше не буду. Не сердись, пожалуйста.

Мама всплеснула руками.

— Как же я могу на тебя сердиться! Это ты на меня не сердись, что я так за тебя волновалась...

Не договорив, мама отпустила Толика и побежала к телефону. Она набрала номер и закричала в трубку:

— Женья, Женечка, Толик пришел! Да, да! Конечно! Здоровый, здоровый...

Дядя Женья был маминым братом. Наверное, он что-то сказал маме, потому что она закричала в трубку очень сердито.

— Ты с ума сошел! Разве можно пороть Толика! Толика! Он ведь у меня самый умный и самый послушный!

И лишь сейчас Толик понял, что он натворил. Да, он вернулся домой. Он даже помог освободить Мишку. Но мама осталась прежней. Это была не его мама. И он сам сделал ее такой. Все клюшки и мячи в мире, все хоккейные победы отдал бы сейчас Толик за одну спичку. Но спички не было.

Толик осторожно открыл дверь в комнату. Папа сидел на диване, обхватив руками голову. Таким видел его Толик в тот день, когда они расстались.

Ничего не изменилось. Совсем ничего!

— Папа... — сказал Толик. — Папа...

— Что? — сказал папа, не отнимая от головы рук.

— Папа, я тебе все расскажу. Все, все! Самое честное слово! Я тебя тогда не обманывал. Ты можешь спросить у Мишки...

— Хорошо, — глухо сказал папа, — я спрошу... Потом...

Толик сел рядом с папой. Но папа был как каменный. И тогда Толик лег на диван и заплакал. Он старался плакать тихо, но у него это не получалось. Слез было слишком много.

Он почувствовал, как на его спину опустилась теплая папина рука. Эта рука легонько похлопывала его, и Толик слышал папин глухой голос:

— Успокойся, старик. Ну, извини... Ведь это я довел тебя до этого. Я бы не ушел тогда, если бы знал... Ты прости меня, старик...

Толик уткнулся в диван и заплакал еще сильнее. Что-то больно укололо его в нос, и Толик нарочно прижался лицом крепче, чтобы ему было еще больнее. Может быть, этой болью он хоть немного искупит свою вину. Но распухший нос Толика отказывался терпеть. Пришлось немного отодвинуться. Толик приоткрыл один глаз и увидел спичку.

Она лежала между сиденьем и спинкой дивана. Как раз на том месте, куда папа швырнул коробок в тот злополучный день.

Толик вскочил на ноги. Он взмахнул рукой и накрыл спичку ладонью, как муху, словно боялся, что она улетит от него.

Папа с удивлением смотрел на Толика.

Толик улыбнулся сквозь слезы и стремглав бросился в ванную.

— Толик, ты куда? — тревожно спросил папа.

Но сейчас Толику было не до объяснений. Он влетел в ванную, переломил спичку и сказал:

— Ничего мне не надо. Пускай все будет как раньше. И у Мишки — тоже.

Толик осторожно выглянул из ванной. На пороге кухни стояла мама. Она строго взглянула на Толика и сказала своим обычным голосом:

— Толик, ты разве не видишь, что я устала? Сбегай быстро в булочную. Купи батон и половинку круглого. Хватит бездельничать.

И тут, к удивлению мамы, Толик подпрыгнул, повис у мамы на шее и заорал:

— Ура! Мама, ура! Я бегу в булочную! Да здравствует батон и половинка круглого!

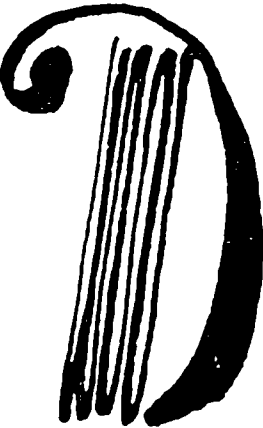
А мама, отбиваясь от Толика, сказала добрым голосом:

— Ну ладно, ладно. Я всегда думала, что ты не такой лентяй, каким хочешь казаться.

И на этом сказочная жизнь Толика закончилась навсегда.

Но

я хочу
сказать еще
несколько
слов

ело в том, что мальчик с голубыми глазами все еще живет во вчерашнем дне. Он может вернуться в наш день, если ему снова захочется найти друга. Он может отомстить Толику за то, что тот оказался не таким лентяем и жадной, как он рассчитывал. И еще долго будет Толик ходить по улицам озираясь. И не раз еще ему придется вздрогнуть при встрече с каким-нибудь человеком, в глазах которого вдруг мелькнет голубой огонек жадности.

А лентяи и жадины, и вообще все, кто мечтает прожить жизнь ничего не делая, должны знать: во вчерашнем дне они — желанные гости. Там их ждет мальчик с голубыми глазами, о котором мне вспоминать настолько противно, что я даже не хочу рассказывать, кто он и откуда взялся. Ведь он сам пожелал забыть своих родных и друзей, чтобы ни с кем не делиться своим богатством. Так стоит ли о нем вспоминать?

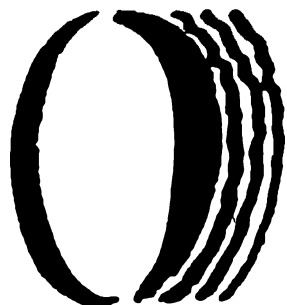
Где-то на дне моря все еще бродит Железный Человек. Он слишком железный и никогда не умел понимать чужое горе и чужую беду. Поэтому ему никогда не стать настоящим человеком. Так он и будет ходить по дну, разыскивая Толика, пока насквозь не проржавеет.

Но мне, если хотите знать, его почему-то не много жалко.

Теперь я до конца знаю историю Толика. И я совершенно уверен в том, что настоящее счастье человеку приносят чудеса, сделанные его же руками.

Вот и все, что я хочу сказать всем, кто прочтет эту повесть.

АВТОР

ГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. МЕЛКИЕ ЧУДЕСА	5
Часть вторая. ЧУДЕСА ПОНЕВОЛЕ	119
НО Я ХОЧУ СКАЗАТЬ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ	173

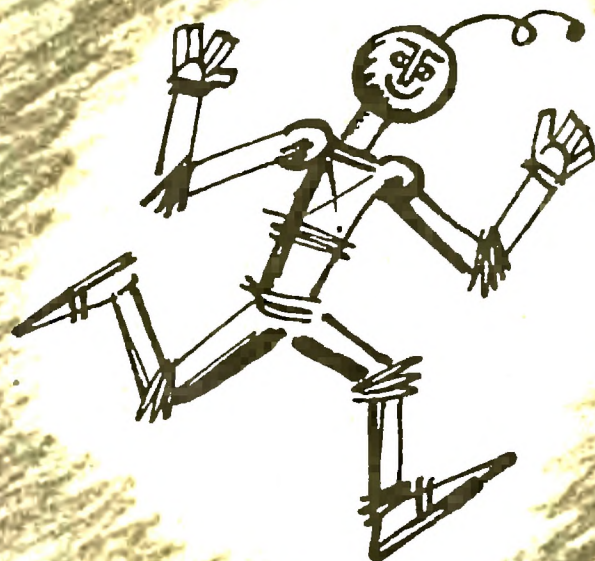
ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Томин Юрий Геннадиевич

ШЕЛ ПО ГОРОДУ ВОЛШЕБНИК

Ответственный редактор Г. А. Аршиппиков. Художественный редактор В. В. Куприянов. Технический редактор Т. С. Филиппова. Корректоры Г. М. Шукан и Л. К. Малявко. Подписано к набору 27/VIII 1969 г. Подписано к печати 28/I 1970 г. Формат 70×92¹/₁₆. Бум. № 2. Печ. л. 11. Усл. п. л. 12,87. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 100 000 экз. ТП 1970 № 283. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 669. Цена 45 коп.

*Скан, OCR, обработка
Mouisei 2018 г.*

300-
45 коп

T56

